

Тюстаб Леруш

Тюстаб
Леруш

**ВОЙНА
ВАМПИРОВ**

2

2

Фантастическая дилогия классика французской приключенческой литературы Гюстава Леруа продолжает серию малоформатных изданий «Януса», открытую шеститомником Г. Р. Хаггарда.

Гюстав Леруж

**Война
вампиров**

Фантастическая диалогия

ПЕРМЬ 1993

Гюстав Леруж

Невидимки

Роман второй

«ЯНУС»

ББК 84.4 Фр.
Л49

Перевод *Марины и Евгения Сушарников*
Редактор *В. Азарский*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

А. Гладков (директор)
В. Ширинкин
В. Смоляков
С. Пятунин

Л $\frac{4703010100-033}{Д25(03)-93}$ Без объявл.

© М. и Е. Сушарники, перевод. 1933.
© ОсОО «Янус», оформление, 1993.

ISBN 5-87916-033-5

ЗАРУХ

— Ах, мистер Джордж, вы и представить себе не можете, сколько радости ваш приезд доставит моим друзьям — капитану Уэйду и инженеру Балинскому! Они ждут вас с величайшим нетерпением! Нам стоило огромного труда разыскать вас...

— Для меня до сих пор остается загадкой, как вы меня нашли, господа!

— Разбирая бумаги вашего брата, уцелевшие после взрыва в Келамбрии, мы обнаружили одно из ваших давних писем, адресованных Роберту, и так попали на ваш след...

— Это было мое последнее письмо, — прошептал молодой человек, — и с тех пор я ничего не знаю о судьбе Роберта...

— Не отчаивайтесь, мистер Джордж. Еще не все потеряно! Деньги и знания могут многое. Мы сделаем все для его спасения, если только уже не поздно!

— Однако вернемся к вашему письму, сэр, — продолжал Ральф, пытаясь скрыть охватившее его глубокое волнение. — Оно было отправлено из Парижа, но не содержало обратного адреса. Вы рассказывали лишь о своих научных изысканиях. Но мисс Альберта непременно хотела познакомиться с вами, сэр, а если уж она что-нибудь решила, то непременно добивается своего. Ведь это по ее распоряжению обыскали все школы, лицеи и университеты, засыпали газеты объявлениями...

— Ее старания оказались бы безуспешными, сложились обстоятельства несколько иначе, мистер Питчер... Окончив Центральную школу, я стремился получить место за границей и работать там инженером.

— Я знаю, что вы добились своего, сэр. Но я должен рассказать вам о судьбе вашего брата гораздо более того, о чем сообщала пресса.

— Мне уже известно об установлении межпланетной связи и о том, что мисс Альберта живет, отгородившись от всего остального мира...

— Все это правда, сэр... Когда световая сигнализация с Марса прекратилась, мисс Терамон пригласила нас вместе с капитаном Уэйдом и инженером Балинским. Сказала она примерно следующее:

«Друзья мои! Хотя надежды уже не осталось, но упорство и присутствие духа еще не покинули меня. Если Роберт Дарвел открыл способ, которым можно долететь до Марса, почему мы с вами не можем сделать то же самое? И мы повторим его открытие, даже если за это мне придется отдать все свое состояние! Я весьма рассчитываю на вашу помощь в этом деле, господа...»

Отпустив по нашему адресу множество лестных выражений, она добавила, что вряд ли ей удастся найти где-либо еще людей, столь преданных науке и доброжелательно относящихся к ней самой, а потому мисс Альберта открыла для нас в своем банке неограниченный кредит, которым мы можем пользоваться по собственному усмотрению... Мы, конечно же, приняли ее предложение с большим энтузиазмом — немногим ученым выпадает удача

работать в таких условиях! Надеюсь, сэр, что вы тоже войдете в наш круг...

А когда Джордж Дарвел, сияя от радости, принялся было его благодарить, Ральф ответил:

— Давайте пожмем друг другу руки, мистер Дарвел. Этого будет вполне достаточно... Ну вот, мы и договорились! Вводя вас в курс работ, мы исполняем священный долг дружбы. Видите ли, все мы очень любим вашего брата и непременно найдем его. Я в этом совершенно уверен.

Оба умолкли, погрузившись в невеселые размышления, и стали прогуливаться в тени роскошных пальм и пробковых деревьев.

Чтобы хоть немного развлечь своего нового приятеля, Ральф пригласил его совершить маленькую экскурсию по окрестностям.

Этот зеленый уголок, похожий на свежий оазис посреди знойного Туниса, был одним из красивейших мест на свете. Лесная дорога бежала сквозь живописные буйные заросли, по холмам и долинам, то исчезая среди душистых лавров и диких миртов, то

выныривая из островка колючих кактусов, цветы которых источали одуряющий аромат. Иногда под сенью вековых деревьев скрывались древние развалины времен Рима. Гирлянды вьющихся ползучих растений опускались с ветвей до самой земли, а в густой зелени прыгали целые стаи крикливых птиц.

— Скажите, сэр, — неожиданно заговорил Джордж, — а каким образом вы очутились в Тунисе? Я полагал застать вас в Англии или Индии!

— Мисс Альберта выбрала этот райский уголок, чтобы замести следы и здесь, в уединении и покое, подальше от любопытных глаз, хоть немного отдохнуть. Климат здесь просто великолепен! И ни один турист сюда не доберется! К тому же, здесь мы можем быть уверены, что никто не мешает нам работать. Тут нет ни репортеров, ни фотографов, ни элегантных бездельников, которых именуют «похитителями времени»!

В нашей химической лаборатории настолько уютно, словно мы обосновались в каком-то средневековом аббатстве. Кроме

того, оборудование там поистине королевское. У нас есть все необходимое для научных опытов и исследований.

— А мисс Альберта откуда знает эти места?

— Однажды она проплывала здесь на своей яхте «Победитель» и была просто очарована тем, что ей довелось увидеть.

— Давно ли она поселилась здесь?

— Нет. Несколько месяцев назад здесь продавали дворец одного итальянского банкира. Он построил его специально для себя, но потом умер. Мисс Альберта приказала купить виллу сицилийца. Взгляните, как она великолепно смотрится отсюда, сэр!

Действительно, это изящное строение из белого мрамора, выполненное в мавританском стиле, походило на сказочный замок из «Тысячи и одной ночи», четко вырисовываясь на фоне темной зелени.

— Наконец-то я встречусь с мисс Альбертой и смогу поблагодарить ее за все старания, которые она прилагает, чтобы разыскать моего несчастного Роберта!

— К сожалению, вы не увидите ее ни

сегодня, ни завтра, сэр. Я совсем позабыл предупредить вас, что мисс Терамон вернется лишь через несколько дней. Дела на золотых приисках потребовали ее постоянного присутствия.

— Очень жаль, — тихо проговорил, несколько смутившись, молодой человек.

— Известно ли вам, что эти залежи, обнаруженные вашим братом, по-прежнему приносят баснословную прибыль? — спросил Ральф. — В сейфы мисс Альберты деньги поистине текут рекой! А расходы на наши научные изыскания — ничтожная капля в этом потоке...

Сдавленный крик прервал тираду Ральфа, и в тот же миг стоя перепуганных птиц взмыла в воздух.

— Это Зарух, мой негр, — уточнил Питчер. — Должно быть, опять струсил, что с ним, впрочем, часто бывает!

Свернув чуть вправо, молодые люди действительно увидели окаменевшего от испуга негра. Его черная физиономия приобрела землистый оттенок, а весь вид говорил о том, что Зарух находится в крайнем ужасе.

Джордж понял, что перед ним незрячий. На обоих глазах негра были бельма, однако это не безобразило его. Высокий лоб сочетался с довольно правильными чертами лица, а губы были не такими толстыми, как у обычных представителей негроидной расы.

Ральф подошел и спросил:

— Что с тобой случилось, мой бедный Зарух? Вот уж не думал, что ты так пуглив! Нет ли где поблизости пантеры?

Зарух отрицательно потряс головой. Он был слишком взволнован, чтобы говорить, и трясся всем телом под своим легким белым бурнусом. Мул, которого он держал за поводья, тоже казался встревоженным.

— Это что-то необыкновенное! — шепнул Джордж на ухо Ральфу. — Птицы ведь только что тоже всполошились... Что все это значит?

— Я и сам не знаю, что подумать, — обеспокоенно отозвался натуралист. — Вероятно, Зарух все-таки почуял опасность, но какую? Кроме скорпионов и диких котов, в лесу Аим-Драхам, что по-арабски

означает «источник», зловредных тварей не водится.

— А гиены?

— О, это подлые, но трусливые создания. Они никогда не нападают на людей, и такой безделицы Зарух бояться не стал бы.

— Но вы буквально минуту назад говорили о пантерах.

— Нет, это не серьезно. Они в Тунисе очень редки, с трудом можно поймать одну раз в несколько лет. Впрочем, Зарух, будучи родом из Судана, боится их не больше, чем гиен. Это должно быть что-то другое!

— Сейчас мы все узнаем, он уже немного опомнился!

— Ну что, теперь ты можешь говорить? — спросил негра Питчер. — Ох и трус же ты, однако! Ты ведь знаешь, что с нами тебе ничего не грозит! А я-то думал, ты посмелее!

— Мой господин, — почти неслышно отозвался негр, — Зарух быть отважный, но ты не знать... ах, страшно, господин! Зарух не бояться ни пантеры, ни хищные

птицы, но я бояться, я ужасно бояться злой души!

— Говори-ка яснее!

— Господин, я поклялся именем Аллаха, могущественного и милосердного, святой бородой Магомета, пророка над всеми пророками... Минут назад меня коснулся своим крылом джинн... Быть может, даже сам Эблис! Вся кровь сбежать мне к сердцу... Я едва успеть трижды промолвить святое имя Аллаха, перед которым исчезать все джинны, голу и дивы... Совсем быстро в окружающей меня темноте мне показаться огненный лик и тотчас улететь на крыльях... Господин, я присягнуть: за один минут я все это видеть!

— Неужели это возможно? — с сомнением переспросил Ральф. — А почему мы ничего не видели? Наверно, это была галлюцинация, греза, какие часто бывают у курильщиков опиума... — Хлебни-ка ты лучше водки, приятель, и позабудь об этих бреднях!

Негр быстро схватил бутылку с хмельным напитком из плодов фики и, жадно сделав несколько глотков, продолжал:

— Я говорить правду... Это не быть кошмар! Вы сами видеть, как испугаться птицы и мул! Он дрожать, как перед львом! Почему? Потому, что всем им тоже очень-очень страшно, господин! Всемогуший Аллах приказать моим мертвым глазам ненадолго видеть, чтобы остеречь перед опасностью!

— А я говорю, что тебе все приснилось, Зарух! Ты задремал, во сне дернул за узду мула, тот испугался, а птицы могли заметить в воздухе ястреба...

Зарух отрицательно покрутил головой. Он верил в злых духов, и доводы натуралиста не могли его переубедить. В кудрявой голове Заруха гнезилось много упрямства!

Ральф с Джорджем прошли немного вперед и Питчер сказал своему гостю:

— Этот негр — весьма любопытный тип! Он хоть и слеп, но слуга из него превосходный. Он великолепно слышит и невероятно чутко ощущает руками. В лаборатории знает все до мельчайшей мелочи и никогда ничего не перепутает. А самое важное, он может безошибочно назвать количество и

положение облаков в небе, а однажды, когда мы взяли его с собой на охоту, Зарух просто изумил всех нас меткостью своей стрельбы!

— Да, для незрячего это более чем необычно!

— Более того, если однажды он побывает в чьем-то присутствии, то, не задумываясь, всегда распознает этого человека в дальнейшем.

— Действительно невероятно, но легко поддается объяснению. Ведь подобные случаи не раз уже встречались...

— Однако уверяю вас, сэр, что Зарух представляет собой весьма неординарный объект для наблюдений, и наверняка я недалек от истины, предполагая, что его глаза, покрытые бельмом и не видящие остального мира, весьма чувствительны к инфракрасному излучению, излучению типа X и многим другим его еще не исследованным разновидностям. Что в этом невероятного?

Джордж молчал. Его сильно заинтересовала смелая гипотеза Ральфа.

— Почему Заруха до сих пор не прооперировали?

— Капитан давно намеревался это сделать, но Зарух решительно возражает.

Вновь воцарилось молчание. Вдруг откуда-то донеслась тоскливая монотонная мелодия из нескольких повторяющихся фраз. Такую обычно наигрывает караванщик, ведя длинную цепочку верблюдов сквозь раскаленные пески.

Джордж поддался очарованию этой музыки, в которой ему слышался безотрадный посвист ветров пустыни...

— То, что вы мне рассказали, сэр, весьма неутешительно, — отозвался он наконец. — Если Зарух настолько чувствителен, в его словах несомненно есть доля истины!

— Кто знает? — задумчиво произнес Ральф. — Шекспир был прав, вложив в уста Гамлета свою знаменитую фразу: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»... Быть может, наш негр — пророк — вестник эволюции физического зрения человека, который через многие сотни лет, а то и раньше, станет различать то, что пока для нас скрыто.

— Научной дерзости вам не занимать! — ответил Джордж.

— Ну, почему же? Разве уже теперь люди, погруженные в гипнотический сон, не видят тех, кто находится от них на значительном расстоянии или отделен толстой стеной? А ведь в эти моменты глаза у них закрыты! Уверен, тщательное исследование подобных явлений послужит доказательством, что это не случайность, а закономерность!

— А что за существо упоминал Зарух? Он, кажется, говорил о джиннах... К стыду своему, вынужден признаться, что я слишком долго занимался естественными науками, и восточная мифология совершенно улетучилась из моей памяти...

— Я знаю ее не лучше вашего, сэр. Но это не беда, мы расспросим Заруха. Он в этих вопросах неисчерпаемый кладезь, а воображение его полно теми чудесными сказками, которые обычно рассказывают по ночам погонщики верблюдов, расположившись в пустыне у костра... Зарух! — громко окликнул Питчер.

— Я слышать вопрос твоего приятеля,

о, мой господин, — ответил негр. — Но можно ли говорить про джиннов, когда они кружить возле нас?

— Не бойся! Ведь ты же сам говорил, что за один час можно пролетать сотни миль! Даже если эти чудища были тут, то теперь наверняка умчались далеко...

Эти слова наполнили Заруха радостью.

— Конечно, господин! — с облегчением воскликнул он. — Это есть правда и я не врать, но теперь я ничего не бояться: Аллах нас защитит!

А потом нараспев и чуть гнусавя, продолжал:

— Джинны — это невидимые духи, они жить между небом и землей, но их есть в тысяча раз больше, чем людей и зверей... Джинн есть злой и добрый. Но злой — больше, о, много больше! Они быть послушные Эблису, которого Аллах оставил свободный до самого страшного суда...

Мудрый султан Сулейман, почитаемый даже евреями и неверными, получить от Аллаха камень — зеленый, блестящий, как звезда, и тот ему дать власть приказывать духам. Они его до самой смерти слушаться

и даже построить святыню в Иерусалиме. Но когда Сулейман умер, джинны разлетятся по всей свет, стали делать всякий зло и мешать, ох как мешать людям!..

В этом предмете Зарух оказался весьма сведущ и долго перечислял всяческие разновидности злых духов и их жуткие свойства.

Ральф и Джордж молчали. Им казалось, что они снова стали детьми и с увлечением слушают сказки «Тысячи и одной ночи», а серьезность Заруха и его глубокая вера в собственные рассказы придавали им невыразимое очарование.

К тому же негр бегло говорил по-французски, хотя неправильно употреблял глаголы.

Увлеченные беседой, молодые люди не заметили, как оказались перед Пальмовой Виллой.

ПАЛЬМОВАЯ ВИЛЛА

Стоящая в глубине широкой долины вилла Альберты казалась белым мраморным островком в океане окружавшей ее зелени.

Умелое гармоничное сочетание элементов мавританской архитектуры с изысканностью венецианских дворцов делало здание поистине неповторимым. Это был чудесный сон, воплощенный в камне. На фоне ярких мозаик, покрывающих полы и стены, резко выделялась белизна мраморных колонн, поддерживавших галереи, украшенные тончайшей резьбой, которая могла посоперничать по красоте с дорогим кружевом. Ко всему приложили руку искуснейшие мастера, труд коих стоил немалых денег. Лазурные купола и позолоченные, сияющие на солнце крыши придавали зданию вид ожившей сказки.

Джордж невольно остановился, восхищенный этим чудом строительного искусства.

— Как вам нравится наша хижина, сэр? — добродушно спросил Ральф.

— Мне кажется, что дворец Аладдина — просто убогая мазанка по сравнению с тем, что я тут увидел.

— Ну, ну, не будем преувеличивать, друг мой! Однако следует признать, что наше жилище сочетает в себе благородные

черты итальянского зодчества и небрежное очарование арабского стиля. Ко всему добавьте еще чисто английскую любовь к комфорту, когда все удобства предусмотрены до мелочей.

— Мне показалось, что крыша отчасти стеклянная...

— Вы не ошиблись. Там, на террасе, расположена наша лаборатория. А в одном из куполов мы устроили настоящую обсерваторию с телескопом, но снаружи его не видно. Глядя на этот великолепный дворец, невозможно даже предположить, что в нем разместился мощнейший арсенал последних достижений науки. Впрочем, скоро вы сами в этом убедитесь, сэр.

Пока они беседовали, Зарух распахнул настежь высокие двери из кедрового дерева, красиво окованные металлом. Глазам Джорджа предстал просторный холл с высоким потолком, украшенный мозаикой. Своды его покоились на алебастровых, отделанных под мрамор колоннах, а в центре висела турецкая люстра из резной меди.

Из холла можно было выйти во внутренний дворик, называемый в Испании патио,

в центре которого, рассеивая прохладу, журчал фонтан.

Расставленные между колоннами диваны и глубокие удобные кресла, обитые тисненой кожей, так и манили, приглашая отдохнуть. Навстречу прибывшим вышла молодая девушка в белом платье и с маленькими золотыми сережками в виде колечек в ушах.

— Керифа, — сказал натуралист, — покажи этому господину его комнату, а потом проводи в лабораторию. Я буду ждать там. Проследи, чтобы он ни в чем не нуждался!

Джордж внимательно посмотрел на девушку. Смугловатая кожа, большие миндалевидные глаза, орлиный нос, чуть припухлые губы и голубоватая татуировка на руках и на лбу явственно указывали на ее происхождение. Служанке было лет 16, но она уже теперь обещала стать очаровательно красивой.

— Это дочь шейха кочевого арабского племени; мисс Альберта вылечила ее от оспы, за что девушка платит ей безграничной любовью, почти рабской преданностью и пользуется полнейшим доверием своей

хозяйки. Она служит ярким примером того, чем могли бы стать арабы, если бы с ними обходились по-человечески. К сожалению, как правило, их только бьют и всячески унижают...

Керифа проводила Джорджа в просторную комнату с большими витражными окнами, мозаичными стенами и круглым потолком. Тщательно продуманная планировка и исполнение интерьера позволяли содержать помещение в идеальной чистоте, не допуская скопления пыли и грязи. Занавеси из стеклянного бисера слегка приглушали яркий солнечный свет, а мебель и утварь, выполненные по эскизам Уолтера Крейна, были сделаны из кованой меди, дуба и фарфора. Букеты цветов из разноцветного стекла скрывали за собой электрические лампы.

По соседству с этой комнатой с одной стороны располагалась богатая библиотека, с другой — ванная и гардеробная. Все вокруг свидетельствовало о великолепном вкусе и любви к удобствам.

— Здесь тебе будет хорошо, — сказала Керифа, обнажив в улыбке белоснежные

зубы. — Вот здесь — телефон, а здесь — электрический звонок, которым ты можешь вызывать слуг. Они явятся к тебе в любое время дня и ночи. Может быть, ты хочешь освежиться каким-нибудь прохладительным напитком? Или голоден?

— Нет, спасибо, Керифа. Я хорошо позавтракал на вокзале.

— Ладно, тогда я ухожу...

С этими словами девушка, изящная и быстрая, как газель ее родной пустыни, исчезла.

Оставшись один, Джордж с наслаждением принял прохладную ванну, а смыв с себя дорожную пыль, надел легкие брюки и спустился в сад, откуда Керифа провела его в лабораторию. Она была оборудована на самой большой из террас виллы. Пять необъятных хрустальных окон, отделенных друг от друга стальными колоннами, отгораживали лабораторию от остальной части здания, а тяжелые плюшевые портьеры по мановению руки превращали день в самую глубокую ночь, стоило только нажать кнопку.

Изумлению и восторгу Джорджа вновь

не было предела, ибо даже в самых шикарных столичных лабораториях он не видел ничего подобного. Фотографические пластинки длиной в несколько метров, зеркала, сохраняющие на несколько минут отражение летящей птицы или насекомого... Добавьте к этому гигантские трубы телескопов, нацеленные в небо, и мощные микрофоны, благодаря которым становились слышны малейшие шумы и шорохи на земле и в поднебесье.

Еще там были различные приборы для физических и химических опытов, но были и такие устройства, предназначение которых оставалось пока неясным молодому человеку.

К лаборатории примыкала зала, где в шкафах хранились химические препараты, стояли мощные электрические батареи и охладители.

Войдя в этот храм науки, Джордж долгое время стоял, не в силах вымолвить ни слова, так что Ральфу пришлось прийти ему на помощь.

— Отныне вы принадлежите к нашей когорте, сэр, — непринужденно начал он. —

Сейчас я вам представлю будущих коллег по работе и друзей вашего знаменитого брата, мистер Джордж...

Услышав эти слова, к молодым людям быстро приблизились двое мужчин в длинных блузах, до этого занятые каким-то делом. Вместе с ними был и помогавший им Зарух.

Внешне они оказались прямой противоположностью друг друга: рослый, светло-волосый и голубоглазый Балинский был типичным славянином, живым, искренним и красноречивым. Капитан Уэйд, напротив, — невысокий, коренастый, с неторопливыми жестами и властным взглядом темных глаз. В его длинных усах уже пробивалась седина, а выправка и манера держаться выдавала военного. Однако по натуре Уэйд был человеком добрым и тонко чувствующим, а потому поспешил сердечно пожать Джорджу руку и заверить его в своем самом искреннем к нему расположении.

— Капитану Уэйду вы можете доверять вполне, мистер Дарвел, — сказал Ральф. — Он человек, к излишним не склонный, тщательно взвешивает каждое слово, но если

уж что-то пообещает, то можно не сомневаться, что все так и будет!

Балинский приветствовал вновь прибывшего весело и несколько шумно.

— Что за невероятное сходство! — воскликнул он. — Вылитый Роберт... Именно так он выглядел, когда мы с ним жили в Сибири! Когда вы вошли, в первый момент я сильно разволновался... Мне показалось, что к нам вернулся наш милый друг, открыватель новых миров!

Потом стало тихо. Джордж нарушил молчание первым.

— Вы действительно уверены, что брат мой жив и когда-нибудь сможет вернуться на Землю? — спросил он.

— Я даже не сомневаюсь, что он не погиб, — серьезно ответил капитан.

— Но сигналы прервались так внезапно... — печально заметил молодой человек. — Должен признаться, господа: надежда и уверенность в моей душе не столь сильны, как у вас, но я так хотел бы ошибаться!

— Однако исчезновение сигналов еще ничего не доказывает, милейший, — горячо

воскликнул Балинский. — Роберт может быть жив, но лишен возможности общаться с нами, а ведь и нам это удастся с великим трудом! Да вы только подумайте: Роберт добрался на Марс жив и невредим! Он сумел войти с его обитателями в такой контакт, что мог передавать нам световые сигналы! Почему мы должны считать, что жизнь его оборвалась? У нас нет для этого никаких оснований! Решительно никаких!

— Но тем не менее, вся эта невероятная история с эрлоорами, которые захватили Роберта в плен, после чего связь прекратилась... — начал Джордж.

— Это тоже не доказательство! Видите ли, сэр, Роберт избежал опасности! Ведь он сам нам сообщил о случившемся, описывая событие, как довольно давнее!

— Поверьте, мистер Джордж, — вмешался в беседу капитан Уэйд, — Роберт должен быть жив. Его небывалый эксперимент отнюдь не напрасен, хотя и окутан глубокой тайной! Вы можете считать меня мистиком, но я уверен, что подготовка к сближению двух планет началась много столетий тому назад. Роберт должен был попасть на

Марс, а теперь должен вернуться на Землю, чтобы обогатить человечество знаниями о новом, ином мире и отличном от нашего способе мышления! И для меня эта истина столь же непоколебима, как теория Эвклида, — так должно быть!

Капитан Уэйд произносил свою речь с таким жаром, что его настроение передалось остальным, и Джордж почти поверил, будто его брату была предопределена роль, судьбоносная для обеих планет.

— А вообще-то, — медленно и раздумчиво произнес Ральф, — мы не станем сложа руки дожидаться здесь, пока вернется Роберт, мы сами прилетим к нему, и это случится очень скоро!

— Что? Неужели вы уже открыли способ межпланетных полетов, сэр? — все больше и больше проникаясь к нему доверием, прошептал Джордж. Это, в свою очередь, вдохновило Питчера и Балинского.

— Для этого нужно совсем немного, — продолжал капитан Уэйд. — Осталось лишь доработать кое-какие технические детали нашего проекта; впрочем, это второстепен-

ные трудности, с которыми мы управимся недели за две! Записи вашего брата, сэр, которые мне удалось разыскать в монастыре, очень намгодились.

— Я тоже постараюсь вам помочь! — радостно воскликнул Джордж.

— Как вам известно, мистер Джордж, — продолжал капитан, поглощенный своими мыслями, — все феномены из области физики, механики и химии есть не что иное, как разновидности движения. В официальной науке это аксиома. Тепло является особым видом движения, так же, как и свет; в этом мы можем убеждаться ежедневно, и увидим, как движение превращается в тепло, тепло переходит в электрическую энергию, а электрическая энергия становится световой. Размышляя логически, мы можем допустить, что при определенных условиях электричество может превратиться в флюид воли. И в тот день, когда человек научится усиливать свой хрупкий мозг почти неограниченной силой электрических токов или концентрировать данный флюид в нервной системе, как теперь накапливает электрическую энергию в аккумуля-

муляторах, это будет великое достижение, и он станет всемогущ!

— И что же он тогда сможет? — спросил Джордж.

— Да практически все. Для него перестанут существовать болезни, усталость, и кто его знает, что еще! Возможно, он будет даже бессмертен! Он не будет знать никаких преград. Так вот, мистер Джордж, ваш брат открыл способ концентрации психической энергии; мы ищем метод, каким ее можно получить из электричества.

— И вы уверены, что решите свою задачу, господа? — шепотом спросил Джордж, захваченный небывалыми перспективами, которые открылись его воображению.

— Ведь я уже сказал, сэр, что нам осталось лишь кое-что усовершенствовать... а впрочем, это все пустяки!

— Кстати, — живо вмешался в беседу Балинский, — мы можем доказать даже теперь, мистер Джордж, что то, о чем мы ведем речь, существует не только в теории и у нас уже есть практические результаты. Сейчас вы сами в этом убедитесь!

С этими словами он вынул из-под кол-

пака странный шлем из меди и стекла, соединенный множеством проводов с аккумулятором и надел на улыбающегося Уэйда, который сразу стал похож на водолаза.

— Смотрите, сэр, — продолжал он, — аккумулятор по платиновым проводам передает ток, последний перерабатывается в психическую энергию и концентрируется в мозгу нашего приятеля. Смотрите, глаза его блестят, лицо выражает спокойствие и нечеловеческую волю. Смотрите, оно прямо светится изнутри! Воля Уэйда теперь стала вдесятеро сильнее. Прикажи он нам что-нибудь, и мы вынуждены будем подчиниться, не раздумывая.

Джордж молчал, а Балинский, сочтя это признаком недоверия, воскликнул:

— Быть может, вы желаете убедиться в этом лично? Сейчас капитан мысленно велит вам опуститься на колени, а вы попытайтесь ему противостоять!

— Это действительно было бы весьма любопытно... — пробормотал Джордж, собираясь с силами на тот случай, если на него и впрямь попытаются как-то воздей-

ствовать. — Тогда я действительно поверю во все!

Уэйд перевел на него повелительный сверкающий взгляд, и молодой инженер вдруг почувствовал внезапную жгучую боль в груди... А еще через минуту, как ни старался стоять прямо, опустился на колени. Ноги сами подогнулись под ним, лоб покрылся каплями пота, лицо горело.

— Просто поразительно... — чуть слышно прошептал он. — Да и кто бы смог бороться с такой силой?..

— Наука — всемогущая владычица! — серьезно произнес Ральф.

— Теперь вы убедились, Джордж, что если бы наш друг приказал вам взять вон тот большой нож, лежащий на столе, и отсечь голову Заруху, который сейчас так внимательно нас слушает, вы исполнили бы его повеление беспрекословно! Вот, уже и теперь вы бессознательно подчиняетесь его воле...

А тем временем Джордж, смертельно бледный, с искаженным лицом и плотно сжатыми губами, неуклюже, как автомат, направлялся к столу.

Глубоко вздохнув, он взял нож и двинулся к негру. Зарух в страхе попятился. Джордж уже занес руку для смертельного удара, но в этот момент Уэйд взглядом остановил невольного убийцу. Молодой человек застыл на месте. На лице его были написаны усталость и невыразимая мука.

— Умоляю вас, ради всего святого, прекратите подобные опыты, господа... То, что я пережил, просто ужасно... Мне казалось, что в меня вселился сам дьявол и завладел моей волей, мыслями, телом... Теперь я поверил во все, что читал об одержимых нечистой силой!

— С той лишь разницей, — заметил Балинский, — что в прежние времена чужой волей и телом могли управлять отдельные индивидуумы при чрезвычайном стечении обстоятельств, а мы можем делать это весьма легко и в любой момент.

— Нам и в голову не приходило, что эти действительно необыкновенные опыты действуют на вас так угнетающе, сэр, — произнес Ральф. — Мы только хотели доказать вам, что полет на Марс вовсе не мечта.

— Да, и теперь я окончательно в этом убедился, — кивнул Джордж, который начал, наконец, приходить в себя. Попытки сопротивляться мысленным приказам Уэйда даром не прошли.

— А теперь смотрите дальше, — продолжал Балинский. — Мы покажем вам еще кое-что любопытное!

Он шепнул Заруху несколько слов, тот нажал электрическую кнопку на одной из стен, и тут же в стеклянной крыше отодвинулась в сторону большая пластина. Балинский осторожно вынул из футляра некое подобие стеклянного веретена с тонкими концами и, держа его двумя пальцами, приблизился к Уэйду, который сосредоточился на странном инструменте.

В зале воцарилось глубокое молчание. Через несколько минут Балинский разжал руку, а стеклянное веретено с легким свистом стрелой взмыло вверх и исчезло в отверстии в крыше.

Изумленный Джордж не мог отвести от него взгляда, мысли вихрем кружились в его голове...

Тем временем капитан, освободившись от своего шлема, подошел к ним и произнес:

— Я вижу, наши маленькие опыты произвели на вас некоторое впечатление, сэр! Но это сущая безделица по сравнению с тем, что мы можем на самом деле!

Джордж вежливо поклонился.

— Позвольте поблагодарить за оказанную честь, которой я удостоиваюсь, будучи допущен к вашим потрясающим научным исследованиям, господа, — произнес он.

— Я не сомневаюсь, что в вас мы найдем великолепного помощника, Джордж! — ответил Уэйд.

— Буду счастлив, если это действительно окажется так, — скромно отозвался молодой человек, — хотя не знаю, чем смогу быть полезен столь великим ученым, как вы, уважаемые.

Уэйд ничего не ответил: Джордж с первой минуты завоевал его симпатию. Капитан понял, что Дарвел очень одарен и принадлежит к тем, кому присущ полет мысли и дерзость талантливого ученого-экспериментатора.

Во время минутной паузы в разговоре

взгляд Джорджа вдруг упал на роскошную бронзовую статую в центре лаборатории. На постаменте из черного оникса возвышалась фигура юноши, выполненная в стиле эпохи Возрождения. В одной руке он держал колокольчик, а в другой табличку. Чуть приоткрытые губы словно хотели что-то сказать.

— Нравится вам скульптура, мистер Джордж? Этот шедевр французской школы связывает нас со всем остальным миром. Внутри статуи установлен отличный телефонный аппарат. Этот королевский каприз мисс Альберты стоил кругленькую сумму! — объяснил Ральф.

— Редко можно увидеть подобную красоту! — восхитился Джордж.

— Ничего удивительного. Это одна из последних работ знаменитого Фальгьера, маэстро пластики... На лице юноши — неуверенность и ожидание гонца, принесшего вести, о которых он сам ничего не знает... — продолжал Ральф.

Тут раздался звонок, прервавший его речь, и мелодичный голос четко произнес:

— Алло, это я, Альберта... Надеюсь, я

не помешала какой-нибудь важной работе, господа?

— Конечно, нет, мисс, — ответил Ральф, приближаясь к табличке в руке статуи. — Надеюсь, что вы, как всегда, здоровы и у вас все в порядке?

— Все идет отлично. Я закончила свои дела гораздо раньше, чем предполагала, и завтра «Победитель» выходит в открытое море; уже к вечеру надеюсь прибыть на виллу.

— Хотите ли вы сообщить об этом Керифе, мисс?

— Спасибо, Ральф, она уже знает и вечером приедет на автомобиле к причалу... Да, совсем забыла! Прибыл ли сэр Джордж Дарвел?

— Да, мисс, часа три тому назад.

— Передайте ему, пожалуйста, что я буду счастлива видеть его в нашей одинокой обители. А теперь должна попрощаться с вами, господа, поскольку меня еще ждут клиенты банка и адвокат, с которым нужно поговорить о процессе, начатом против меня правительством Трансвааля...

Беседа закончилась, а Джорджу казалось, что он все еще слышит мелодичный звонкий голосок Альберты.

— Быть может, вы сами хотели с ней перемолвиться словечком, Джордж? Ну, ничего, завтра наша хозяйка будет здесь, а нынче, как вы уже слышали, у нее уйма дел. Ей много приходится ездить по делам и она почти не отдыхает; поистине, нужен незаурядный ум, чтобы защитить свой капитал от всяких финансовых спекулянтов, и Альберта прекрасно с этим справляется!

— Впрочем, вскоре вы сами по достоинству оцените ее утонченную образованность, Джордж, — пообещал капитан.

— Неужели она разбирается в научных проблемах? — удивился тот.

— Совершенно верно. Временами эта девушка просто поражает нас смелостью и логикой своего мышления. К сожалению, она будет навсегда потеряна для науки, став счастливой супругой вашего брата, мистер Дарвел!

Джордж погрузился в молчание. Теперь, когда схлынули первые впечатления от необычных опытов, он размышлял об огром-

ном пространстве, отделявшем Роберта от родной планеты, и сомнения вновь охватили его.

ЛУКУЛЛОВ ПИР

На вилле обедали в шесть вечера. Вся жизнь наших друзей была расписана по часам, и это очень помогало им в работе. Когда зазвенел индийский гонг, все четверо направились в столовую с резными кедровыми колоннами, обитую кордовской кожей, тисненой золотом. В богатых буфетах стояли дорогая посуда, драгоценный фарфор и хрусталь работы старинных и современных мастеров.

Эта роскошь в сочетании с художественным вкусом произвела на Джорджа сильное впечатление; слегка робея, он опустился на один из великолепных эбеновых стульев, инкрустированных перламутром и кораллами. Они уцелели во время грабежа, которому подвергся дворец бразильского короля дона Педро, и здесь нашли себе безопасное убежище.

Внимание Джорджа привлек золотистый диск, вращавшийся под потолком.

— Это вентилятор, сконструированный по последнему слову техники, — пояснил Балинский. — В диске имеются отверстия, через которые поступает из резервуара жидкий кислород. Резервуар расположен в центре вентилятора, благодаря которому воздух здесь чист и прохладен даже в самую сильную жару.

— Я вижу, что электричество может послужить для самых разных нужд.

— Безусловно. Оно же значительно облегчает труд прислуги. К примеру, один маленький лифт доставляет сюда с кухни горячую еду, другой — охлажденные вина и прочие напитки из подвала.

Читая меню, Джордж попросту растерялся. Кроме изысканных европейских блюд, в нем были деликатесы местной кухни, такие, скажем, как паштет из мурены с белыми трюфелями, фазаньи желудки, чижи, испеченные в листьях мирта, и прочие гастрономические изыски.

— Да это настоящий Лукуллов пир! —

с шутливым отчаянием воскликнул молодой человек, которому Ральф придвинул блюдо с нежным дымящимся жарким.

— Вы бы этого не сказали, Джордж, если бы знали, что мы станем есть через минуту! — ошарашил его натуралист. — Сейчас нам подадут излюбленное блюдо этого гурмана — отварные языки фламинго под соусом, ценимые древними патрициями на вес золота!

— Подобное лакомство и впрямь должно стоить бешеные деньги, поскольку фламинго никого к себе не подпускают. Даже арабы, слывающие самыми меткими охотниками в мире, редко добывают этих птиц.

— Совершенно верно, но буквально на днях огромная стая фламинго, спасаясь от бури, опустилась на один из окрестных прудов, и местные жители подбили их несколько десятков, а наш повар, мистер Фраймкок, скупил всех разом... Он у нас тоже знаменитость в своем роде... Проштудировал все кулинарные книги, начиная с древнейших времен, и я бы не удивился, начни он переводить старинные трактаты!

Питчер рассказывал об этом с таким вос-

торгом, что становилось ясно, сколь он равнодушен к хорошей кухне.

— Лишь бы он однажды не попотчевал нас соловьиными язычками, посыпанными толчеными бриллиантами и жемчугом, что иногда случалось на приемах у Лукулла!— смеясь, пошутил Джордж.

— Думаю, его хватило бы и на такое! Поверите ли, сэр, однажды он устроил охоту на акулу только потому, что ему понадобились ее плавники, которые обязательно используются в приправе для супа из ласточкиных гнезд...

— Похоже, он у вас изрядный оригинал! После ваших рассказов мне захотелось с ним познакомиться, мистер Ральф!

— Нет ничего проще. Однако должен вас предупредить, что Фраймкок тщеславен, как большинство художников, и его можно расположить к себе умелым комплиментом.

История его довольно необычна, и полагаю, что я могу рассказать все как есть, не боясь показаться бестактным.

Он уроженец графства Сассекс и единственный сын английского лорда. Изучал хи-

мию в Оксфордском университете и уже в двадцать лет писал специальные научные статьи. В нем уже видели будущую знаменитость, когда обстоятельства приняли непредвиденный оборот.

Старый лорд внезапно приказал долго жить, и его сын стал наследником огромного состояния. Первое, что он сделал, разбогатев, — устроил для тридцати своих друзей грандиозный банкет, который английские газеты окрестили беспрецедентной гастрономической оргией.

— И где же это происходило? На суше или на море?

— В громадном зале, который превратился в сад из-за множества принесенных туда цветов и деревьев. Столы были установлены между кустами роз, магнолий, миртов и жасминов, а среди всего этого буйства флоры порхали экзотические птицы и бабочки. Молодой лорд жаждал, чтобы эта сарданапалова роскошь ублажила буквально все чувства сотрапезников, и постарался на славу, не забыв ничего.

— А что услаждало слух?

— Укрытый в зелени оркестр сопровож-

дал подачу каждого яства отдельной мелодией, написанной специально для такого случая самыми известными композиторами.

— Честно говоря, я этого не понимаю... — признался Джордж.

— Сейчас я объясню. К примеру, когда внесли суп из зеленой ржи, играли прелестную пастораль на флейтах, гитарах и гобоях, где композитор обрисовал пробуждение природы русских степей весной, колыхание трав под порывами ветра, несколько монотонные и грустные народные песни, исполняемые под балалайку. Омарам, приготовленным по-американски, сопровождала мелодия «Янки дудль» на трубах в сопровождении мощного голоса органа, воссоздающего свист ветра и вой бури.

— А какая же музыка сопровождала появление плум-пудинга? — не удержавшись от смеха, спросил Джордж.

— Не смейтесь, пожалуйста, сэр! Я был одним из счастливчиков, приглашенных на эту трапезу, и смею вас уверить, что великолепие этой мелодии превзошло все ожидания. Играли один из старинных рож-

дественских гимнов, который затем перешел в национальный британский, а тот в свою очередь — в трогательную песенку «Мой дом, мой дом родной!», которую так любят англичане... Каждое блюдо вносили соответственно одетые слуги, скажем, тюрбо из морской рыбы, некогда так любимое Домицианом, несли древние римляне в сопровождении ликторов с золотыми орлами, седло косули подавали под звук охотничьего рога средневековые пажи. Слоновый хобот в остром с кореньями соусе доставил негритянский царек с многочисленной свитой, а сладости и пирожные разносили крохотные французские маркграфини в пудренных паричках.

— Ну и фантазии! — хохотал Джордж.

— Да, зрелище было прелюбопытнейшее! Кофе и ликеры подали со сказочной, поистине восточной роскошью. Это стало финалом пира, во время которого на устроенной в глубине зала сцене тоже играла музыка и исполнялись танцы различных народов мира. Этот неповторимый праздник продолжался целый день и половину ночи, но никто из гостей не поверил, что

так было на самом деле, ибо время пролетело, как единый миг!

— Лично меня удивляет другое, — заметил Джордж. — Как сотрапезники могли столь много есть и пить, не страдая от своей неумеренности?

— Все было предусмотрено до мелочей. Рядом с каждым прибором стоял маленький флакончик с экстрактом, изобретенным нашим Амфитрионом. Несколько капель жидкости, в которой доминировали пепсины, невероятно ускоряли пищеварение и возвращали гостям первозданный аппетит.

— А воздействие крепких вин этот эликсир тоже нивелировал?

— И самым успешным образом. Во время всего бала его участники сохраняли веселье души и полнейшую ясность рассудка. Ни один скандальный инцидент не омрачил нам праздника.

— Какова же была дальнейшая судьба почтенного хозяина?

— Потом я некоторое время путешествовал по Индии, а когда вернулся, лорд Фраймкок был совершенно разорен.

После описанного мной кутежа последовали другие, и очень скоро отцовское наследство улетучилось вместе с кухонным дымом.

Но на том дело не кончилось. Кто-то пустил мерзкий слух, будто на одном из этих приемов подавали человечину. В этом не было ни тени правды, в чем я абсолютно уверен, однако бедный лорд какое-то время провел в заключении и подпортил себе репутацию.

— Что же было дальше?

— Когда он, наконец, вышел из тюрьмы, друзья, которых Фраймкок угощал с такой щедростью, отвернулись, а свет настроился против него, называя каннибалом. Когда мы с ним встретились, он не на шутку подумывал о том, чтобы свести счеты с жизнью. Я старался отвлечь приятеля от мрачных мыслей и утешить, а поскольку понимал, что такой человек должен заинтересовать мисс Альберту, рассказал ей о его злоключениях.

Она хохотала до слез, а через два дня предложила лорду должность кухмистера на условиях поистине королевских. Теперь

он занимается тем, что ему по душе, в расходах совершенно не ограничен и кормит нас отменно!

— Вот он, как раз идет мимо, видите, сэр? — спросил Балинский, взглянув в окно.

Джордж поспешил подойти поближе, ожидая увидеть жизнерадостного, упитанного субъекта, склонного к апоплексическому сложению, но перед ним был высокий худощавый человек с меланхолическим выражением лица и тонким ртом. Он медленно брел по аллее, словно поглощенный одной-единственной мыслью.

— Его внешность совсем не соответствует тому портрету, который вы успели себе представить, не так ли, Джордж? Вид у нашего приятеля, конечно, весьма грустный, но тем не менее в компании он весел и общителен и коллега по работе из него хороший.

Джордж вернулся на свое место, пообещав себе как можно быстрее познакомиться с лордом-кулинаром. Лишь теперь он заметил, что Уэйд не прикоснулся ни к одному из кушаний, которыми они лакоми-

лись вместе с Балинским, и ел более чем странным способом.

Перед капитаном стояло нечто вроде аптечки с множеством маленьких флакончиков, тарелка с розовым желе и графин, наполненный какой-то фиолетовой жидкостью.

Уэйд брал на ложку немного желе, добавлял каплю из флакона и с аппетитом поглощал порцию. Время от времени он наливал в стакан лиловую жидкость и, также добавив по нескольку капель из таинственных пузырьков, с наслаждением выпивал напиток.

Дарвел в молчании наблюдал за его манипуляциями, пока, наконец, Уэйд, заметив его изумление, произнес:

— Похоже, мой обед вас изрядно удивляет, сэр, однако, ничего необычного во всем этом нет, поверьте. Просто я поступаю гораздо логичнее остальных и подкрепляю свои силы так, как лет двести спустя это станет делать каждый. Это розовое желе искусственного происхождения и содержит в себе все микроэлементы, необходимые для жизнедеятельности организма.

Здесь нет ничего лишнего, бесполезного и даже вредного, что так или иначе содержится в продуктах животного и растительного происхождения.

— Да, скромная трапеза! — пошутил Джордж. — Что касается меня, то я предпочитаю кулинарные шедевры лорда Фрайм-кока.

— Сейчас я открою вам маленький секрет, мистер Дарвел. Благодаря экстрактам, заключенным в этих флакончиках, моя виталоза (так я назвал искусственное желе) приобретает тот вкус, какой я сам хочу ей придать.

Джордж прочел на пузырьках этикетки: «Рыбный экстракт», «Экстракт ветчины», «Экстракт куропаток», далее следовали экстракты омара, дичи, миндальный, молочный и так далее. Все возможные блюда были в этом ассортименте в виде концентрированных вытяжек.

— Не желаете ли отведать фазанье крылышко? — спокойно улыбаясь, спросил капитан.

И подал молодому человеку ложку желе с каплей экстракта. Немного поколебав-

шись, Джордж положил в рот подозрительную субстанцию, но мгновение спустя должен был признать, что иллюзия была полной — он чувствовал вкус фазаньего мяса!

— Подобным же образом я придаю вот этой жидкости в графине вкус напитка, какого мне вздумается.

— Ну и как? Гордитесь ли вы своим превосходством над простыми смертными?

— Мне это ни к чему. Это своего рода научный эксперимент, который я провожу на себе самом и уверен, что такой способ питания принес бы немалую пользу, ибо весьма экономичен. А малое количество пищи требует соответственно небольшого объема желудка; и если бы многочисленные операции знаменитых хирургов доказали, что можно обходиться вообще без него...

— Следовательно... — улыбаясь, подхватил Джордж.

— Следовательно, желудок постепенно станет ненужным органом и начнет атрофироваться. Я убежден, что миллионы лет спустя человек, наконец, освободится от хлопотных процессов пищеварения, а усо-

вершенствованные машины заменят ему руки и ноги...

— А затем, согласно вашей теории, человек будущего станет исключительно духом?

— Нет, просто мозг его достигнет значительных объемов за счет других органов, которые постепенно отомрут...

Здесь разговор перешел в научное русло, и Джордж продемонстрировал свои обширные знания в самых различных областях.

Затем все опять вспомнили Роберта. Джордж, даже не пытаясь скрыть волнение, вспоминал, как добр и заботлив был его старший брат. Когда ему удавалось подзаработать, он всегда откладывал часть денег, чтобы Джордж мог оплатить учебу и окончить курс, но и после не оставлял его на произвол судьбы.

— Роберту удалось осуществить поистине нечеловеческую задачу и его достижение покроет славой наши имена. Однако я все на свете почести отдал бы за его возвращение! — закончил Дарвел-младший.

— О, маловер! — вскричал Балинский. — Я повторяю вам — мы его найдем! Вы уже

немного видели, сэр, на что мы способны, и все еще продолжаете сомневаться в наших силах!

— Нет, конечно нет! Если кто и сможет осуществить такой грандиозный план, то лишь вы, господа! Это мое глубочайшее убеждение, и я прошу простить меня за минутную слабость!

— Оставьте подобные мысли! Мы все прошли через сомнения, которые вновь сменялись надеждой, а вам пока что известна лишь малая часть наших открытий...

— Идемте взглянуть на Марс! — пригласил Питчер.

— Принято! — кивнул капитан.

Немного погодя все уже сидели на самой высокой террасе виллы. Над их головами раскинулся сапфировый купол неба, усыпанный сверкающими звездами. Густой лес, которым был окружен дом, струил живительную прохладу после знойного дня. Ночная тишина изредка нарушалась воем гиены или собачьим лаем в одной из отдаленных арабских селений.

На чистом и ясном небосклоне не было ни облачка, и потому Марс казался жи-

вым, выделяясь своим красным блеском среди других планет. Его наблюдали долго и молча. Бессознательно каждый из собравшихся думал об одном и том же — в этот самый миг Роберт наверняка тоже не отрывает взгляда от Земли, которая выглядит крохотным светлым пятнышком, мерцающим в космической бездне.

Вдруг Джордж протянул руку к небу...

— Падучая звезда! — воскликнул он. — А вот и другая, третья. Настоящий звездный дождь!

Звезды и впрямь летели в великом множестве, оставляя за собой сияющий, но быстро гаснущий след.

— У меня на родине люди считают, что это души умерших, отходящие к Богу после земных страданий, — сказал Балинский.

— Правда не менее поэтична, — отозвался Джордж. — Эти звезды, которые падают в строго определенное время, есть не что иное, как осколки погибших планет, прекративших свое кружение по орбитам много веков назад. Выброшенные мощной силой взрывов в бескрайнее межзвездное пространство, они иногда попадают в сфе-

ру притяжения Земли. От трения в плотных слоях атмосферы астероиды раскаляются и начинают ярко светиться, напоминая звезды, хотя в действительности это только обычные болиды.

— Кто знает, не выброшены ли некоторые из них марсианскими вулканами? — задумчиво проговорил Ральф.

И беседа вновь потекла в строго научном русле. Почему бы людям не перелетать с одной планеты на другую, если это могут бездушные осколки камня? Некоторые из них достигали веса почти в четыреста килограммов, но поверхность болидов почти не подвергалась изменению, от нагревания они не трескались и не плавились. Не является ли это доказательством, что сообщение между различными планетами реально? В тот день, когда будет создан летательный аппарат с достаточной силой ускорения, задача решится.

Несокрушимая логика подобных рассуждений ободряла Джорджа.

Когда все четверо разошлись на отдых, было уже довольно поздно. Джордж, утомленный множеством новых впечатлений,

сразу же уснул и во сне увидел Роберта, который возвращается на Землю в экипаже самого фантастического вида, запряженном падучими звездами и нагруженном разными марсианскими диковинками. Потом он уснул крепче и больше ничего не видел до самого утра.

НЕВИДИМКА

Проснувшись, Джордж Дарвел почувствовал себя свежим и хорошо отдохнувшим. Казалось, что минувшая ночь унесла с собой все его тревоги, неуверенность и горечь. Он чувствовал бодрость во всем теле и необыкновенную ясность мысли. Ему вдруг захотелось совершить что-нибудь поистине великое, достойное славы Роберта — открывателя новых миров.

Потом Джордж подумал, что доступ к таким необычным научным изысканиям он получил благодаря Альберте Терамон, и почувствовал к ней глубокую благодарность. В душе молодой человек поклялся себе, что постарается быть достойным того подарка, который преподнесла ему судьба.

Поглощенный размышлениями такого рода, он отправился в лабораторию, и хотя было еще очень рано, уже застал там капитана Уэйда за работой. Ему, как и всегда, помогал верный Зарух.

Негр уже позабыл о вчерашнем потрясении и приветствовал Джорджа с восточной цветистой любезностью. Уэйд тем временем в ходе беседы умело экзаменовал Джорджа, незаметно проверяя его знания из области физики, радиографии, химии и космографии, после чего доверился ему кое в чем.

Пытаясь раскрыть тайну исчезновения Роберта, капитан Уэйд сделал довольно любопытные открытия, что отчасти послужило причиной отсрочки экспедиции на Марс.

Целый день Джордж вдохновенно трудился, и его коллеги не раз поражались быстроте и правильности его выводов, способности успешно решать сложные, запутанные вопросы. У молодого человека были прекрасные практические навыки лабораторной работы, что является непременным дополнением к теоретическим знаниям.

В тот день жара стояла просто невероятная. Воздух был душным и раскаленным. Вентилятор работал без остановки, иначе дышать стало бы просто невозможно.

А в полдень произошел один из самых удивительных феноменов, который позже зарегистрировали научные хроники.

Капитан как раз объяснял Джорджу суть одного из своих изобретений.

— Видите вон тот стеклянный шар, сэр? Жидкость, которая в нем содержится, имеет свойство фиксировать проходящую сквозь нее энергию инфракрасных излучений. К примеру, лучи типа X видны отлично...

Здесь в лекции невольно пришлось сделать паузу. Внезапно раздался голос Заруха, полный нечеловеческой тревоги и страха.

— Джинн! Джинн! — хрипло повторял он, указывая на банку, в которой прозрачная прежде жидкость вдруг помутнела и заволновалась.

Джордж заметил, как лицо их помощника стало землисто-серым, что у негров

является признаком крайнего беспокойства. Все четверо ученых изумленно смотрели на Заруха, а тот старался держаться как можно дальше от стеклянного шара. Курчавая шевелюра слуги встала дыбом, а невидящие глаза жутко выкатились из орбит.

— Господин... Господин... — шептал он побелевшими губами.

— Что с тобой, бедолага? — воскликнул Ральф. — Да говори же, наконец! В своем ли ты уме? Что стряслось, Зарух?

Однако негр костенеющим языком бормотал что-то нечленораздельное.

— Ну, успокойся, успокойся, — мягко повторял натуралист, — расскажи нам, что тебя так напугало! Ведь я не раз говорил тебе, что нельзя поддаваться страху!

Зарух в знак несогласия энергично покрутил головой. Ноги у него подогнулись и, словно движимый невидимой силой, он начал медленно пятиться назад, не сводя глаз с банки, которая искрилась и сверкала в солнечном свете.

— У него начались галлюцинации, только и всего! — воскликнул Балинский, хотя

сам не на шутку был встревожен поведением негра.

Справедливости ради следует добавить, что долготерпением он отнюдь не отличался.

Но Ральф крепко стиснул его руку.

— Тише! — взволнованно прошептал он. — Возможно, наш Зарух обладает исключительной способностью видеть существа, которых наше зрение, притупленное слишком ярким сиянием дня, различить не в силах! Я уже не раз размышлял над этим. Если существует излучение X, отчего бы не быть неким незримым существам X? Гипотеза довольно смелая, однако ее можно доказать...

Дальше капитан слушать не стал. Он метнулся к оптическому прибору собственной конструкции, предназначенному специально для изучения лучей X, и направил окуляр на банку с жидкостью. Аппарат просвечивал содержимое ее и одновременно обладал увеличительным эффектом.

— Ах, если бы это было возможно... — выдохнул Ральф.

— Сейчас мы все узнаем, — взволнованно проговорил капитан.

Он нажал кнопку, и в тот же миг тяжелые бархатные портьеры закрыли стеклянные стены лаборатории. Наступила полнейшая темнота.

Уэйд снова склонился над окуляром. Несмотря на то, что он был заядлым экспериментатором и всегда радовался, когда предположения его подтверждались, — тут он невольно отпрянул в сторону, дрожа всем телом. Сменивший его у аппарата Ральф был потрясен не меньше. Он с таким ужасом шарахнулся назад, словно наступил на ядовитую змею.

В этот миг по телефону раздался мелодичный голос:

— Алло, это я, Керифа.

— Чего ты хочешь, дитя мое? — безучастно спросил капитан. — Мы сейчас очень заняты...

— Лорд Фраймкок хочет с вами поговорить, сэр...

— Этого мне только не хватало! некогда сейчас обсуждать меню! Пусть придет

позже или подождет... Нет, пусть лучше приготовит, что ему вздумается!

И, не дожидаясь ответа, пошел прочь.

Пока Уэйд говорил с Керифой, Джордж тоже заглянул в окуляр прибора.

Увиденное оказалось настолько необычным и жутким, что теперь он вполне понял состояние Уэйда и Ральфа.

В фосфоресцирующей жидкости, наполнявшей банку, виднелось неподвижное страшное создание, напоминавшее свернувшегося осьминога или огромный зрачок в орбите глаза.

Контуры этой сероватой массы были едва намечены. В огромной голове мигали огромные глаза без зрачков, картину дополнял крупный нос, ушные отверстия и огромный рот с кроваво-красными губами.

Череп был раза в три больше человеческого, тело представляло собой студенистую массу, в которой висели плетьюми какие-то отростки — не то плавники, не то щупальца, не то конечности...

Странная отвратительная тварь совершенно не реагировала на присутствие лю-

дей; возможно, она их даже не чувствовала.

Когда миновало наше первое удивление, Джордж подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть чудовище. Тут он заметил по бокам головы какие-то грязно-белые лоскутья, похожие на свернутые крылья. Они придавали существу сходство с бабочкой, которую прежде времени вынули из куколки. Невольно вздрогнув от отвращения и гадливости, Джордж подумал, что такое же мерзкое существо Зарух наверняка почувствовал в лесу Аим-Драхам и принял его за джинна.

Теперь в объектив глядел Ральф. Он тяжело дышал, лоб его покрылся бисеринками пота. В душе Питчера безумная радость смешалась с чувством невыразимого отвращения, но он не мог оторвать взгляда от невиданного зрелища. Существо словно гипнотизировало человека... Постепенно Ральф ощутил и горечь разочарования.

Вот, значит, как выглядят эти самые невидимые существа Х... А он воображал их полупрозрачными, прекрасными, будто

эльфы и ундины, в мечтах видел их такими же изящными и нежными...

Между тем, от увиденного его мутило.

Неужто эти отталкивающие твари, гадкие микробы с сатанинским обличем населяли морские и небесные бездны, будучи незримы для человеческих глаз?

Вероятно, все четверо ученых думали об одном и том же, храня молчание. Жидкость в банке слабо светилась.

Быть может, они теперь сожалели, что приподняли край завесы, скрывающей столькие тайны?..

Балинский уже искал способ, как изловить чудовище.

В этот миг раздался легкий стук в дверь.

— Кого там принесло, черт возьми? — с досадой проворчал Уэйд. — Ни минуты покоя!

В дверь лаборатории снова постучали.

— Кто там? — не слишком любезно отзывался Ральф.

— Это лорд Фраймкок, — боязливо сказал Зарух.

— Впусти его, пусть выкладывает, зачем

пришел... Придется выслушать... Впрочем, с ним я быстро все улажу.

С этими словами Ральф нажал кнопку, бархатные занавеси раздвинулись и в тот же миг волна ослепительно-яркого света залила лабораторию. Все четверо мужчин дружно обернулись, глядя на прозрачную банку, но теперь жидкость была кристально чистой, а лучи солнца, преломляясь в ней, сверкали всеми цветами радуги.

Тем временем лорд Фраймкок, облаченный в элегантную черную пару, вошел в зал. При виде диковинных приборов непонятного предназначения он сочувственно улыбнулся.

— Прошу простить, господа, что прервал ваши научные опыты, — мягко произнес лорд, — но я хотел сообщить вам, что мисс Альберта вопреки своим первоначальным планам вернется очень поздно. Только что я получил срочную депешу от нее, поскольку звонить нашей хозяйке было уже некогда.

Произнося свою тираду, Фраймкок бездумно направился к страшной банке и вы-

тянул над ней руку, унизанную перстнями. Бриллианты в них ослепительно сияли.

— Не приближайтесь, сэр! — воскликнул Балинский. — Господом Богом вас заклинаю, отойдите! Немедля! Вы даже не знаете... Вам нельзя этого знать...

Но было уже поздно: невидимое чудовище схватило руку лорда и погрузило ее в жидкость. Вне себя от ужаса, с блуждающим взглядом Фраймкок хриплым голосом стал звать на помощь. Руку он освободить не мог, вода окрасилась кровью... Лорд смертельно побледнел, глаза смотрели с тревогой, граничащей с безумием.

Страхнув с себя ошеломление, Джордж и Балинский ринулись на подмогу, но им с огромным трудом удалось освободить Фраймкока от жуткой хватки.

Почти в ту же минуту раствор в банке забурлил, брызги разлетелись во все стороны, какая-то бесформенная туманная масса с шумом и плеском взмыла вверх, исчезнув в отверстии стеклянного потолка. Прежде чем все успели опомниться, Зарух подбежал к стене и нажал кнопку. Отверстие молниеносно закрылось. Ученые облег-

ченно вздохнули, а Ральф радостно вскричал:

— Наконец-то оно убралось!

— Нечему тут радоваться, — расхолодил его Балинский. — Мы совершили огромнейшую глупость: вместо того, чтобы поймать чудовище, мы его упустили, и как бы нам не пришлось об этом пожалеть после!

— Возможно, вы правы, Балинский, — буркнул капитан. — Мы совсем потеряли головы от страха... Да что толку теперь казнить? Уже ничего не исправишь. Давайте-ка лучше поможем нашему приятелю... На него смотреть жалко!

Они приблизились к лорду, который почти потерял сознание. Ральф и Джордж привели его в чувство нюхательными солями. Взгляд несчастного постепенно становился осмысленным. Вдруг все с изумлением заметили, что рука лорда была покрыта мелкими кровоточащими ранками на крупных венах.

Промедли друзья еще немного, и Фраймкок умер бы от потери крови, как это случается с жертвами ужасных осьминогов.

— Ну как, вам уже лучше, сэр? — озабоченно спросил Джордж.

— Да, да, конечно, — глубоко вздохнув, ответил молодой человек и тут же спросил: — Что это за зверь? Я такого никогда не ел!

— Bravo! — смеясь, воскликнул Ральф. — Если уж он начинает рассуждать о еде, значит, несомненно поправится! Совсем недавно я боялся, как бы он не помешался от страха, и потому очень рад, что с ним все в полном порядке! Милейший лорд, если вам когда-нибудь удастся поймать это чудовище, мы согласны, чтобы вы подали его под соусом, который покажется вам наиболее подходящим! Что касается моей персоны, то я эту тварь есть не стану!

Пока они разговаривали, Уэйд продезинфицировал раны и наложил повязку.

Не трудно догадаться, что после ухода Фраймкока никто уже и не думал о продолжении опытов. Все еще не оправились после пережитого потрясения.

Однако немного погодя энтузиазм исследователей снова охватил их, и теперь, как и предполагал Балинский, они упрекали

себя, что упустили из рук экземпляр, доселе не описанный в земной естественной истории.

Попытались было расспрашивать Заруха, но тот, еще не опомнившись от страха, отвечал путано и невразумительно. Негр был убежден, что здесь не обошлось без вмешательства злых духов, о которых он слышался столько разных историй.

Капитан Уэйд склонялся к тому, что в этих легендах содержится немало правды: вещуньи, кобольды и блуждающие огоньки из сказок, то есть фантастические существа, встречаемые в фольклоре всех народов мира, — не они ли были теми невидимками, которые по сей день остаются вне поля зрения официальной науки?

Предположение, что некоторые организмы обладают свойствами, присущими невидимому для нас инфракрасному излучению, не могло быть совершенно безосновательным.

Возможно, глаза негра, защищенные от сильного светового воздействия, очень чутко реагировали на такие типы излучений,

какие доступны лишь особо чувствительным приборам специальной конструкции.

На сей раз эта гипотеза получила неоспоримое доказательство, и притом в присутствии весьма серьезных свидетелей. Исчезнувший невидимка оставил реальные следы своего пребывания среди людей.

КАТАСТРОФА

На своем обычном месте, на террасе виллы, откуда открывался вид на долину, Джордж Дарвел обсуждал с друзьями необычайное происшествие, которое им всем довелось наблюдать. В ходе оживленной беседы Джордж узнал о многих сделанных ими открытиях, которые для остального ученого мира пока что оставались тайной. Капитан Уэйд обнаружил лучи «зэт», позволяющие видеть залежи полезных ископаемых в глубине земли, приводить в действие взрывные устройства и даже поджигать корабли, находящиеся на невероятном расстоянии от источника энергии.

Инженер Балинский изобрел и усовер-

шенствовал телефон, служивший для зрения тем же, чем телефон для слуха; благодаря ему сказка о магических зеркалах, позволявших видеть, что делается вдали, стала явью.

Он также разработал проект воздушных лечебных станций, расположенных выше уровня облаков, где идеально чистый воздух, искусственно насыщаемый озоном и другими полезными составляющими, сможет в самое короткое время исцелять от многих болезней.

А Ральф Питчер, работая над проблемами беспроводного электричества, уже заканчивал грандиозную задачу: использование его движущей силы на расстоянии. Это произвело бы полнейший переворот в промышленности, ремеслах, быту. Тогда стало бы возможным использовать энергию ручьев, урагана, морских волн на благо человеку. Аккумуляторы аэропланов и подводных лодок станет возможным заряжать на расстоянии, без потери времени.

Хотя эти открытия были поистине удивительны, Джордж не мог отделаться от мысли, что если бы их начали разрабаты-

вать раньше, межпланетное сообщение давно стало бы неоспоримым фактом.

Будучи по природе искренним и непосредственным, он высказал свои предположения вслух, а Ральф ответил ему:

— Милый мой Джордж! Ты рассуждаешь несколько по-детски. Человеческое знание складывается из многих, взаимосвязанных между собой дисциплин. Как шахтер идет вдоль открытого месторождения, так и ученый ищет нить истины, и уж ты поверь, не мы управляем своим изобретением, а оно нами!

— Однако можешь быть уверен, что сыновья Земли не обойдут Марс своим вниманием и исследуют его! — добавил Уэйд.

Потом разговор зашел о невидимости, и капитан признался, что в молодости его очень интересовало, как можно стать невидимкой.

— Эта загадка много веков будоражила людские умы, — продолжал он, — а я окончательно пришел к выводу, что проблема невидимости разрешима. Ведь любая мечта, которую мы можем представить себе более или менее детально, раньше или поз-

же должна реализоваться. Наш разум не способен вообразить того, что не может существовать. Таково мое глубокое убеждение!

— Верно, — подхватил Ральф, — трактаты древней Индии и Египта рассказывают о богах и чудотворцах, которые по своей воле появляются и исчезают. Геродот описал перстень Гигеса, а в арабских и персидских сказках мы находим множество приключений такого рода. Это чудо по сей день не перестает занимать писателей и поэтов.

— А тебе удалось достичь каких-нибудь практических результатов? — улыбнувшись, спросил Джордж.

— Пока нет, но я убежден, что это возможно, и я наблюдал много фактов, подтверждающих мою гипотезу. А нынешнее происшествие еще больше подтверждает ее. И действительно, если природа создает невидимых существ, рано или поздно наука раскроет их тайну. Я сам наблюдал, на что способны индийские факиры. В медицине описаны случаи нервных заболеваний, когда организм становится сверхчув-

ствительным. В таком состоянии люди чувствуют прикосновения и даже удары кого-то незримого. А вдруг то, что мы называем ясновидением, тоже реальность, только гораздо более тонкая?

— Давайте лучше пойдем в лабораторию, — вдруг предложил Балинский. — Тут очень душно, а там свежо... Я уверен, что скоро начнется сильнейшая гроза. У меня нервы дрожат, как натянутые струны.

— Верно, — поддержал его капитан. — С того момента, как зашло солнце, и я тоже чувствую себя скверно; может, в лаборатории мне будет полегче.

В этот миг огромная широкая молния, сверкнув, прорезала пелену клубящихся черных туч с рваными краями, позолотив их изнутри, отчего небо стало похоже на погребальный саван. Огненное зарево на минуту выхватило из тьмы окрестности и вновь погасло. Воздух был тяжелым, душным от аромата цветов, без малейшего ветерка. Вся природа словно замерла в ожидании. Зловещая тишина лишь изредка нарушалась жалобным воем шакалов и голосами других ночных хищников.

— Конечно, идемте в лабораторию, — сказал Ральф. — У меня как-то странно щемит сердце... Будь я суеверен, наверняка решил бы, что мне грозит какое-то несчастье.

— Вы только не смейтесь, господа, — буркнул Балинский, — но мне кажется, что эта мерзкая тварь непрестанно кружит около нас!

Однако никто и не думал смеяться, потому что все в большей или меньшей степени чувствовали почти одно и то же.

— А может, поедem встречать мисс Альберту? — предложил Джордж, с трудом дыша в предгрозовом воздухе.

— Да зачем же? — спросил Ральф. — Автомобиль уже выслан к причалу, опасности никакой не предвидится, путь короткий, и если только молния не ударит...

Вдруг он умолк, охваченный какой-то смутной тревогой. Через несколько минут все вошли в лабораторию, где все осталось так, как было в момент бегства неведомого чудовища.

Инженер включил электрическое освещение и вентилятор.

— Хотите, заслону окна? — спросил он.

— Не надо, — ответил капитан. — Лучше полюбуемся грозой, которая обещает быть впечатляющей. Когда видишь молнии, сверкающие сразу с трех сторон, кажется, будто сам стоишь «в пещи огненной»...

Его рассуждения прервало появление Заруха, который, дрожа всем телом, что-то нес под бурнусом с перепуганным видом. Войдя, он тут же закрыл люк в стеклянном потолке, открытый Ральфом мгновение назад.

— Что это у тебя, Зарух? — спросил Балинский.

Вместо ответа негр что-то бросил на стол. Это был труп молодого шакала.

— Зачем ты это принес, трус? — спросил Ральф, но тут же удивленно вскрикнул.

Погладив мех зверька, он почувствовал под рукой скелет, обтянутый шкурой. Ни мышц, ни жил, ни крови не было!

Капитан Уэйд подошел к столу и, раздвинув шерсть за ухом шакала, увидел на коже крохотные багровые ранки.

— Так я и предполагал! — пробормотал он. — Эти же отметины были и на руке лор-

да Фраймкока! Теперь я уже знаю, что это такое. Невидимка высосал из бедного шакала всю кровь до капли!

— Невидимка или невидимки... Кто может поручиться, что теперь эти монстры не начнут преследовать род человеческий? Они сидели в своих логовищах долгие века, но мы растревожили их, вырубая леса, строя железные дороги, подводные лодки и аэропланы, которые бороздят моря и небо...

— Значит, предстоит борьба не на жизнь, а на смерть! — горячо воскликнул Ральф. — Ведь и они должны быть уязвимы, а мы непременно обнаружим их слабые места! Если мы сдадимся в первой же схватке с этими существами, значит не достойны быть наследниками человеческого гения и тех огромных знаний, которые оставили нам предки. Невидимки были сильны в древности, когда темные язычники могли считать их богами, или в мрачную пору средневековья, когда их принимали за дьяволов, но не теперь! Наука вооружила нас против всех врагов и против всяких бед, для нее нет невозможного!

— Безусловно, мы даже можем гордиться, что первыми открыли невидимок, — добавил Джордж. — Это грандиозное достижение!

Его слова разрядили гнетущую атмосферу, которая воцарилась с появлением Заруха. Теперь его расспрашивали уже спокойней.

Негр подробно рассказал, как сидел под деревом в саду, отдыхая после обеда.

Благодаря слепоте слух его был невероятно чутким и различал незаметные для других шумы и шорохи. Зарух вдруг услышал шелест мягких крыльев, а немного погодя предсмертный хрип какого-то животного. Обливаясь холодным потом, Зарух боялся шелохнуться, чтобы не привлечь внимание ужасного джинна.

Наконец, когда все стихло, негр пошел и легко отыскал обескровленное тело шакала, потом, сам удивляясь собственной смелости, схватил его и побежал в лабораторию, стараясь побыстрее спрятаться.

Когда он кончил рассказывать, все молчали. Каждый думал о новом необычном происшествии.

— Однако интеллект у этих отвратительных существ незаурядный, — произнес наконец Балинский. — Мы видели череп, и размеры его доказывают, что мозг доминирует над остальной массой тела.

— Когда-нибудь, сотни лет спустя, — задумчиво произнес капитан Уэйд, — люди станут похожими на этих созданий. Мозг постепенно разовьется и станет огромным. Общеизвестно, что бесполезные органы вначале атрофируются, а потом и вовсе исчезают. К примеру, у цивилизованных народов большой палец ноги, некогда длинный и гибкий, постоянно уменьшается в размерах. По наблюдениям известного химика Бертело, пища, сведенная по составу до необходимого минимума, способствует уменьшению объема желудка и кишечника и постепенно может свести на нет всю деятельность пищеварительного тракта. У человека, который питается препаратами, почти мгновенно воспринимаемыми организмом, пищевод станет укорачиваться. Я уверен, что еще позже мы начнем регулировать развитие нашего тела и питать организм, вводя соответственно приготовлен-

ные субстанции прямо в вены. Тогда органы брюшной полости станут ненужными и совершенно исчезнут.

— Тем не менее, постепенная атрофия бесполезных частей тела у этих страшилищ совершенно не объясняет их способности быть невидимыми! — заметил Джордж. — Да, они представляют собой почти сплошной мозг, но у них все-таки сохраняются нос, глаза, уши...

— Сейчас я попытаюсь тебе ответить на этот вопрос. Недавно один венгерский ученый сумел вернуть зрение человеку, воздействуя непосредственно на участки мозга, ведающие зрительными нервами. Мы получили весьма ценную подсказку, которая принесет еще множество полезных плодов! По моему глубокому убеждению, чувственные ощущения тоже обречены. Мозговые клетки станут получать впечатления без их непосредственного участия, так сказать, напрямую, и тогда утратят смысл вкус, обоняние, осязание...

— Неужто эти твари уже достигли такого идеального состояния, о котором мы можем только мечтать? Позволю себе за-

метить, что ты развил весьма шаткую гипотезу!

— Ну почему же? Мышцы тела — весьма тяжелое и несовершенное приспособление, целиком зависящее от пищеварительной системы, и мозг, достигнув высшей ступени своего развития, прекрасно без всего этого обойдется. Плоть уподобляет человека животному, унижая его достоинство мыслителя!

— Значит, высший разум не может существовать в огромном теле?

— Я этого не говорил, но за небольшими исключениями все великие люди, правящие миром, физической мощью отнюдь не отличались. Скорее наоборот, эти покорители народов были тщедушного телосложения. Вряд ли кто мог бы себе вообразить в виде атлетов Ньютона, Людовика XI, Сикста Пятого, Микеланджело или Наполеона! Дух царит над телом, мозг управляет планетой! Силой своего разума, энергией собственной воли императоры и философы, прикованные недугом к постели, управляли толпами... Вольтер, Ренан, Картезий были слабосиль-

ными, худощавыми... Я мог бы привести тысячи примеров!

— Конечно, конечно! — с легкой насмешкой в голосе согласился Ральф. — Уже и в наше время житель больших городов все меньше пользуется силой мышц. Благодаря автомобилям, железным дорогам и аэропланам ему скоро совсем не нужно будет ходить! Найдены сотни способов, чтобы избавить его от переноса тяжестей... А еще немного погодя концентрированная пища избавит его от процесса переваривания... Вот тогда физическая сила станет излишеством или пороком.

— А как же фермеры и рабочие? Ведь ты же не отрицаешь, что без них не обойтись... — сказал Джордж.

— Не о них речь. Да и они с каждым днем будут все бесполезнее, потому что машины прекрасно заменяют их во всем. Даже теперь крестьянин и ремесленник все чаще прибегают к помощи механизмов, и недалек тот час, когда машина полностью освободит человека от рутинной работы в любой области!

Эту патетическую тираду прервал рас-

кат грома. Гроза, которая собиралась уже давно, наконец, разразилась. Разговор прекратился сам собой. Все не могли отвести глаз от великолепного зрелища. Казалось, стихия со всей своей яростью обрушилась на долину, в которой стояла вилла Альберты. Небо, время от времени раздираемое огромными молниями, было бледно-желтым, и на этом фоне во время грозовых вспышек четко вырисовывались черные силуэты верхушек деревьев.

На землю лились целые потоки, каскады ослепительного света, словно некая невидимая рать осыпала огненными снарядами беззащитный мир. Дождь начал падать крупными каплями, которые светились фосфорическим блеском, и это придавало ливню какой-то демонический вид.

Данте создал бы по этой буре одну из наиболее потрясающих картин ада.

Джордж вместе со своими друзьями наблюдал это зрелище со смешанным чувством восторга и страха. Гроза отнюдь не была обычной. Он мог бы сказать, что в горном полукольце, окружавшем виллу, электрические разряды сконцентрирова-

лись, как в огромном конденсаторе. Это фантастическое зрелище продолжалось уже почти целый час, когда вдруг начало происходить нечто невероятное.

К широким голубоватым молниям присоединились другие — ослепительно красные. Они вертикально падали на землю, распарывая своими прямыми гладкими лезвиями клубящиеся тучи. Небо, казалось, вздрагивало от полыхания этих огненных мечей, окруживших виллу.

Немного погодя загрохотал гром, и одна из молний врезалась в старое пробковое дерево, со стоном рухнувшее на землю.

Ральф обменялся с Уэйдом красноречивым взглядом.

— Я ни за что не поверю, что это обычные молнии, — буркнул он, покачав головой, — и лучше бы нам уйти отсюда, пока не поздно...

— Неужели вы считаете, что нам грозит какая-то опасность? — спросил Балинский.

— Вот именно! И потому я повторяю: уходим отсюда!

— По-моему, вовсе незачем! — воспротивился инженер. — Я вообще не понимаю,

о какой опасности ты толкуешь! Думаешь, в глубине дома будет лучше? Ведь над лабораторией целых четыре громоотвода и...

Закончить он не успел. В тот же миг ослепительный сгусток света завис над стеклянной крышей, которая теперь казалась объятай огнем... А потом на лабораторию со страшным свистом и глухим воем рухнул исполинский пылающий шар.

Джорджу обожгло руку. Наполовину ослепленный, он с испуганным криком отскочил в сторону.

Вокруг рушились разбитые вдребезги стеклянные стены. Джордж, не раздумывая, ринулся на террасу, и это его спасло. Однако тут же вернулся обратно — из-под дымящихся обломков раздавались крики о помощи.

Вдруг вверх взметнулся столб ослепительно белого пламени: загорелась емкость с эфиром, стоявшая в подвале под террасой.

Эта огненная белая колонна уходила к самому небу, которое продолжали вспарывать вспышки молний, и картина несчастья выглядела еще более устрашающей.

Все произошло за считанные секунды. Джордж чувствовал в руках и в глазах жгучую боль, все вокруг было усыпано осколками стекла. Ошеломленный, он бросился в сторону огненного столба, откуда доносился душераздирающий гул...

Вдруг какой-то человек с опаленными усами и бородой, размахивая руками, как сумасшедший, подбежал к нему.

— Это ты, Джордж, это ты?.. — хриплым голосом повторял он.

— Ральф? Я едва вижу тебя... У меня полные глаза стекла, кровь... Господи, какой ужас... А где Уэйд, где Балинский? Ты знаешь?

— Наверно, погибли!

— А Зарух?

Питчер показал на тело, беспомощно лежавшее на земле.

— Не знаю, убит он или без сознания... Помогите мне вынести его отсюда! Здесь нельзя оставаться ни минуты! В подвале полно взрывчатых веществ... Удивительно, что мы до сих пор не взлетели на воздух!

Они подхватили на руки Заруха и внесли в дом.

— На воздух может взлететь только лаборатория, — сказал Ральф. — Все остальное уцелеет!

— А они, что стало с ними?.. — с трудом прошептал Джордж.

Оба умолкли, с замиранием сердца ожидая взрыва... Кровь струилась по израненным лицам, мешая смотреть. Оглушенные, ошарашенные, молодые люди даже не думали о спасении своей жизни, в то время как прислуга с отчаянными воплями толпами бежала прочь из дома.

В этот момент на террасе появилась сухощавая фигура лорда.

— Ну, что у вас тут произошло? — с олимпийским спокойствием спросил он. — Молния угодила?

— Это не молния... — простонал Ральф. — Я не знаю, что это было... Уэйд и Балинский там...

И дрожащей рукой показал в ту сторону, где из груды стекла торчали покореженные никелированные прутья, совсем недавно бывшие рамами окон. Эфир по-прежнему полыхал слепящим огнем.

— Надо их спасать, — коротко сказал лорд.

— Это невозможно, через минуту все взорвется!

И Ральф разразился диким, безумным хохотом.

— Да, все взорвется, — словно эхо, тихо повторил Джордж.

— Боже, от страха они лишились рассудка! — вскричал Фраймкок. — Эй! Вы что, совсем свихнулись? Да шевелитесь же! Надо потушить пожар и попробовать спасти капитана и Балинского! Ну, пошли, пошли вперед!!!

Ральф, сидевший рядом с Зарухом, поднялся с земли и устало провел рукой по лбу. Его обожженное и изрезанное осколками стекла лицо было страшно. Молодой человек все еще не пришел в себя.

— Конечно... надо... Я помогу вам! — шепнул он. — Я пережил ужасные минуты и отсюда эта моя слабость...

Джордж, вытиравший носовым платком кровь с лица, тоже подошел к ним.

— Мужайтесь, господа! — приободрил их

Фраймкок. — Втроем мы что-нибудь придумаем! Где огнетушители?

— Здесь, — сразу опомнившись, произнес Ральф. — Они есть на каждой террасе, но лучше открыть кран с газом, гасящим огонь. Почему я сразу этого не сделал?

На вилле имелся запас стеклянных шаров с жидкостью, сбивавшей пламя, был механизм, способный затушить самый сильный пожар, где бы он ни вспыхнул.

Не обращая внимания на продолжавшее полыхать пламя и опасность взрыва, Ральф открыл кран с газом в то время, как Джордж с лордом включали воду. Минуты через две пламя сдалось, сменившись облаками резко пахнущего пара. Взрыва можно было больше не опасаться.

А когда пар немного рассеялся, трое мужчин, к которым присоединился и очнувшийся Зарух, взяв фонари, зажженные Керифой (она одна из всей прислуги не покинула виллу), направились в дымящиеся развалины.

Что за ужасное зрелище предстало их взорам!

От великолепной лаборатории уцелели только стальные оконные рамы; дорогостоящие приборы были уничтожены. Великолепная статуя с телефонным аппаратом внутри валялась оплавленная, почерневшая, а в центре лаборатории зияла круглая дыра, до половины засыпанная обломками стекла и металла.

На краю ее лежал страшно обезображенный труп Балинского. Череп был раскрыт, как от удара топора. Вероятно, бедняга умер мгновенно, даже не успев понять, что происходит, потому что на лице его застыла улыбка, от которой невольно пробирала дрожь...

— Ах, Балинский, Балинский! — не стараясь скрыть слезы, бегущие по щекам, повторял Питчер. — Ты так любил жизнь... Совсем недавно смеялся, строил планы... Не понимаю, не понимаю, как могло случиться такое несчастье...

— Если бы хоть Уэйд уцелел! — прошептал Джордж. — Поищем... Как знать?..

— Я уже не надеюсь, — покачал головой Ральф. — Он нашел свой покой там!

И Питчер кивнул на провал в полу у них под ногами.

— Тем не менее мы должны убедиться наверняка, — возразил Фраймкок. — Позвольте мне спуститься туда!

— Не рискуй понапрасну жизнью, господин, — вмешался Зарух. — Если хотите, я пойду вниз немедленно.

— Нет! — воскликнул Джордж. — Это должен сделать я!

Но в этот миг сквозь раскаты грома и вой ветра прорвался звук клаксона.

— Альберта... Конечно, это она! — в отчаянии вскричал Ральф. — Как сообщить ей о смерти Уэйда и Балинского?..

Все трое беспомощно переглядывались между собой.

— Надо что-то решать... — удрученно продолжал Ральф. — Я должен туда идти... или... пойдемте вместе, так будет лучше всего!

Со смертельной тоской в душе они наконец отважились сойти вниз, прошли через двор, чудесная мозаика которого почернела от копоти, и отворили входную дверь в тот

самый момент, когда машина затормозила перед домом.

ТАИНСТВЕННЫЙ МЕТЕОРИТ

В свете автомобильных фар Альберта Терамон показалась Джорджу призраком из другого измерения. Ее прекрасное лицо было мертвенно-бледным, голубые глаза окружены глубокими тенями, светлые волосы в беспорядке, а дорожный костюм обрызган грязью.

Она быстро выскочила из машины и встревоженно спросила:

— Надеюсь, мы понесли только материальные убытки, Ральф? Я видела огонь... В виллу ударила молния?

И, заметив поклон Джорджа, добавила:

— Вы, вероятно, мистер Джордж Дарвел? Приветствую вас от всей души! А где же капитан и Балинский?

Она говорила так непринужденно и живо, что у Ральфа не хватило духу прервать ее.

— Мисс Альберта... — пробормотал он, наконец.

— Да вы весь в ожогах, Ральф! — взволнованно воскликнула девушка. — И вы тоже, мистер Дарвел! Но зато хоть Керифа и лорд Фраймкок, к счастью, целы и невредимы!

Однако, видя замешательство собравшихся, она быстро спросила:

— Так почему вы ничего не отвечаете о капитане и Балинском? Говорите, я больше не в силах выносить эту страшную неизвестность!

— Мисс Альберта... — прошептал Ральф дрожащими губами, — оба наших друга погибли... Такова тяжелая правда...

Воцарилось гробовое молчание. Услышав скорбную новость, Альберта застыла на месте, словно окаменев.

И вдруг разрыдалась.

— Господи! — говорила она, вытирая слезы. — К чему мне все мои деньги, если я не смогла уберечь самых близких людей?! Кто мне заменит их обоих, таких добрых, таких умных?! Как я буду жить без их дружбы?..

Однако в ней было слишком много врожденной энергии, чтобы долго предаваться

слезам и отчаянию. Вскоре она уже оправилась от первого потрясения и, задав несколько вопросов Ральфу, узнала, как произошла катастрофа.

— Быть может, капитан только ранен. Над ним могли спружинить балки, как часто бывает в подобных случаях. Мы должны сделать все возможное, чтобы отыскать и спасти его... Я не успокоюсь до тех пор, пока не узнаю наконец, что с ним!

Керифа подбежала к своей госпоже и взволнованно принялась целовать ей руки.

— Вот и ты, наконец, свет очей моих! — твердила она. — Я так беспокоилась о тебе! Верно, буря на море была ужасна, правда?

— Да, я уже готовилась к тому, что мы погибнем все до единого. Потому что шторм был какой-то необычный: и небо, и волны, казалось, пылали огнем... Капитан, который уже сорок лет плавает по всему свету со своим экипажем, утверждал, что никогда не видел таких необычных метеоритов. То же самое в один голос твердили и матросы... Волна смыла с палубы несколько человек...

— Ты так утомилась, моя госпожа, —

с нежностью проговорила Керифа. — Я все-таки велела приготовить тебе ужин. Быть может, ты поешь хоть немного...

— Спасибо, Керифа, пока нет! Я очень благодарна тебе за заботу, но лучше помоги нам искать капитана, быть может, мы еще успеем! А где слуги?

— Все убежали в лес со страху!

Альберта направилась в сторону лаборатории, мужчины и Керифа последовали за ней. Шествие замыкал Зарух, который за это время раздобыл факелы, мотыги и заступы, принеся их из сада.

— Скажи, Ральф, почему случилась такая беда? — спросила Альберта.

— Я еще и сам ничего не могу понять, полагаю, однако, что это был удар молнии, — взволнованно отозвался тот.

— Но ведь на лаборатории были громотводы!

— Да, но как ты, наверное, знаешь, иногда и самые совершенные из них не спасают от электрического разряда по причинам, нам неизвестным! Я уже говорил, что мы столкнулись с целым рядом необъяснимых и необычайных явлений, Альберта!

— Но ты еще говорил о каком-то огненном шаре!

— Шаровая молния отнюдь не редкость. Но поверь, я ничего не могу утверждать наверняка, потому что ни в чем не уверен!

— Ничего, сейчас все прояснится! — решительно произнесла девушка.

По внутренней лестнице они спустились в аптеку, которая помещалась прямо под лабораторией. Ральф распахнул дверь.

В помещении царил полнейший хаос. Повсюду валялись обломки дерева и металла, разбитые сосуды, полуобгоревшая мебель... Резкий, тошнотворный запах газа для тушения огня наполнял все вокруг, раздражая гортань и легкие.

— Ты знаешь, что здесь стоит баллон с пикриновым калием, Альберта? — спросил натуралист. — Это сущее чудо, что он до сих пор не взорвался!

Девушка небрежно кивнула в ответ.

— Я тебя умоляю, не ходи туда! Огонь еще может тлеть там! Кроме того, достаточно даже легкого удара, чтобы произошла детонация... Прошу тебя, возвращайся наверх! Рисковать жизнью в этих напич-

канных реактивами развалинах — сущее безумие!

— Но ведь ты тоже рискуешь, Ральф! Я просто следую твоему примеру и потому никуда не вернусь! Я пойду с тобой!

— Ну, уж нет! — воспротивился Питчер. — Я естественник и привык к таким опасностям, и всегда готов ко всему, но тебе...

— Оставим, Ральф, — непреклонно возразила Альберта. — Я считаю своим долгом разделить с вами опасность, если она действительно существует!

Молодой человек умолк, видя всю бесполезность своих доводов. Он поделил инструменты между Джорджем, Зарухом и лордом, а Керифа и Альберта должны были освещать им путь факелами. Зажгли несколько садовых фонарей, которые еще ярче осветили угнетающее зрелище. В центре пола зияло сквозное круглое отверстие, из которого торчали расщепленные доски пола, обломки мебели.

С превеликими предосторожностями наружу принялись извлекать обломки. Мужчины выносили балки на террасу, а буты-

ли и банки с химикатами — в другой подвал, где было безопасно. Они усердно трудились уже почти целый час, но следов капитана пока так и не обнаружили.

Альберта была в полном отчаянии и продолжала засыпать Ральфа вопросами.

— Как, по-твоему, почему мы его не можем найти? Неужели Уэйда сожгло молнией?

Немного подумав, Питчер ответил:

— Это была не молния, иначе медь и сталь оплавилась бы, а мы видим, что изломы металла чистые и блестящие... Он выглядит так, будто разломился под какой-то исполинской тяжестью...

Вдруг Питчер умолк. Его мотыга зацепилась за ивовую оплетку стеклянной бутyli.

— Пикриновый калий! — воскликнул он. — Как у меня хватило ума не ударить посильнее! Ага, балки над ним все-таки спружинили, потому он и не рванул...

Смертоносный сосуд осторожно подняли и поставили на террасе. Питчер на минуту задумался и, наконец, сказал:

— Вот теперь можно немного отдохнуть... Я не мог отделаться от ощущения, что мы

стоим на раскаленном вулкане... И еще... Теперь я убедился, что мы очень скверно вели поиски, но это уже моя вина... Здесь мы не найдем тело бедного Уэйда, поскольку раскаленная масса, пробив потолок, должна была потянуть его за собой, на самое дно подвала...

Они все яснее представляли себе, как произошла катастрофа. Раскаленный осколок породы неизвестного происхождения и состава, подобно пушечному ядру, пробил потолки двух помещений, расположенных прямо под лабораторией. Теперь все спустились этажом ниже, в ванную комнату с мозаичным полом и стенами, облицованными белоснежным мрамором. На одной из них алела кровавая полоса.

Джордж молча показал на нее Альберте, и та печально шепнула:

— Спустимся дальше...

— Знаешь, что мне подумалось, Альберта? — спросил Ральф. — Нынешний инцидент очень похож на тот, при котором погиб старик Ардавена.

— И какие у тебя соображения на сей счет?

— Что мы являемся свидетелями события, которое повторяется слишком уж часто... Это наверняка самый обыкновенный метеорит, болид или падучая звезда больших размеров, рухнувшая прямо на крышу...

— Ты уверен, что это был болид?

— Почти наверняка. Именно он пробил круглое отверстие в потолках... Да, теперь я с полной уверенностью смею утверждать, что там, внизу, лежит именно обычный болид и ничего больше!

Слова Ральфа произвели на девушку сильное впечатление. Она обменялась с Джорджем красноречивым взглядом. Оба они не осмеливались выразить словами свои смутные догадки и предчувствия.

Все поспешно спустились на самый низ здания.

Там располагались огромные сводчатые подземелья, построенные еще в эпоху Древнего Рима; в этой части Туниса множество построек такого рода. Вилла была возведена на месте старинной крепости, подземелий которой никто не засыпал. Их использовали в качестве подвалов, где раз-

местили калориферы и электрическую машину. Но теперь динамо не работало, поскольку механик и кочегар поспешили унести ноги, должно быть решив, что весь дом рушится и вот-вот упадет им на головы. Это вообще удивительно, как они уцелели, потому что злополучный метеорит упал всего в нескольких метрах от двери, покоржив часть механизма.

— Ага! Что я говорил! — воскликнул Питчер, потрясая факелом. — Конечно, это болид, я был уверен! К тому же болид сферический!..

Все кинулись к нему. В неровном свете пламени виднелся шар метра три диаметром, из чего-то, напоминавшего стеклистый гранит с вкраплениями слюды. Болид окутывало облако пара.

Фраймкок, который хотел потрогать метеорит, отскочил, вскрикнув от боли.

— Клянусь Юпитером! Да он как раскаленный докрасна металл! — произнес он.

— Капитан там, под этой глыбой... — с тоской заключил Ральф.

— Кто знает? — устало возразила Аль-

берта. — Пока мы не обнаружим тело, остается надежда...

— Увы, сомнений больше нет, — с трудом сдерживая нервную дрожь, отозвался Джордж и показал на землю.

Из-под огромного шара виднелась обугленная стиснутая кисть руки...

Альберта невольно прикрыла глаза и вновь смертельно побледнела.

Питчер плакал, как ребенок.

Все стояли молча, застыв на месте.

— Мисс Альберта, я умоляю, уйдите! Пожалейте себя! Не смотрите на этот ужас! Это выше ваших сил... — просил Джордж.

— Нет! — с рыданиями воскликнула она. — Я останусь здесь до конца! Я должна сделать это ради него... Если бы вы знали, как он был ко мне добр, великодушен, какой чудесный у него был характер... Я любила его, как отца, и до сих пор не могу поверить в эту страшную правду!..

В полном молчании все снова принялись за дело, пытаясь извлечь тело Уэйда. О том, чтобы сдвинуть с места раскаленную глыбу, не могло быть и речи, поэтому ее было решено попытаться разбить на части, ибо

минералы такого рода обычно довольно хрупки.

Джордж первый пустил в ход садовую тяпку. Через несколько минут от болида отвалился большой кусок, и юноша с изумлением увидел, что внутренность метеорита выглядит совершенно иначе. Изнутри шар был красновато-коричневым с зеленоватыми пятнами, какие возникают на камне под воздействием высоких температур. А под этой оболочкой находилась некая белая субстанция, из которой торчали конические красные трубочки. Некоторые из них раскололись от удара тяпки и сочились густой бесцветной жидкостью.

Джордж остолбенел от неожиданности, не зная, что делать дальше.

— Взгляни-ка, Ральф! — растерянно сказал он. — Похоже, таких метеоритов земная наука еще не встречала!

— Обычная кристаллизация! — не глядя в его сторону, бросил Питчер, поглощенный скорбными мыслями.

— Отродясь не видел, чтобы при кристаллизации внутри сохранялась жидкость, — возразил Джордж, — к тому же у этого бо-

лида настолько правильная форма, словно его создала человеческая рука... Мне кажется, мы стоим на пути необычайных открытий! Вы только подумайте, что этот пришелец прилетел с какой-то далекой планеты... Если я сейчас его уничтожу, нечего будет исследовать... Я действительно не знаю, что делать!

Всех снедало нетерпение.

Альберта многозначительно переглянулась с Ральфом.

— Мы его все-таки разобьем! — решил Питчер. — Но постараемся, чтобы не было мелких кусков!

Джордж осторожно взял в руку отбитый осколок.

— Удивительно! — лихорадочно прошептал он. — У поверхности камень раскален, а внутри прохладный, почти ледяной на ощупь... Чем ты можешь это объяснить, Ральф?

— Не знаю... ничего не знаю! За работу, за работу, Джордж!

Подгоняемые любопытством, все с удвоенной силой взялись за дело. Джордж отколол большой осколок, и все невольно

вскрикнули, не сдержав своего изумления... В отверстии, освобожденная из каменного плена, показалась человеческая ступня.

Потрясенный Джордж выронил из рук тяпку.

— Человек... человек... — ошарашенно повторял он. — Там, в камне — человек!

— Скорее всего, неживой! — глухо добавил Ральф.

— Мне все равно какой, я должен его увидеть! — заявил Джордж. — Неужто вы не понимаете, что этим человеком может быть только мой брат, мой Роберт! Я должен узнать, погиб он или жив!

— Как ты можешь так обманываться? — грустно произнес Ральф. — Хотя я сам думаю об этом уже минут десять, но я не смел... не мог произнести вслух...

Тут он жестом показал на Альберту, которая, пошатываясь, стояла с помертвевшим лицом, и наконец опустила голову на плечо Керифы.

Однако при этих словах девушка неожиданно выпрямилась и, глядя перед собой лихорадочно блестящими глазами, протя-

нула вперед руки, воспрянув духом от этой безумной, невероятной надежды. В свете факелов, под высокими сводами подземелья ее хрупкая красота приобретала трагический оттенок. Казалось, будто одна из героинь Эсхила призывает небо в свидетели своей правоты!

— Нет, нет, друзья мои! — торжественно произнесла она. — Роберт Дарвел не умер, он не мог умереть! Такие люди, как он, легко не сдаются! Сердце говорит мне, что он возвращается победителем!

И добавила с безграничной, непоколебимой верой:

— Если бы он погиб, сейчас его не было бы здесь! Все подвластно покорителю пространства! Он вернулся сюда, ибо хотел этого!

Эти горячие слова поколебали убежденность Ральфа. Сердце молодого человека учащенно забилося. Смятение настолько овладело им, что Питчер, казалось, был близок к безумию.

— Но как мы можем быть уверены, что это именно Роберт?.. — с трудом пробормотал он.

Не успел Ральф договорить, как Джордж снова ринулся на ненавистную глыбу и принялся молотить тяткой куда попало. Он плохо соображал, что делает, и работал, как в бреду. Осколки дождем летели во все стороны, а из разбитых стеклянных трубочек вытекала резко пахнущая жидкость.

— Осторожно, Джордж! Не молоти с такой яростью, ты его можешь поранить!

Предостережение это было не лишним. Джордж стал работать поспокойнее.

Из бесформенной глыбы все четче вырисовывалась человеческая фигура, словно под резцом умелого скульптора. Незвестный лежал, подтянув колени к подбородку и опустив голову на скрещенные руки. Именно такую позу придают мумиям жители Азорских островов и некоторые племена южноамериканских индейцев, к примеру, инки, перед тем, как заключить умершего в большую глиняную урну.

Ошеломленный этим потрясающим сходством, Питчер безмолвно опустил голову.

Однако он заметил, что трубочки с таинственным составом своим широким кон-

цом прилепали непосредственно к телу человека, а второй, узкий, был запаян. Вначале Ральф решил, что жидкость обладает бактерицидными свойствами и предохраняет мумию от разложения, но подобное объяснение его не устраивало. К тому же молодой ученый никогда не слышал о таком способе мумификации.

Пока Ральф раздумывал над этой проблемой, Джордж трудился в поте лица, и вскоре весь торс неизвестного был свободен.

Оставалось открыть лицо человека, но тут Дарвел-младший заколебался. Он не смел открыть последнюю завесу тайны и при мысли, что его может ожидать жестокое разочарование, сердце Джорджа сжималось.

Человек между тем не шевелился, оставаясь все в той же позе.

— Ну, еще немного! — шепнула Альберта. — Лучше один раз узнать правду, чем жить в страшной неопределенности!

— Я не могу... — с трудом простонал Джордж пересохшими губами.

— Тогда это сделаю я! — решительно за-

явил Ральф и принялся снимать последние слои камня.

Неуверенной дрожащей рукой он наносил торопливые удары, пока последний осколок каменной маски не упал на землю.

Из-под нее показалось исхудавшее бледное лицо, поражавшее своим волевым выражением и благородными чертами. Лоб был высокий, глаза закрыты. На бледных, тонко очерченных губах, казалось, все еще блуждает добрая улыбка.

— Роберт!

— Брат мой!

Эти два возгласа раздались почти одновременно.

Потрясение оказалось чересчур сильным для Альберты. Ральфу и Керифе пришлось поддержать девушку, которая резко пошатнулась.

Но Джордж почти ничего не замечал вокруг себя.

С лихорадочно сверкающими глазами он ринулся к неподвижному телу брата, столь чудесным образом освобожденного из каменного узилища.

Джордж коснулся лба Роберта, тот был

холоден, как лед; приложил ухо к груди, надеясь услышать хотя бы самое тихое бие сердца, но тщетно! Он не дышал.

— Мертв! — прошептал Джордж и, охваченный отчаянием, спрятал лицо в ладонях.

Стоявший рядом с ним Зарух таинственно улыбался.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Бледные лучи рассвета осветили мрачную картину: в лесу было много поломанных и вырванных с корнем деревьев, повсюду неслись потоки воды, покрасневшей от растворенной в ней глины, а горизонт заслоняли частые струи мелкого дождя.

Прислуга, опомнившись от страха, вернулась на виллу в глубочайшем убеждении, что все эти ужасы были делом рук «колдунов», которым мисс Альберта дала приют в своем доме.

Это они, чародеи, призвали огонь небесный на землю, и тот выжег глубокую черную дыру на месте великолепной лаборатории из стекла и металла.

Лорд Фраймкок распорядился, чтобы изуродованные до неузнаваемости останки Уэйда и Балинского перенесли в центральный зал, где они, утопая в море цветов, ждали торжественного погребения.

На первый взгляд, все вернулось на круги своя, только в комнату покойного капитана Уэйда никому из слуг ни под каким предлогом входить не разрешалось.

Там разыгрывался последний акт драмы со всеми впечатляющими подробностями, ибо в спальне лежало недвижимое тело Роберта Дарвела.

Хотя по некоторым симптомам его можно было счесть мертвым, это вовсе не обескураживало Ральфа и Альберту. Более того, они подбадривали Джорджа, доказывая ему, что подобные проявления еще ничего не означают.

Молодые люди рассказывали Дарвелу-младшему о разных чудесах, свидетелями которых им довелось быть в Индии. К примеру, как йоги вводят себя в длительный летаргический сон, а потом без всякого ущерба для здоровья выходят из этого со-

стояния, что не раз практиковалось в Келамбри.

Слушая их, Джордж чувствовал, как к нему постепенно возвращается надежда, а Альберта сама отдавала распоряжения.

По-прежнему бесчувственного Роберта укутали прогретыми одеялами. Все известные средства уже испробовали: энергично растирали все тело, к ногам прикладывали сильные горчичники, а в рот вливали разные укрепляющие лекарства. Но все напрасно! Уже совсем рассвело, а Роберт не подавал ни малейших признаков жизни.

Всех понемногу начало охватывать отчаяние.

— Ах, ведь все это бесполезно! — тяжело вздохнув, произнес Джордж. — Разве вы не видите, что он умер?!

— Не говорите так, Джордж! — горячо воспротивилась Альберта. — Быть может, наши старания вернут его к жизни. Кроме того, вы должны верить в гениальность своего брата! Вероятно, ему еще не пора очнуться! Не будем падать духом и наберемся терпения!

Однако эти слова девушка произнесла

не слишком уверенно. Видно было, что и ее начали терзать сомнения. В ней уже не было той веры и энергии, о которые несколько часов назад разбивался холодный скептицизм Ральфа и которые поддерживали надежду в душе Джорджа.

Теперь около Роберта неумоимо хлопотал Ральф, и каждая новая неудача, казалось, только придавала ему сил.

— Альберта! — вдруг сказал он. — Нужно отправить автомобиль в Тунис или Бизерту, и как можно скорее!

— Зачем? — бесцветным голосом спросила она.

— Пусть привезут самого лучшего хирурга! Нам остается только одно — прибегнуть к операции, при которой лишь десять случаев из ста завершаются благополучным исходом, но ничего другого больше не остается!

— О чем это вы, Ральф? — возбужденно прошептал Джордж.

— Открытый массаж сердца... Это очень рискованно и потому не всякий хирург на него отважится... Оператор вскрывает

грудную полость и пытается вновь привести сердце в движение.

— Да, я о таком уже читал, — кивнул Джордж, — но это крайнее средство обычно используют почти сразу после остановки сердца, а тут все совсем иначе...

— Неважно! — поддержала Ральфа Альберта. — Мы должны использовать малейшую возможность!

С этими словами она подошла к телефонному аппарату, которым прежде пользовался бедняга Уэйд, и отдала необходимые приказания.

— Машина выедет через десять минут и к полудню привезет сюда главного хирурга из клиники в Бизерте, — сообщила она немного погодя.

— Но если Роберт действительно сам определил время выхода из комы и сейчас еще рано, стоит ли прибегать к помощи скальпеля? — заметил Джордж.

— Быть может, доктор нам что-нибудь подскажет? — предположила безмерно уставшая Альберта.

— Простите, мисс, я рискну высказать собственное мнение, хоть меня никто и не

спрашивал, — отозвался молчавший до сих пор лорд Фраймкок. — Но есть еще средства, которые мы могли бы испытать до того, как прибудет врач... Например, электричество или инъекция эфира; они не раз приносили великолепные результаты!

— Электрический ток! — воскликнул Ральф, вскочив с кресла. — Почему я до сих пор об этом не подумал?! Ведь у нас великолепное динамо!

Он вихрем вылетел из комнаты и немного погодя вернулся со всем необходимым. Сделав легкие надрезы на колене и предплечье Роберта, Ральф приложил к ним два контакта и пустил слабый ток. Результат сказался мгновенно: мышцы расслабились, глаза открылись. Тело вышло из вынужденной позы и теперь свободно лежало на кровати, но веки Роберта снова опустились.

— Я знал, что это поможет! — торжествующе воскликнул Ральф.

— Не спеши, — охладила его пыл Альберта. — Ведь мы все знаем, что под воздействием электричества даже совершенно безжизненное тело движется. Хотя муску-

лы сокращаются, само оно остается холодным и окоченевшим, а сердце...

— Подождем еще немного! Сейчас я пропущу такой же слабый ток, но воздействовать буду подольше, а потом впрысну ему эфир — это должно подействовать!

Все подошли поближе, чтобы удобнее было наблюдать, хотя уже почти ни на что не надеялись. Мышцы и суставы постепенно, почти незаметно, утрачивали свою скованность. Ральф не выключал токи и немного погодя стало заметно, как расслабились мускулы лица, а к телу начала возвращаться прежняя гибкость.

— Вот теперь пора ввести эфир, — из всех сил стараясь казаться спокойным, произнес Ральф.

Собрав всю свою силу воли, он набрал в шприц жидкость. Друзья с беспокойством наблюдали за ним, не сводя глаз.

Все знали о сильном воздействии эфира, который даже умирающих ненадолго возвращает в этот мир. И если бы он не помог, молодым людям оставалось бы только смириться...

Альберта не сводила неестественно блес-

тевших глаз с рук Питчера, когда тот медленно вводил иглу под кожу руки Роберта.

Несколько секунд прошло в полнейшем молчании.

Вот, наконец, стеклянный цилиндр шприца опустел, а Роберт не подавал ни малейших признаков жизни...

Во взгляде Альберты застыло безмерное отчаяние.

Но тут на щеках Роберта начал проступать легкий румянец, веки дрогнули, он глубоко вздохнул... Потом юноша открыл глаза и обвел комнату мутным невидящим взглядом...

— Он жив! Жив! — не помня себя от радости, воскликнула Альберта.

Ральф жестом велел ей молчать и тихо шепнул:

— Конечно, он жив, но ниточка эта столь слаба и ненадежна, что ее может оборвать самое легкое потрясение... Взгляд блуждающий и затуманенный... Я не решусь повторно впрыснуть эфир — сердце может не выдержать...

Роберта вновь начали усиленно растирать, но он не шевелился, словно погру-

женный в глубокую каталепсию. Лишь слабые удары пульса говорили о том, что в организме, истерзанном невероятными лишениями, еще теплится искорка жизни.

Ральф, нахмурившись, смотрел на друга. Его терзала мысль, что этот, столь дорогой для него человек, возможно, никогда не очнется от летаргии...

Вдруг его снова осенило.

— Джордж, что стало с обломками болида? — спросил Питчер.

— Как ты и просил, я унес их в физический кабинет и сложил на фарфоровые поддоны. Стеклянные трубочки, которые уцелели, осторожно вынул — в них еще остался раствор. А позже мы сделаем его анализ, верно?

— Послушай, я тебя очень прошу, собери всю жидкость, какая там уцелела, и немедленно принеси сюда!

— Что ты собираешься с ней делать?

— Не знаю, верно ли я думаю, но мне кажется, что неизвестный состав — это своего рода тоник, который одновременно обладает питательными свойствами и восста-

навливает силы... Существует много лекарств, которые вводятся через кожу...

— Ну что ж, можно проверить, — немного поразмыслив, согласился Джордж. — Вообще-то я тоже предполагал, что в этих стеклянных конусах содержится запас пищи или воздуха, которыми Роберт должен был запастись для такого дальнего путешествия.

Он вышел и вскоре вернулся, неся стакан с таинственной жидкостью. Взяв небольшую губку, Ральф принялся натирать составом тело и с радостью увидел, что вскоре лекарство начало оказывать поистине чудодейственный эффект.

Лицо Роберта с каждой минутой оживало все больше и больше, глаза открылись, взгляд стал почти осмысленным, а тело — теплым.

Через полчаса усиленных стараний сознание, наконец, вернулось к нему. Изможденное лицо озарилось улыбкой, глаза радостно сияли.

— Джордж... Альберта... — с трудом прошептал Дарвел. Казалось, будто голос его доходит откуда-то издалека.

Те, кого он звал, немедленно склонились над ним, и Роберт уже не мог оторвать от них взгляда.

Однако нервное потрясение было слишком сильным. Через несколько секунд молодой человек снова закрыл глаза и, ровно дыша, крепко уснул.

— Он спасен! — вполголоса проговорил Ральф. — Теперь я ручаюсь за его жизнь. Сейчас Роберту нужны только покой и хороший уход...

Вскоре из Бизерты приехал врач и подтвердил диагноз Питчера.

Несмотря на свою худобу, Роберт был силен и здоров, а посему эскулап обещал, что недели через две молодой человек наверняка поднимется с постели.

Однако историю больного он выслушал с вежливым недоверием. Чтобы убедить врача, ему показали осколки метеорита. Когда хирург их увидел, недоверие его сменилось изумлением. Врач попросил, чтобы ему дали одну из стеклянных трубочек, в которой еще сохранилась жидкость, чтобы исследовать ее состав. По его мне-

нию, раствор содержал большое количество кислорода.

Ральф охотно выполнил просьбу врача и попросил его хранить молчание об овсем, что тот увидел на вилле. С этого момента Роберт начал быстро поправляться. Для долгих бесед он был еще слишком слаб, но спал крепко и спокойно, а изысканная еда, которую мастерски готовил Фраймкок, была великолепна и возвращала молодому человеку силы.

На вилле снова царило оживление. Если бы не гибель капитана Уэйда и Балинского, Альберта могла бы чувствовать себя совершенно счастливой.

И лишь Зарух по-прежнему пребывал в мрачном расположении духа; его угнетала постоянная тревога. Негр утверждал, что невидимки, которых он по-своему называл джиннами, в великом множестве кружат над домом. Он слышал шелест их крыльев и посреди ночной тишины, и среди бела дня.

Преследуемый подобными видениями, бедный негр не находил ни минуты покоя; он не осмеливался уходить дальше сада.

Заруха сильно удручало и недоверие к своим рассказам, с которым он сталкивался на каждом шагу. В довершение всего, возвращение Роберта до такой степени поглотило внимание и мысли окружающих, что к словам Заруха попросту никто не прислушивался. Более того, негру заявляли, что теперь, когда покоритель планет вернулся на Землю, он найдет способ, как отпугнуть невидимок или изловить их, если понадобится.

Но Зарух, слушая подобные речи, только печально покачивал своей курчавой головой, и если бы не горячая привязанность к Альберте и Ральфу, наверняка сбежал бы в свой родной оазис на юге Африки, где слишком много солнца и песка, зато нет джиннов!

РАССКАЗ РОБЕРТА

Хотя Ральф сгорал от нетерпения и с трудом сдерживался, чтобы не засыпать Роберта бесчисленным множеством вопросов, было решено, что Дарвел не будет рассказывать об отдельных событиях, а опи-

шет свои приключения с начала до конца. Поэтому все терпеливо дожидались, пока Роберт наберется сил для продолжительной беседы.

Время для Альберты и для всех остальных тянулось невероятно долго, а Роберт страдал от того, что не мог удовлетворить любопытство друзей. Однако через неделю ему позволили вставать с постели, а на другой день он уже совершил небольшую прогулку по саду при помощи Ральфа и Джорджа, которые с двух сторон поддерживали его под руки. Ах, с каким наслаждением он вдыхал аромат жасмина, магнолии и мирта! Цветы казались Роберту старыми добрыми друзьями, которых он едва не утратил навсегда.

И одного только запаха он не мог выносить совершенно: аромат пышно цветущих розовых олеандров наполнял Роберта невыразимым отвращением. Альберту и Джорджа это не удивляло, а Ральф, со свойственной ему живостью ума, высказал предположение об олеандровых лесах, которые должны покрывать марсианские равнины. Сок этих деревьев, отравляющие

свойства которого усиливаются по мере потепления климата, на Марсе должен быть убийственным, как легендарное дерево манчинелли, уничтожающее все живое окрест.

Теперь Роберт чувствовал, как постепенно выздоравливает, и наслаждался этим. Он вышел победителем из двух опасностей: переборол болезнь и перенес межпланетное путешествие, при воспоминании о котором у него до сих пор кружилась голова.

Вначале его истощенный желудок с трудом принимал мясное пюре из домашней птицы, потом Дарвел стал есть яйца всмятку, дичь, тушеное мясо, пить выдержанные старые вина. Организм крепнул, ткани его восстанавливались.

Через десять дней Роберт выглядел почти так же, как во время своего пребывания в Лондоне, когда мы познакомились с молодым инженером перед его отъездом в Индию с Ардавенной, только на висках серебрилась первая седина, а под глазами появились легкие морщинки. Хотя Роберту немало тягот довелось пережить за последнее время, он казался моложе Джорджа и

Ральфа, на лицах которых еще оставались следы ожогов.

Кроме того, он почувствовал себя настолько здоровым, что попросил разрешения пораньше начать рассказ о своем путешествии на другую планету, которого с таким нетерпением ожидали его друзья.

Поэтому было условлено, что после обеда все соберутся в большом салоне, из окон которого открывался великолепный вид на море и лес.

Настроение у всех было несколько приподнятое.

Когда Роберт устроился в приготовленном для него удобном кресле, собравшиеся восхищенно умолкли и замерли в ожидании. Ральф и Джордж устроились по сторонам, а сиявшая от счастья Альберта села напротив. Недалеко от нее за небольшим секретером со всеми письменными принадлежностями примостился лорд Фраймкок. Решено было, что он будет стенографировать рассказ Роберта. За креслом Ральфа встал верный Зарух, а Керифа заняла место на подушке у ног своей любимой госпожи.

Разноцветные электрические лампочки, расположенные между лепными украшениями потолка, отбрасывали мягкие фантастические блики на всю группу.

— Дорогие мои, — заговорил Роберт, — с чего мне лучше завести свой рассказ? С самого начала или с того момента, когда прервалась световая сигнализация?

— Конечно, с того момента, когда ты уже не смог сигнализировать! — воскликнул Ральф. — Ты ведь говорил, что подробно описал свое путешествие в дневниках! А потому пожалей нас и рассказывай! Мы изнываем от любопытства!

— Пусть будет, как вы хотите! — улыбнувшись, кивнул Роберт и начал:

— Итак, вам уже известно, что крылатые существа утащили меня в пещеру и заточили в ней...

Тут Дарвел вдруг посерьезнел и устремил взгляд куда-то вдаль.

— Ах, мне кажется, я до сих пор вижу мрачные своды, подпертые гигантскими сталагмитами... Темнота, усеянная миллионами странно мерцающих глаз, стены, покры-

тые черными перепончатыми крыльями этих чудовищ, словно траурным крепом... Воистину адское зрелище! В довершение всего в пещере царил ужасный смрад от скопившихся нечистот и остатков гниющего мяса, недоеденного чудовищами. Я буквально задохнулся от этого зловония...

Честно говоря, я испугался и сомневаюсь, что кто-то на моем месте сохранил бы присутствие духа. Но отвращение оказалось сильнее. Противные крылья то и дело прикасались ко мне, и отвращение было настолько велико, что наверно только благодаря ему я не сошел с ума и не лишился чувств.

Я стоял в центре стаи, пожиравшей меня полными злобы взглядами, и инстинктивно старался прижаться к стене. Мои руки и ноги были связаны крепкими веревками из волокон каких-то растений.

А эрлооры все слетались и слетались в пещеру. Они угрожающе протяжно ворчали, а иногда резко и неожиданно вскрикивали, визжали, скулили... Ни один шабаш ведьм и всякого рода искушения, нарисованные средневековыми художниками, не

дадут ни малейшего представления о том, что мне там довелось пережить!

Я был уверен, что вампиры спорят о том, кто из них должен меня сожрать, и, не видя ни малейшего пути к спасению, совершенно оступел.

Я так никогда и не узнал, что им было от меня нужно, однако примерно через час невыносимо мучительного ожидания мерзкая толпа начала рассеиваться. Зашелестели крылья, пещера постепенно пустела, желтых светящихся огоньков делалось все меньше и меньше и, наконец, они исчезли совсем.

Я остался один в густой черной темноте, которую, казалось, можно было потрогать.

Если это было не избавление, то, по крайней мере, передышка.

Я прикинул, что поскольку эрлооры — твари исключительно ночные, то наверняка они отправились на охоту. Одиночество и наступившая тишина были для меня бальзамом на душу. Я сильно устал и проголодался. Меня клонило в сон, но страх не давал заснуть.

Мне пришло в голову, что можно перетереть о камень веревки, которыми меня связали, и я принялся за дело.

Наконец, мне удалось освободить левую руку, но едва я поднял ее вверх, как получил настолько сильный и жестокий удар, что не удержался и вскрикнул от боли. По руке текла кровь... Вот, смотрите, следы ногтей эрлоора я ношу на себе до сих пор!

Тут Роберт вытянул вперед руку. На коже багровели пять глубоких шрамов.

— Я совсем не заметил, что за моей спиной сидела одна из этих тварей. Видно, ее приставили ко мне сторожем. Я обернулся и встретился с эрлоором взглядом. Глаза его горели гневом. Злобно ворча, вампир знаками показал мне, чтобы я не вздумал бежать, иначе мне придется худо.

Я понял его и больше не пытался освободиться от пут, а потом меня окончательно сморила усталость, и я уснул.

Крайнее нервное напряжение притупляет всякие страдания — и духовные, и физические. Я сам наблюдал это сотни раз, и вполне понимаю, как артиллеристы засы-

пают на поле боя возле своих орудий с зажженным фитилем в руке.

Когда я проснулся, в пещере по-прежнему было тихо, но мне казалось, что прежняя крошечная тьма сменилась тусклым светом зари, и в этом сумраке я уже мог различить смутные очертания сталагмитов, вздымавшихся к потолку.

Вдруг я понял, что со всех сторон доносится какое-то глухое, ритмичное и непрерывное урчание, словно работает множество моторов где-то вдалеке. Вначале я ничего толком не понял и только позже сообразил, что это храпели эрлооры. С наступлением дня они вернулись в пещеру и теперь спали, зацепившись за стены и повиснув вниз головами.

Вампир, которого приставили ко мне охранником, тоже вздремнул, и я отчетливо слышал за спиной его залиvistый храп.

Сон вернул мне силы и я начал подумывать о том, не попытаться ли еще раз бежать, пока враги мои спят, как вдруг услышал над головой хлопанье крыльев... Передо мной снова блеснули два желтых глаза... Я почувствовал, что кто-то пыта-

ется развязать мои узы, а хриплый голос произнес:

— Иди!

Я узнал эрлоора, которого пытался приручить и которого считал своим. Я научил его нескольким марсианским словам, а понимал он почти все.

— Куда ты хочешь меня отвести? — спросил я.

— Иди! — повторил он, нетерпеливо хлопая крыльями.

Тут он развязал мне ноги, и я наконец смог идти, но руки у меня так и остались связанными. Пол пещеры был усыпан сухими костями и слоем гуано, которое стоило миллионы и могло обогатить не одного промышленника.

Мы шли по длинному подземному коридору, в конце которого брезжил солнечный свет.

Я уже мог разглядеть черные гладкие стены, вероятно, они были из базальта. Проводник мой не летел, а тяжело подпрыгивал рядом со мной. Крылья его волочились по земле, как грязный плащ.

Я заметил, что чем светлее становилось, тем неувереннее он двигался.

Я не мог избавиться от сумасшедшей мысли, что мой вампир жалел о своем предательстве и потому теперь помогал мне бежать.

— Куда ты меня ведешь? — властно спросил я, как тогда, когда он был моим пленником в марсианской деревушке.

Эрлоор поднял вверх свою когтистую руку, давая понять, что он не может об этом говорить.

— Ты хочешь убить меня? — спокойно продолжал я.

Он отрицательно покачал головой. Видно было, что смелость моя его огорчает, но я уже понял, что больше не вытяну из него ни слова.

Где конец нашего путешествия и какова может быть его цель? Вдруг я разозлился и крикнул:

— Я хочу отсюда выйти и приказываю тебе — выведи меня!

А потом отчаянным усилием освободился от надорванных вчера веревок на руках.

Тогда эрлоор набросился на меня, и я изо всей силы ударил его в грудь.

Он зашатался и упал, запутавшись в своих крыльях.

Я уже почти считал себя победителем, но вампир, падая, схватил каменный шар, и веревка на моих ногах затянулась так крепко, что мне стало больно.

Эрлоор дико расхохотался, и лицо его страшно исказилось от смеха.

— Ладно! — сказал я. — Если ты не говоришь, куда ведешь меня, дальше я не пойду!

И начал вырываться. Вампир пробовал потащить меня за собой, но, несмотря на все свои усилия, не мог сдвинуть с места. Тогда он показал на другой конец галереи, где маячил свет, и произнес одно из первых слов, которому я его в свое время научил: «Есть!»

Тогда я понял, что он хочет меня чем-то покормить. Я был слишком голоден, чтобы сопротивляться дальше, и пошел вперед.

Я так и не понял, почему он это сделал — сам по себе или по чьему-то приказу.

Мы не прошли и двадцати шагов, когда

стало еще светлее. На земле валялись старые и совсем свежие кости, а также множество всякого рода нечистот.

Эрлоору было очень больно смотреть на свет. Он шел все медленнее, опустив голову и часто мигая. Я же, наоборот, ускорял шаг и почти тащил вампира за собой.

Как того и следовало ожидать, немного погодя он вырвался и остановился, спрятав голову под крыло.

Я радостно вскрикнул и помчался вперед, как сумасшедший, понимая, что дневной свет защитит меня от погони. Но эрлоор даже не пытался пуститься следом. Он скорчился и сидел на земле, не шевелясь.

А я бежал, словно летел на крыльях, даже не сомневаясь, что солнечный свет в конце коридора сулит мне свободу.

Ах, какое горькое разочарование ожидало меня! То, что я считал выходом наружу, оказалось лишь огромным окном, за которым была совершенно гладкая отвесная стена! Свесившись наружу, я увидел, что внизу, примерно в тысяче футов подо мной,

бьются о камень желтоватые мутные волны бурной реки.

Без помощи крыльев выбраться отсюда было невозможно! Меня охватило отчаяние... От горя у меня потемнело в глазах.

Лишь много времени спустя я заметил, что из окна открывается великолепнейший вид. Сверху леса казались пестрым ковром. Здесь были все оттенки желтого, красного и оранжевого цветов. Тысячи птиц кружились в воздухе, а зубцы красно-розовых гор замыкали далекий горизонт.

Прекрасный пейзаж несколько успокоил меня. Поразмыслив, я решил, что пока будет лучше вернуться к моему эрлоору, хотя поведение его оставалось для меня непонятным.

Налюбовавшись светом и яркими красками, я возвращался в темную смрадную пещеру, но вдруг, пройдя всего несколько шагов, увидел нишу в скале, которой раньше не заметил. Там на гладкой дощечке лежали фрукты, кусок какого-то мяса и множество вкусных треугольных устриц, которые были моей первой едой на этой планете.

Однако, эрлооры отлично запомнили, чем обычно питались марсиане. Чаша из коры, наполненная чистой водой, дополняла это пиршество, которое подкрепило меня. После этого многое открылось мне совсем в другом свете, и я сказал себе:

— Очевидно, что эрлооры не собираются меня убивать. Наверно, я им нужен, но зачем?

Пока это оставалось для меня неясным, и я решил покорностью и спокойствием усыпить бдительность своих недругов, а за это время обдумать план побега, который уже начал складываться у меня в голове.

Достаточно длинную веревку сплести мне было не из чего и потому я решил сконструировать парашют. Крепкое травяное лассо, которым меня связали вампиры, и мое одеяние из перьев должны были сослужить свою службу.

Я закреплю парашют на плечах и спланирую в реку, а переплыть ее мне не составит труда...

Я еще долго сидел у окна, словно хотел вобрать в себя про запас воздуха и света

перед тем как вернуться в свое душное и мрачное узилище.

Я уже совсем собирался уйти, как — о, радость! — вдали увидел тонкую струйку голубоватого дыма, вившегося над деревьями.

Это зрелище наполнило меня безумной надеждой и ликованием. Струя дыма говорила о том, что поблизости находятся мои верные друзья и они помогут мне бежать. Ведь только марсиане знали, как разводить огонь, а эрлооры его ужасно боялись.

Я допускал, что приближенные меня искали, и сердце мое учащенно билось при мысли, что преданные мне люди находятся так близко.

Я не мог отвести глаз от дымка и мне пришлось собрать всю силу воли, чтобы углубиться обратно в мрачную черную галерею... Надзирателя своего я застал там, где его оставил. Он молча проводил меня в пещеру. Весь бесконечно долгий день я спал и размышлял о своем положении, а когда стемнело, эрлооры проснулись, и пещера вновь наполнилась хлопанием крыльев. Отовсюду сверкали светящиеся глаза...

Но я заметил, что теперь внимания на меня обращали гораздо меньше. Должно быть, хоть мой сторож и не отходил от меня ни на шаг, я понемногу переставал интересоваться чудовищ. Это было очень мне на руку.

Для меня началось невыносимо монотонное существование. Каждое утро мой эрлор приводил к месту, где я всегда находил свежую еду и мог вдоволь надышаться свежим воздухом.

К сожалению, дымка, который породил во мне столько обманчивых надежд, я больше не видел.

Зато в строгом секрете начал готовиться к изготовлению парашюта: в расщелине скалы спрятал несколько острых устричных раковин — они должны были послужить мне ножами. Я просчитал, что поскольку тяготение здесь слабее земного, то и парашют может быть меньше. Но за дело не мог взяться целую неделю, ибо, несмотря на кажущуюся свободу, меня постоянно стерегли.

Понемногу мной начинало овладевать отчаяние: я чувствовал, как энергия моя ис-

сякает, и думал, что от ядовитого воздуха пещеры вскоре наверняка чем-нибудь заболею. Вопреки моим первоначальным предположениям, при ближайшем знакомстве эрлооры оказались всего лишь кровожадными хищниками. Ума у них хватало только на то, чтобы уничтожать более слабых.

Вот что они делали великолепно, так это плели лыковые веревки, какими и меня связали. Судя по всему, их использовали для ночной охоты.

Но я полагаю, что эту работу вампиры делали бессознательно и чисто инстинктивно, поскольку разнообразием их изделия не отличались — все веревки были одинаковой длины и толщины, с каменным шаром на конце.

Подобным делом занимались старые эрлооры, которые больше не могли летать. Возможно, когда охота на сухопутных животных оказывалась неудачной, вампиры с помощью своих веревок удили рыбу, которая во множестве водилась в марсианских каналах.

Когда глаза мои хорошенько освоились с темнотой, царившей в подземелье, в один

прекрасный день я отважился углубиться в его извилистые переходы. Они были очень разветвленными и порой настолько длинными, что я не решался уходить слишком далеко.

Поначалу я не понимал, откуда в пещере набралось столько костей и скелетов, однако, изучив их повнимательней, обнаружил, что они принадлежат старым эрлорам, которые, вероятно, уже целые века рождались, жили и умирали в пещере, а их останки отравляли воздух своими миазмами.

А вскоре в довершение всех забот и физических страданий меня начала терзать мысль, сделавшая совершенно невыносимым мое пребывание в страшной пещере, где я чувствовал себя погребенным заживо. Я начал бояться за своих добродушных марсиан, которые так внезапно остались без моей опеки.

Правда, подобно новому Прометею, я добыл огонь и научил их пользоваться этим бесценным даром, послужившим мощным оружием против вековых врагов, однако, зная их лень и небрежность, предчувство-

вал, что они успокоятся слишком быстро, и тогда вампиры снова перейдут в наступление.

Воображение все чаще рисовало мне картины жестоких побоищ, я видел тела, истерзанные острыми когтями, слышал жалобные стоны, и сердце разрывалось от мысли о том, какая судьба ожидает моих добродушных друзей!

Вот тогда я, наконец, понял, зачем эрлоры похитили меня. Они хотели, чтобы марсиане снова стали беспомощными, беззащитными и зависимыми от их милости и немилости!

Однако в один прекрасный день в душе моей наступил перелом. Размышляя о несчастьях, на которые обречены мои друзья, я впал в такой неистовый гнев, что всю мою апатию и хандру как рукой сняло.

— Как же так?! — воскликнул я. — Неужто после таких трудов и огромных усилий, какие мне пришлось приложить, я должен стать покорной жертвой этих отвратительных жестоких тварей?! Ну уж нет! Покуда я жив, ничего подобного не

будет! Я в этом клянусь! Даже если мне и не удастся вырваться отсюда, я все равно должен попробовать бежать!

И я немедленно начал собирать необходимые материалы для создания парашюта. Труднее всего оказалось найти гибкие прутья для каркаса, который я позже собирался покрыть своей одеждой из перьев, но потом я вспомнил, что в пещере видел много старых, покинутых эрлоорами гнезд. Они были свиты из прочных эластичных лиан и отлично подходили для моей работы.

Несколько последующих дней, в одиночестве сидя у окна, я занимался тем, что разрезал острыми раковинами веревки, которыми был связан, так что, хоть с виду они и держались, порвать их можно было в любой момент. С наступлением ночи, когда мерзкие существа, покинув свое логово, отправились на охоту, я принялся за дело. Мне казалось, что я должен был управиться до их возвращения.

Страж мой отправился вместе с остальными, вероятно решив, что я смирился со своим заточением.

Это был удобный случай, которым стоило воспользоваться.

Мне очень не доставало необходимых инструментов, да и рука, пораненная эрлором, никак не заживала. Тем не менее, работая в темноте, я сумел сплести крепкий каркас, напоминающий большой зонтик без ручки и с отверстием посередине. Незадолго до рассвета он был готов, а еще немного времени спустя в пещеру начали слетаться стаи эрлооров, наполняя пространство шелестом крыльев и противным запахом вспотевших тел.

Надо было дожидаться наступления дня, поэтому я спокойно сидел в своей нише, закрыв спиной парашют и дрожа от нетерпения. Таким образом прошло примерно полчаса. В пещеру тяжело влетали отдельные вампиры, прячась от яркого света.

Наконец они собрались все до последнего, и мерный храп, доносившийся отовсюду, говорил, что чудовища крепко спят.

Это было время предрассветных сумерек, когда ночь медленно уступает заре. Я настолько устал от бессонной ночи и ожидания близкого, как мне казалось, освобождения

дения, что, не дожидаясь восхода солнца, вбежал в коридор, неся каркас парашюта. Выглянув в окно, я увидел на горизонте яркую светлую полосу, от реки поднималась влажная свежесть — близился новый день.

Я с наслаждением дышал чистым холодным воздухом.

Решено было более не откладывать. Я тщательно осмотрел свой парашют, привязал его к спине и прыгнул. Подо мной была пустота...

Едва миновав третью часть расстояния, я увидел перед собой какую-то темную массу. Потом меня подхватили на лету и потащили вверх. Я чувствовал себя голубем в ястребиных когтях.

По иронии судьбы меня заметил последний из возвращавшихся эрлооров!

Как же горько упрекал я себя за собственное нетерпение! Вампир схватил меня поперек туловища и так крепко прижал к себе, что я едва дышал!

Насколько это было ужасно, я не берусь описать. По хриплому дыханию и лихорадочному хлопанию перепонки вампира я чув-

ствовал, что он с трудом удерживает меня — я для него был слишком тяжел. Какое-то время мне казалось, что эрлоор выпустит меня и я рухну в реку. Он летел все ниже и ниже, но вдруг резким рывком взмыл кверху и последним усилием положил меня на окно. Я был полумертв. Потом, вероятно желая лишить меня возможности бежать снова, вампир принялся терзать мое несчастное творение, которое стоило мне стольких трудов...

Потом он крепко схватил меня и поволок по коридору, в знак радости резко по-свистывая.

Притащив и швырнув меня на мое обычное место в логове, он громко завизжал, и эрлооры от его вопля мгновенно проснулись.

Я снова увидел множество горящих глаз и услышал угрожающее ворчанье. Но теперь чудовищами двигало отнюдь не любопытство. В их хриплых голосах я чувствовал злобу.

Они толкали меня, царапали, наваливались всей тяжестью тела, а я, как индеец, привязанный к столбу пыток, молил бога,

чтобы меня поскорее растерзали на куски.

В какой-то момент я ненадолго потерял сознание и меня озарило. Один из вампиров ринулся на меня, выпустив когти, а я отключился. Меня словно окутало какое-то облако. Я вдруг увидел некое подобие индийской пагоды, Альберту, тебя, Ральф, и еще какого-то незнакомого человека...

— Черт возьми! — воскликнул Ральф. — Наверняка это случилось в тот самый день, когда по желанию капитана некий йог по имени Фара-Шиб вызвал твой образ!.. Ты выглядел настолько реально, словно и впрямь появился среди нас! Я тоже был там и видел тебя вместе с эрлоором.

— Не отрицаю, ибо все возможно, — отозвался Роберт. — Но я лишь рассказываю. Это необычное состояние длилось всего несколько секунд, а потом я вновь очнулся и осознал всю безысходность своего положения: вокруг пылали ненавистью желтые светящиеся глаза, навстречу мне тянулись острые когти... Я растерялся.

Теперь вампиры не просто вопили и угрожали. То и дело кто-нибудь из них взлетал к потолку, схватив меня лапами, а по-

том бросал на пол, усеянный костями, и вскоре я был весь изранен. Другие дергали меня за руки и за ноги, словно хотели разорвать на части живьем, а один поднял за волосы вверх. Словом, они жестоко и беспощадно забавлялись мною, как кот мышью.

У меня уже было располосовано когтями плечо, я обливался кровью и почти ничего не видел... Я изо всех сил призывал смерть, чтобы поскорее прекратились эти издевательства...

Я в очередной раз очутился на полу среди стаи разъяренных эрлооров, когда в глубине пещеры раздался жуткий шум, а потом показался красноватый свет, который делался все ярче.

Вампиры немедленно выпустили меня, дико визжа... Они ошарашенно кувыркались в воздухе, словно листья, подхваченные вихрем. Деваться, кроме галереи, им было некуда, а именно оттуда приближался злобный свет.

Неожиданное, необъяснимое появление огня придало мне сил и уверенности. Я схватил с земли какую-то кость и пошел

навстречу спасительному свету, раздавая удары направо и налево.

И вдруг...

Крик ликования вырвался из моей груди: при свете факелов я увидел десятка полтора марсиан во главе с моей преданной Эойей!

Значит, они шли следом за мной и отыскивали меня, хотя я покинул их, и теперь хотят меня освободить! С их стороны это был настоящий подвиг!

Увидев меня, мои друзья закричали от радости, но нельзя было терять ни минуты: наш единственный и грозный союзник — огонь мог вскоре погаснуть. Эрлооры и так уже выбили у марсиан из рук несколько факелов, еще несколько погасли от сильных взмахов крыльев вампиров... Я велел снести на середину пещеры все лиановые гнезда и немедленно поджечь их.

Вскоре вспыхнул яркий костер, освещая все закоулки подземелья, и тут начался сущий ад. Эрлооры, пытаясь спрятаться под потолком, задыхались от дыма и падали прямо в полыхавшее пламя, а марсиане устроили им настоящую бойню, до-

бивая дубинками или душа прямо руками без малейшей жалости.

Зрелище было невыносимое. Мне казалось, словно я вижу иллюстрации к одной из глав «Апокалипсиса», нарисованные художником с неудержимым воображением.

Высокое пламя костра, черные базальтовые стены, уродливые силуэты корчившихся в муках эрлооров в пляшущих отблесках огня, текущая ручьями кровь, вопли и душераздирающий вой — от всего этого мороз пробежал по коже...

Наконец, не в силах больше выносить чад горящего мяса, мы вышли по коридору, которого я прежде не замечал. Казалось, его прорыли совсем недавно...

Здесь Роберт умолк и сказал, что хочет немного отдохнуть. Однако слушатели его все еще находились под впечатлением только что описанных ужасов и потому никто не нарушал молчания. Только Керифа встала и подала рассказчику холодный

напиток, который Роберт с удовольствием выпил.

Немного передохнув, он продолжил свое повествование.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

— Пока шла драка с эрлоорами, лихорадочное возбуждение поддерживало мои силы; я не чувствовал ни усталости, ни боли от полученных ран.

Но когда я вновь почувствовал себя свободным, нервы у меня сдали, и я потерял сознание на целых несколько часов. Несмотря на все свои старания, добряки-марсиане никак не могли привести меня в чувство.

Когда я, наконец, очнулся, Эойя сидела рядом и смачивала мне лицо холодной водой. Заметив, что я открыл глаза, она просияла и принялась меня целовать, то смеясь, то плача.

Признаться честно, меня не раз угнетала ее детская и порой несколько назойливая привязанность, но видя такую преданность

и самопожертвование, я растрогался до глубины души.

— Мы просто не находили себе места, когда ты вдруг исчез! — ласково прошептала девушка. — Мы почти не сомневались, что эрлооры тебя растерзали... Но ты видишь, мы тебя, однако, не бросили! Пообещай мне, что больше ты никогда не будешь так неосторожен!

— Клянусь! — ответил я, взволнованный ее безыскусной нежностью.

— Ты никогда не должен уходить без нас в эти проклятые южные земли! Эрлооры еще не самая главная опасность тех мест... Но я думаю, ты уже излечился от своего любопытства! Теперь мы вернемся в нашу деревню, где будем спокойны и счастливы!

Но одна ее фраза накрепко засела у меня в голове.

— Значит, ты говоришь, Эойя, что в этих местах, кроме эрлооров, есть и другие опасности? Расскажи-ка мне, какие именно!

— Не знаю! — пролепетала она, словно жалея, что проговорилась.

— Ну, как же так? Ведь ты только что предупредила...

— Мне известно лишь, что эти места очень страшны, и наших предков изгнали отсюда давно, очень давно. Отец говорит, что никогда не надо заходить в те земли!

Больше я от Эойи так ничего и не добился и принялся раздумывать над услышанным.

К сожалению, бедная девочка зря хотела меня предостеречь. Я был измучен невзгодами, бессонницей, изранен и очень устал, но желание мое исследовать тайны этой планеты стало еще горячее и я поклялся себе, что не отступлюсь.

Тем временем меня окружили марсиане и принялись радоваться. Одни целовали мне руки, другие плясали и смеялись. Они преклонялись предо мной, как подданные в сказках или рыцарских романах, и проявляли свое восхищение при каждом удобном случае.

Меня перевязали, приложив к ранам листья дикой герани, которые обладают заживляющим свойством, принесли новое одеяние из перьев и немного погодя по-

дали еду, какую только смогли раздобыть: жареное мясо и фрукты, которые я запил свежей водой.

Я с наслаждением подкрепился, а собравшиеся с восторгом взирали на меня. Эойя резала мясо на маленькие кусочки, то и дело подавала мне воду и часто улыбалась. Мы расположились как раз на берегу реки, куда я не раз смотрел из своей темницы.

А на другом берегу пещера эрлооров полыхала ясным пламенем.

Я был уверен, что марсиане вкупе с огнем уничтожили всех чудовищ, но ошибся. Вдруг я увидел, как из логова, вопя от боли, выскочил вампир и вниз головой рухнул в воду, ослепленный дневным светом. А немного погодя скрылся в волнах, к великой радости моих друзей. Та же участь постигла еще нескольких эрлооров, ни один из них не уцелел.

Место, где мы расположились лагерем, было чудесно.

Представьте себе полянку, обращенную к реке и со всех сторон окруженную де-

ревьями. Дальше виднелся розовый песчаный берег.

Деревья, как впрочем и повсюду на Марсе, пестрели всеми оттенками желтого и красного цветов. Но это уже не были тополя, пурпурные вязы и орехи, росшие на севере планеты. Банановые пальмы раскинули в воздухе свои резные золотистые кроны. Это был буквально золотой лес, и богатство красок порой утомляло восхищенный взгляд.

Землю покрывал красивый фиолетовый мох, мягкий и пушистый. Весь пейзаж был настолько сказочным, что иногда я думал, уж не снится ли он мне.

Наконец, я обрел дар речи и попросил Эойю рассказать, как они меня отыскиали, поскольку, зная боязливый характер и лень своих приятелей, терялся в догадках.

Мой вопрос обрадовал Эойю и наполнил ее гордостью. Она не заставила себя долго упрашивать и начала объяснять.

— Когда ты нас покинул, я не знала, что и думать. Я была уверена, что никогда тебя больше не увижу и долго-долго плакала. Когда наступила ночь, мы разо-

жгли большой огонь, но нам казалось, что раз тебя не стало, то и он не сумеет нас защитить. Мы грустно смотрели друг на друга. Наконец, я первая поборола печаль и сказала:

— Мы должны его найти. Если никто из вас не захочет мне помочь, я пойду сама и разыщу его во что бы то ни стало.

Меня начали отговаривать. Одни кричали, что уже совсем темно, другие твердили, что должны по твоему приказу охранять лагерь, а третьи заявляли, что ты сам справишься, а мы пропадем ни за что, потому что всех нас перебьют эрлооры.

Как умела, я убеждала их, что если они позволят погибнуть своему господину и благодетелю, на нас обрушится множество несчастий. Я говорила, что, быть может, ты нарочно ушел так далеко, чтобы испытать их отвагу и проверить, станут ли они искать тебя. Наконец, мне удалось уговорить всех зажечь факелы и отправиться в путь.

Вначале нам было очень легко, потому что мы шли прямо по твоим следам на песке. Эта тропинка с обеих сторон поросла

колючими кустами. По ней мы продвигались часа два, из бережливости неся впереди только один зажженный факел, но в запасе у нас их было много, очень много.

В тишине иногда раздавались пронзительные крики, которые были так хорошо нам знакомы... Сомневаться не приходилось — это визжали эрлооры! Услышав их голоса, мы вначале ускорили шаги, а потом побежали изо всех сил. Вскоре вопли смолкли, но неподалеку мы увидели следы борьбы: земля была изрыта, а кругом валялись зеленые и красные перья из твоей одежды.

Ах, мы сразу поняли, что тебя утащили эти чудовища!

В эту минуту облака немного рассеялись и в свете наших двух лун Фобоса и Деймоса, если только я не забыла названия, которые ты мне сказал, мы увидели высокую гладкую скалу, возле которой кружились стаи эрлооров. Увидев их, мои приятели хотели пуститься наутек, поскольку поняли, что мы пришли к самому логовищу наших вековых врагов, в котором тебя спрятали!

Только одно немного успокоило меня: мы знаем, что вампиры немедленно пожирают свои пойманные жертвы, поэтому, если тебя захватили живым, значит твоей жизни и дальше ничего не угрожает. Но, несмотря на это, я не спала всю ночь и меня терзала смертельная тревога. Наши мужчины развели большой костер под навесом из ветвей, однако всех снедал страх — ведь чудовища были так близко!

Мы видели, как они в великом множестве летают туда-сюда, не обращая на нас никакого внимания.

Быть может, захватив в плен своего главного врага, они больше не боялись и даже презирали нас?

Тогда мы устроили совет: многие, испугавшись, советовали уйти обратно на север, другие успокаивали свою совесть и твердили, что такой великий человек, как ты, мое сокровище, сам разделается с эрлоорами и вполне обойдется без нашей помощи.

Мне пришлось пристыдить их за малодушие и трусость. После долгих споров мы решили, что еще какое-то время постоим

лагерем вот на этом самом месте, непрерывно поддерживая огонь, чтобы он указал тебе на наше присутствие. Наблюдал ли ты его когда-нибудь? *

В тот момент я вспомнил увиденную из окна галереи струйку дыма, которая так обрадовала меня и утешила в моем отчаянии!

— Этот день мы провели, тщательно осматривая гору, — продолжала Эойя. — Но она была неприступна со всех сторон и пока пришлось отказаться от мысли проникнуть в ее недра.

Отчаяние наше достигло предела. Все уже собирались возвращаться назад, в деревню, когда одному старичку удалось сделать важное открытие: кое-где между твердым камнем были толстые слои земли. И он предложил сделать подкоп, чтобы проникнуть прямо в нору эрлооров, захватив их спящими врасплох. Ослепленные

* Как отмечено в записях Роберта, маленькая Эойя никогда не разговаривала таким правильным языком, но чтобы ее рассказ был понятен читателям, нам пришлось во многих местах дополнить и поправить его.

светом, они не смогут как следует сопротивляться. Именно в этом месте у подножия скалы росли густые кусты, в которых можно было прятаться от эрлооров, чтобы те не замечали, как мы работаем. Все сразу ухватились за эту мысль, хотя рыть подземный ход было делом нелегким!

Я с отчаянием спрашивала себя — а вдруг мы придем слишком поздно? Вдруг вампиры решат лишить тебя жизни?

Однако в тот же вечер у нас неожиданно появился сильный союзник. В одну из землянок, которые мы выкопали на берегу реки, пробрался огромный красивый роомбоо. Мы тотчас связали его и решили заставить копать подземную галерею. Это нам стоило больших трудов! Вначале нам целый день пришлось успокаивать зверя, потому что он метался, как безумный, стараясь порвать веревки, и бушевал от злости, грозно рыча.

Вначале мы надеялись усмирить его битьем и голодом, но это мало помогло. Больше пользы оказалось от горшка с горячими углями, который мы поставили рядом. Роомбоо почувствовал идущее от них

тепло, ужасно перепугался и со страху начал рыть землю.

А нам только того и надо было!

Мы привели его на то место, о котором я тебе уже говорила, и зверь тотчас принялся за работу. Его огромные, твердые, как кость, когти выбрасывали наружу землю и камни с необычайной быстротой. Все мужчины беспрестанно уносили от входа вырытую землю, расширяя вход мотыгами. На ночь мы вернулись в лагерь, не спуская глаз с нашего землекопа.

Через два дня тяжкого труда мы, наконец, очутились в пещере, где увидели тебя... Ну, а остальное ты уже знаешь! — весело закончила Эойя. — Огонь, добрый огонь помог нам освободить тебя окончательно! Теперь ты нас больше не оставишь, правда?

С этими словами девушка скромно опустила взгляд, но заметно было, как она гордится тем, что спасла меня из неволи. Я и сам изумлялся отваге этой малышки, да и остальных марсиан тоже. Я был взволнован их преданностью мне, которую они доказали на деле.

Я не узнавал в них прежних обитателей болот, жалких и запуганных хищными созданиями. Я пообещал себе больше не оставлять их на произвол судьбы и сделать все, что будет в моих силах, чтобы они жили в покое и безопасности.

В тот день вечером мы приготовили роскошный ужин, который занял у нас и часть ночи. Проблем с едой не было, ибо окрестные леса изобиловали дичью, а мои марсиане уже достигли неплохих успехов в стрельбе из лука.

Там я впервые увидел павлина с белорозовыми и кораллово-красными перьями на шее, как у наших индюков, и страуса золотисто-желтой окраски. На крыльях у него не было кудрявых перьев, как у его африканских собратьев, зато весь он был покрыт длинным нитчатым оперением, похожим на золотое руно. Ни одна из земных птиц не могла с ним сравниться!

Питался страус ароматными ягодами и потому мясо его оказалось необычайно вкусным.

Я должен также упомянуть о черепахе, которая во всем походила на нашу, но ее

оранжевый панцирь был невыразимо красив и выглядел так, словно его выковали из потемневшего золота.

Из-под этого блестящего щита выглядывала длинная гибкая шея, а длинные ноги и мощно развитый хвост позволяли черепахе совершать высокие прыжки, подобно кенгуру или гигантской лягушке.

Обитала она в болотах, питаясь насекомыми и мелкими зверьками.

В этих же окрестностях марсиане обнаружили еще одно создание, упоминания о котором нет ни в трудах натуралистов, ни в архивах самых одаренных художников. Представьте себе двуногое страшилище ростом около метра с тонкими конечностями, словно у болотных птиц, и с огромной, как у каймана, головой. Морда вытянута на манер крокодильей, а пасть усажена острыми зубами. Что касается туловища, то его фактически не было. Хребет состоял всего из нескольких позвонков, так что хвост практически рос прямо из головы.

Можно сказать, что это чудовище состояло из головы с лапами. Все тело было

покрыто желтоватой чешуей, а маленькие быстрые глазки смотрели необычайно злобно. На шее большими складками лежала багровая шкура, напоминающая пышный кружевной воротник, какие носили щеголи во времена Шекспира. Словом, тварь была на редкость отвратная.

Я решил, что если такое страшилище удастся поймать живьем, то попытаюсь его приручить, а может, и забрать с собой на Землю.

Охотники, убившие его, утверждали, что обнаружили зверя на болоте, где он стоял, покачиваясь на своих долговязых ногах, как аист. Его беловатое воздушное мясо вызывало у меня невыразимое омерзение, и я не мог пересилить себя, чтобы отведать этот деликатес, хотя марсиане уверяли меня, что оно очень мягкое и сочное.

С наступлением ночи я приказал подкинуть дров в костер и запасти топлива так, чтобы хватило до самого рассвета. Мои подданные выполнили приказ с необычайным тщанием.

Они очень радовались тому, что до сих пор из отверстий в скале не вылетел ни

один эрлоор, и были уверены, что теперь их враги окончательно уничтожены.

Я отнюдь не льстил себя подобными надеждами, но не хотел отравлять марсианам радость победы. Мне удалось изучить лишь небольшую часть планеты и я не без оснований полагал, что в других местах есть еще не одна нора вампиров. А потому достаточно, чтобы в нынешней бойне уцелел хотя бы один из них, там он приведет на помощь целые стада своих дальних сородичей, и тогда положение наше будет весьма незавидное, тем более, что сейчас мы находились в совершенно незнакомых местах. Несмотря на сильную усталость, я тревожился так сильно, что всю ночь не мог уснуть. К счастью, на сей раз страхи мои не оправдались, и ничто не потревожило покоя моих друзей.

Когда взошло солнце, все уже были на ногах и торопливо собирались в обратный путь.

Несмотря на победу, которую одержали над вампирами марсиане, моим подданным не терпелось поскорее очутиться на родных болотах и вернуться в уютные дома. Не ис-

ключено, что их подгоняло и тщеславие. Они мечтали похвастаться перед родными и соседями добычей, захваченной в походе, состоявшей из плодов и зверей из далеких, прежде неведомых им лесов.

Мы весело отправились в дорогу, шагая по мягкому красному мху, похожему на плюш или бархат.

Все несли дорожную кладь или добытую дичь, и только мы с Эойей шли налегке. У нас с собой было несколько больших глиняных сосудов с раскаленными углями, присыпанными золой. Они составляли и самое дорогое наше сокровище, и оружие.

Этим первобытным способом сохранения огня мы должны были пользоваться до тех пор, пока я изготовлю если не спички, то кресало и трут.

Глядя на нашу процессию, я не мог удержаться от улыбки, подумав, что перья на остроконечных шапках, долгополые одеяния, луки и стрелы делали мою свиту похожей на древних вавилонян или ассирийцев.

Примерно в полдень мы оказались на берегу реки со светло-красными водами.

Воспользовавшись густыми зарослями бамбука, мы построили из него мост, который я велел немедленно уничтожить, едва мы перебрались на другую сторону.

Наверно, вы уже заметили, что в марсианских пейзажах преобладают все оттенки красного и желтого. Я не могу объяснить это иначе, как высоким содержанием в почве железа, хрома и других металлов. Кроме того, я допускаю, что в атмосфере Марса много таких газов, которые в земном воздухе есть в очень небольшом количестве.

Пейзаж был неповторим. Деревья с прямыми гладкими стволами достигали около шестидесяти метров в высоту, а кроны их тесно смыкались между собой. Глубокое молчание, царившее под этими живыми сводами, напомнило мне святыню Карнака, где мне однажды довелось побывать. Марсианские леса по-прежнему таили немую угрозу.

Время от времени мы выходили на небольшие полянки, залитые солнечным светом; там мы отдыхали, наслаждаясь теплом, прежде чем снова погрузиться в полу-

мрак густой чащи, которая на Марсе столь же однообразна и печальна, как на Земле.

Эойя тревожилась больше всех. Она то и дело оглядывалась назад, словно ожидая погони, и я чувствовал, как ее маленькая рука дрожит в моей ладони.

— Что с тобой, малышка? — спросил я, глядя ее по огненно-рыжим волосам, которые сам научил ее заплетать в косы, как это делают земные девушки.

— Не знаю, — прошептала она, глядя на меня полными слез глазами. — Мне все время кажется, что позади я слышу шелест крыльев. А иногда я вижу, как перед глазами у меня колышется какой-то туман. Я очень боюсь, я чувствую, что случится какая-то беда еще раньше, чем кончится день!

Из всех сил я старался успокоить ее.

— Не думал я, что ты такая пугливая, — со смехом сказал я. — Я и впрямь тебя не узнаю! Чего нам бояться? Разве я, наконец, не с тобой?

— Может и зря, но я все-таки боюсь, — дрожа, ответила Эойя. — Вот сейчас мне

на голову легла холодная-прехолодная рука!

— Ты просто очень устала! Постарайся подумать над своими страхами, как я тебя учил, и сама убедишься, что нам ничего не угрожает! Нас много, мы хорошо вооружены, солнце светит ярко, и я здесь. Эрлоры побеждены, и нам нечего их опасаться!

— Я не их боюсь...

— А кого же, девочка?

— Не знаю... Это что-то такое, чего я не умею тебе объяснить...

Говоря это, она дрожала, как лист на ветру.

— Вот, слышишь? — спросила она, прижимаясь ко мне. — Конечно, это шуршат крылья...

Я невольно стал прислушиваться, чтобы разубедить девушку и доказать, что это ей просто кажется, но, к своему великому удивлению, тоже услышал легкий шум, едва уловимый ухом, похожий на дуновение ветра.

— Наверно, мотыльки летают, — сказал

я наконец, желая как-то разумно объяснить происходящее.

На самом же деле я почувствовал некое замешательство, но старался не подать виду. Я принялся объяснять своей маленькой марсианке, что под этими зелеными сводами эхо распространяется равномерно, как в пустом доме, и шорох, который ее так беспокоит, может быть лишь жужжанием какой-нибудь осы.

Кроме того, нам обоим это могло лишь померещиться от пережитых волнений и усталости.

— Но ты же сам слышал!

— Под влиянием твоих слов! Чистейшее самовнушение!

Здесь я принялся объяснять ей, что такое гипноз, массовые галлюцинации и все такое прочее.

Бедняжка Эойя мало что понимала из моей лекции, но мне показалось, что она несколько успокоилась. Она даже пыталась улыбнуться, но я чувствовал, что она по-прежнему обеспокоенно прижимается ко мне, и страхи ее еще не развеялись окончательно.

Она немного свободнее вздохнула лишь тогда, когда мы выбрались из угрюмых зарослей на болотистую равнину, покрытую кустарником и тростником. На другом ее конце возвышался красноватый холм.

В этот момент марсианин, возглавлявший шествие, подошел ко мне. Вид у него был озабоченный. Он уверял меня, что хорошо знает эти места, но не узнает окрестностей и не понимает, откуда прямо перед нами взялся этот холм.

Я допускал, что он мог просто-напросто заблудиться, и посоветовал ему по-прежнему держать направление на север.

Итак, мы отправились дальше, а загадочный холм по мере нашего к нему приближения удивительным образом изменялся. Казалось, он был в непрерывном движении, и контуры его всякий раз выглядели иначе, чем минуту назад. Он то делался ниже, то снова вырастал. Навстречу нам дул теплый ветер. Вначале я думал, что вижу что-то вроде бархана, которыми так любит играть ветер пустыни. Мне не раз приходилось наблюдать подобное явление в Сахаре, но вскоре я убедился, что оши-

баюсь. Загадочный холм больше походил на поросшую травой лужайку, по которой волнами пробегает ветерок. Вся эта масса растительности плыла над землей, напоминающая сгусток водорослей. Вскоре я убедился в этом поближе.

Неожиданно сильный порыв ветра швырнул нам в лица целую тучу травы, и во мгновение ока мы оказались засыпанными множеством мелких стебельков.

В дебрях Африки я видел воздушные растения, которые растут, размножаются и гибнут в воздухе, никогда не прикасаясь к земле, — но это было нечто совсем другое! Явление заинтриговало меня чрезвычайно.

С трудом освободившись от шевелящихся стеблей, опутавших нас, как сетью, я взял одно растение в руку, чтобы разглядеть получше. Оно едва достигало в длину десяти сантиметров. Его противолежащие зубчатые листья сидели на тоненьком стебельке, расположением своим напоминая вяз или акацию. Цвет их был чем-то средним между зеленовато-желтым и красновато-серым. Мелкие цветочки в виде миниатюрной лилии помещались на самой

верхушке, а тонкие нитевидные корешки доходили до нескольких сантиметров. Я уже собирался бросить растеньице на землю, но случилось нечто из ряда вон выходящее.

Листики вдруг распрямились, превратившись в некое подобие парашюта, и быстро задвигались. Они открывались и закрывались, как у мимозы. Даже корешки шевелились, направляя полет стебля, который стал похож на маленький аэроплан.

Вскоре я увидел, как растение поднялось вверх и присоединилось к своим собратьям. Несколько стебельков я спрятал в карманах своего пухового одеяния, и Эойя тотчас последовала моему примеру, решив, что я обнаружил нечто чрезвычайно стоящее.

Я обрадовался, заметив, что марсиане успокоились, разобравшись в происходящем. Смеясь, они освобождались от живых пут и подшучивали друг над другом.

Однако живое облако неотступно следовало за нами, и стена из крохотных стебельков была столь же непроницаема, как самая мощная гранитная скала. Уже на-

ступила ночь, и я не хотел подвергать всех опасности быть засыпанными и задушенными во сне этими созданиями. Нам пришлось снова вернуться в лес и разбить лагерь на той самой полянке, где моя маленькая спутница чувствовала себя так неспокойно.

Мы разожгли костры, я назначил караульных, которые должны были нести караул всю ночь, по очереди сменяя друг друга. Небо было чистое и ясное, ветер доносил из чащи аромат тысяч трав и цветов.

Я решил, что утром найду способ, как преодолеть живую стену, и отдав последние наказы часовым, крепко уснул.

РАСТЕНИЯ-ХИЩНИКИ

В ту ночь я не единожды просыпался, терзаемый кошмарами, которые приписывал невероятной усталости и перенесенным треволнениям последних дней, но едва я закрывал глаза, жуткие видения повторялись вновь в мельчайших подробностях.

Я видел эрлоора, коленом наступившего мне на грудь и схватившего меня за горло

когтистыми лапами, или чувствовал, как отвратительная змея обвивает тело и раздавливает своими кольцами. Я просыпался, обливаясь холодным потом, и только вид костра, мирно спящего лагеря и часовых успокаивал мои измотанные нервы.

Вдали, на фоне небосвода, маячило большое темное облако.

То были наши крохотные недруги, которые брали не силой, а числом! Я ненадолго забывался дремой, чтобы вновь погрузиться в пучину мучительных видений.

Наконец, взошла заря, и я принялся будить свой отряд. Эойя, которая, как обычно, пришла поцеловать меня с утра, сказала, что спала так же тяжело, как и я. Я сделал вид, что не придаю этому большого значения, однако встревожился, но опять приписал свое состояние бессоннице и усталости. Меня поразило, что Эойя была по-прежнему грустна и задумчива, и я, несмотря на все свои старания, никак не мог рассеять печаль девушки.

— Зря ты меня успокаиваешь, — тихо проговорила она, покачивая своей хорошенькой головкой. — Я чувствую, что нас

подстерегает беда! И знаю, что больше никогда не увижу своего батюшку! Плохо ты сделал, решив разгадать тайну этих проклятых мест! Наши предки всегда говорили, что излишнее любопытство приносит одни несчастья.

Я невольно про себя разделял ее опасения, но старался ничем не выдать себя.

— Ах ты, маленькая трусишка! — отозвался я, пытаюсь улыбнуться. — У тебя мордашка малыша, который еще не выпался как следует. Когда ты, наконец, проснешься, то перестанешь бояться страшных сказок... У нас у всех есть очень важное дело — мы должны пробиться через эту травяную стену.

— И как ты думаешь это сделать? Мне кажется, мы ничего не сможем!

— Кажется, я уже придумал способ. Можно допустить, что эта маленькая чуткая травка должна бояться дыма. Поэтому мы подожжем свежие ветки и вырвемся на свободу!

Я вовсе не был уверен в успехе своего предприятия, но пока ничего лучше мне в голову не приходило.

По моему распоряжению все снялись с места и приблизились к зловещему холму.

Ветер стал нашим помощником, неся клубы едкого дыма в сторону багровой стены. На первых порах все пошло так, как я и предполагал: стебельки, охваченные дымом, полетели прочь, и примерно через четверть часа путь наш был совершенно свободен.

Травинки справа и слева ходили волнами, как море во время шторма. Увидев это, марсиане принялись радостно кричать и вошли в образовавшийся коридор. Легкость, с которой мы преодолели такое грозное препятствие, удивила меня.

Но и по сей день я горько упрекаю себя за глупость, которая меня тогда обуяла!

Едва мы успели пройти сотню шагов, как я услышал за спиной шипение, которое издают раскаленные угли, залитые водой. Я обернулся назад и застыл на месте... Наш спасительный огонь погас, а дрова были разбросаны в разные стороны...

Я в растерянности стоял, не зная, что предпринять.

Это не могли сделать эрлооры, ибо на небе

ярко сияло солнце, а они не выносили ни дневного света, ни блеска огня. Но это постарались и не роомбоо, поскольку земля в этих местах была каменистая.

В мозгу молнией промелькнула единственная мысль: бежать!

И я крикнул, что есть мочи:

— Все назад, в лес!

Увы, было уже слишком поздно!

Я слышал отчаянные призывы о помощи, но голоса несчастных марсиан доходили до меня, как сквозь толстый слой ваты, и звучали все слабее и слабее. Хищные стебельки душили их, однако я успел расслышать напоследок свое имя...

Мои друзья ожидали спасения от меня, которого сами недавно вызволили из когтей эрлооров!

Их стоны разрывали мне сердце, и я ненавидел себя за собственное бессилие. Где Эойя? С первой же минуты она исчезла куда-то, от страха вырвав руку из моей ладони.

Вдруг я услышал ее голос всего в нескольких шагах от себя:

— Роберт! Роберт! Помоги! Спаси меня!

Я метался в разные стороны, как одержимый, тщетно пытаюсь пробиться к бедняжке, но все было напрасно. А травяная стена, казалось, стала еще плотнее. На голову мне давила чудовищная тяжесть, от которой трескали кости. Я не мог пошевелиться.

Дыхание почти остановилось, мне не хватало воздуха, а стебельки вдруг начали издавать сильный запах мускуса. Я чувствовал, как он проникает в мозг, парализуя мышцы. Я был уверен, что если так будет продолжаться и дальше, аромат может стать смертельным, как запах большого количества сирени или тубероз.

Меня окутала непроглядная тьма, какая-то терпкая пыль засыпала глаза, забивала горло...

Я уже не соображал, где я и что со мной, совсем потерял ориентацию в пространстве и не знал, углубляюсь ли дальше в смертоносное облако или выбираюсь на свободу.

Эту ужасную напасть нельзя было одолеть ни силой, ни хитростью. И отвага здесь была ни к чему!

Потом я решил, что чем больше сопротивляюсь, тем с большей яростью накидываются на меня маленькие хищники, и постарался не шевелиться.

А совершил роковую ошибку! Живые тиски только крепче сомкнулись вокруг моего тела. Я почти перестал бороться, решив, что все кончено.

Вдруг я споткнулся о камень и полетел на землю. Я думал, что уже не поднимусь, однако встал с величайшими усилиями и, согнувшись в три погибели, двинулся вперед. Вдруг ушей моих снова достиг отчаянный зов Эойи:

— Роберт! Роберт!

Крик был приглушенный, словно изда-лека.

Я с горечью размышлял, что, барахтаясь в живой траве, ухажу все дальше и дальше от девушки, вместо того, чтобы приблизиться к ней, но вдруг услышал крик почти совсем рядом.

Осатанев от ярости, я ринулся, пригнув голову, вперед, надеясь пробить это жуткое заграждение, которое под моими уда-

рами только мягко пружинило, и мне казалось, что я вижу кошмарный сон.

Я рвал и мял руками тонкие стебли, тысячами уничтожая их, но толку от этих усилий было мало. Неистовство между тем все сильнее охватывало меня, и тошнотворный, одуряющий запах раздражал неимоверно. В конце концов я принялся грызть окаянную траву и очнулся, только почувствовав под ногами лежащее тело.

Я наклонился, и не смог сдержать горестного вопля, убежденный, что, наконец, нашел Эойю, и снова ошибся.

Коснулся руками лица и почувствовал под пальцами жесткие волосы и бороду... Это был один из моих несчастных избавителей.

Я положил ладонь ему на грудь: сердце уже перестало биться, еще теплое тело начинало коченеть. Вдруг я нечаянно задел шею и почувствовал под рукой что-то липкое и влажное. Это была кровь. Потом ногу мне пронзила острая боль. Я наступил на горшок с раскаленными углями, который несчастный марсианин наверно выпустил из рук, когда падал.

Я старался не думать о том, как погиб этот бедняга, и, схватив горшок, начал, дрожа от радости, наощупь собирать рассыпанные угли.

Может, они помогут мне спастись?

Я сложил головни обратно и принялся их раздувать, вначале осторожно, а потом все сильнее, так, что пепел облаком поднимался вверх. Наконец, появился голубоватый огонек. Тогда я бросил на него несколько растеньиц и с радостью наблюдал, как они корчились в пламени. Потом схватил их целую горсть и принялся дуть на уголья изо всех сил, пока вверх не взвился столбик дыма.

Меня одолел кашель, я чихал, почти задохнулся, но произошло то, чего я так ждал: охваченные дымом стебли пустились наутек.

Я размахивал своим спасительным горшком с головнями, как кадилом, то и дело пригоршнями бросая в него хищные стебли; дым вился клубами, и вскоре около меня стало настолько свободно, что я мог дышать, и увидел над собой кусочек неба, словно со дна глубокого колодца.

Я радовался этому больше, чем самому что ни на есть гениальному открытию, и был уверен, что спасу Эойю, а вместе с ней и остальных марсиан. Я бросился вперед, расшвыривая во все стороны проклятую траву, как осенний ветер — сухие листья, но почти сразу же вернулся.

Ведь прежде всего я должен спасти того, кто дал мне столь могучее оружие против врага! Вскоре я нашел его, но тело уже остыло, и у меня не осталось никаких надежд вернуть человека к жизни.

Однако я с удивлением увидел, что марсианин весь в крови, а на шее у него множество ранок, похожих на укусы эрлооров, но гораздо мельче и чаще...

(В этом месте лорд Фраймкок переглянулся с Ральфом и невольно потрогал свою руку, покрытую красными волдырями. Альберта заметила этот жест и немой разговор, а Роберт между тем продолжал:)

— При виде этого вся моя радость мигом испарилась. Эрлооры здесь явно ни при чем. Тогда какая же новая опасность кроется в массе хрупких стебельков? В тревоге я вопрошал сам себя:

— С кем нам еще предстоит бороться?

Вдруг меня охватил смертельный холод, в горле встал ком, как обычно бывает в моменты сильной опасности, хотя я знал, что нельзя поддаваться страху и нужно сохранить полнейшее хладнокровие, если я хочу уцелеть в этой переделке.

Поэтому я стряхнул с себя оцепенение, снова набросал на угли травы и двинулся вперед, не оглядываясь, из опасения увидеть за спиной какое-нибудь страшилище, притаившееся в облаке растений-вампиров. Однако, несмотря на то, что я шел достаточно быстро, я почти не сдвигался с места. Узкий коридор почти сразу же превращался в живую подвижную стену из хрупких травинок, которая казалась сплошной и непреодолимой.

И тут меня охватил животный панический ужас... Я уже дважды нечаянно поджег свое одеяние. Неужто мне уже никогда не выбраться из этого страшного живого океана?

(Здесь Роберт внезапно побледнел, и на лице его отразилось такое отчаяние, словно он вновь очутился на заклятой равнине.

Он ненадолго умолк и, собравшись с силами, заговорил опять:)

— И все-таки я уцелел. В тот момент, когда я вовсе этого не ожидал и думал, что со всех сторон окружен зловердными стебельками, я вдруг вырвался из ужасной западни. Я увидел небо и солнце. Я был свободен!

Я с наслаждением вдыхал полной грудью ароматы цветущего луга, но вдруг обернулся. Холм травы вновь сомкнулся за мной, как волны за кормой корабля, и я не мог обнаружить места, в котором провалился на волю!

Минуты две я не мог прийти в себя от изумления, еще не веря в свою удачу, потому что брел наугад.

Я уже приготовился к неминуемой гибели и не надеялся, что мне удастся пробиться сквозь безжалостное облако багровых стеблей.

В нескольких шагах тлели остатки костра, словно разбросанного невидимой рукой, и в тот же миг я подумал об Эойе.

Я счел бы себя последним негодяем, когда бы бросил ее на произвол судьбы!..

Как я мог настолько забыть о ней? Неужто совсем потерял голову от страха?

Не раздумывая, я вернулся в травяную западню, но теперь уже решил никуда не сворачивать и идти напрямик, чтобы легче было пробиться назад.

Я принялся кричать во все горло, но мне никто не отвечал, вокруг царила мертвая тишина.

Пройдя шагов десять, я запнулся о лежащее тело. Это оказался труп еще одного марсианина. У него на шее я снова обнаружил свежие ранки.

Я шел дальше, и душу мою терзали ужасные предчувствия.

Вскоре я наткнулся на другое тело. Это была моя бедная девочка!

Она еще дышала, но печать смерти уже лежала на ней!

Я вновь начал раздувать огонь, хищная трава немного раздалась в стороны, и тогда Эойя заметила меня. Вцепившись в мою руку и полу одежды, она смотрела на меня, как тонущий глядит на своего спасителя.

Ее светлые глаза выражали безмерную

тревогу, а золотисто-рыжие волосы были спутаны.

— Спаси меня! — прошептала она. — Забери меня отсюда! Они меня убили!

Лишь теперь я заметил, что личико ее мертвенно-бледно, словно за время нашей короткой разлуки в нем не осталось ни кровинки.

При виде этого несчастного ребенка меня охватила неукротимая ярость и отчаяние.

— Успокойся, малышка, я спасу тебя! — отозвался я в ответ.

Я поднял ее и обхватил левой рукой, как младенца, а она опустила свою маленькую головку мне на плечо. Правой рукой я размахивал горшком с углями и продвигался вперед.

К несчастью, я был настолько огорчен и взволнован, что совсем забыл, в каком направлении надо возвращаться. Я сбился с дороги и утратил хладнокровие.

У меня сердце кровью обливалось, когда я видел, что жизнь по капле уходит из беззащитного существа, которое я нес на руках, и никак не мог выбраться на свежий

воздух под теплые лучи солнца. Возможно, они бы вернули Эойе хоть немного сил.

Вдруг я почувствовал на своем лбу долгий поцелуй, потом девушка конвульсивно вздрогнула и руки ее, обвитые вокруг моей шеи, безвольно опали.

Моя несчастная крошка отмучилась.

Я был как безумный: что-то говорил, осыпал поцелуями, пробовал оживить своим дыханием, как древние чудотворцы...

Но все напрасно! Эойя не подавала никаких признаков жизни!

Пытаясь привести ее в чувство, я опустился на колени и поставил рядом сосуд с головнями, не обращая внимания на то, что трава снова принялась душить меня. Вдруг до меня донесся сатанинский глумливый хохот.

В тот же миг горшок с углями отлетел далеко в сторону и покатился, словно от пинка невидимой ноги. Головни посыпались во все стороны.

Я опустил на землю тело бедной девочки, которая была так предана мне, и побежал спасать огонь, не задумываясь над

происшедшим. Я уже собирался схватить горшок, но тот, как живой, вдруг вырвался у меня из рук, закрутился на месте волчком, выбрасывая из себя остатки угольев, и укатился еще дальше прежнего.

И снова зазвучал этот жуткий издевательский смех, но теперь он раздавался совсем рядом со мной.

Я невольно задрожал от страха. Теперь меня окружал полнейший мрак, травинки окружили меня плотной пеленой, я уже почти задохнулся... Мне уже ничего не хотелось, и я решил не подниматься с земли, а покорно дожидаться смерти. Умру так же, как Эойя. Ну и пусть...

Я чувствовал, что силы мои на исходе и с трудом ловил ртом воздух, а темнота становилась все гуще. Непобедимые стебельки возвращались на свои места. От их тошнотворного одуряющего запаха мутилось в голове...

И тут передо мной промелькнула вся моя жизнь: детство, юность, борьба, опасности, светлые чаяния, трагические события, неразделенные чувства...

И все это я пережил лишь затем, чтобы

погибнуть на далекой неизведанной планете!

Чем больше я над этим размышлял, тем большая тяжесть давила мне на грудь, что-то гибкое, похожее на змею, обвивалось вокруг шеи.

— Мой нынешний сон! — с трудом простонал я. — Змеи!

Я чувствовал, что существо, которое меня душит, вполне реально, его можно потрогать. Воображение мое поразило сходство происходящего со сном, он оказался вещим!

Я силился пошевелиться, встать, сразиться с гадами, скрытыми, как мне думалось, среди растений, считая, что это они убили моих спутников, но лежал, будто скованный.

Измученный и потрясенный, я лишился чувств...

* * *

А очнувшись, я чувствовал себя как побитый. Во всем теле были боль и ломота, кроме того, я настолько ослаб, что с трудом соображал.

Я даже не был уверен, жив ли еще, ибо в голове моей царил полнейший хаос мыслей, понятий и чувств. Я забыл, кто я есть и где нахожусь...

Наконец, после изрядных усилий я начал вспоминать последние события. Дальше шел провал в памяти, который казался мне невозполнимым...

Я не знал, что со мной произошло с того момента, когда меня опутали змеи, и до момента пробуждения.

Я огляделся вокруг. Я лежал посреди какого-то квадратного помещения — не то камера, не то келья без окон и дверей.

Стены из полупрозрачного стекла или хрусталя были испещрены множеством мельчайших отверстий, словно проколотых тонкой иглой. Они пропускали внутрь воздух, но не позволяли видеть, что происходит снаружи.

Но сильнее всего меня удивило то, что в центре моего узилища стоял большой стеклянный сосуд в виде круглой чаши, наполненный кровью.

Я терялся в догадках, пытаюсь понять, где очутился.

СТЕКЛЯННАЯ БАШНЯ

— До сих пор, — продолжал Роберт, — все, с чем я сталкивался на Марсе, более или менее походило на земное, и на основе этого подобия можно было строить какие-то гипотезы.

Я не раз оказывался в большой опасности, но всегда мог бороться за свою жизнь, знал возможности противника и методы противодействия им. Теперь все было иначе: я оказался в таинственном царстве, на пороге какого-то неведомого мира, о котором прежде не имел ни малейшего понятия. Я подсознательно чувствовал, что все известные мне средства самозащиты здесь окажутся бесполезны, ибо враг мой теперь намного страшнее и опаснее.

Уже по тому, как выглядела моя тюрьма, можно было судить, что я попал в высокоразвитую цивилизацию. Стеклянные плиты с вентиляционными отверстиями на Земле было бы сделать достаточно хлопотно и сложно даже при нынешнем уровне развития техники.

Больше всего меня заинтересовала чаша,

до краев наполненная свежей кровью. Зачем она здесь? То ли они хотят заставить меня выпить ее, то ли предупреждают о том, что меня ожидает? Сколько меня собираются продержат в этой клетке? Здесь недолго и с ума сойти!

Я уселся прямо на полу, поскольку никакой мебели в комнате не было, и попытался собраться с мыслями, которые разбредались в разные стороны. Пытался вспомнить, как я сюда попал, но все напрасно. Как я уже сказал, у меня вдруг началась амнезия. Последнее, о чем я помнил и не мог думать без содрогания, была смерть Эойи, а дальше все окутывала какая-то серая пелена, через которую я не мог пробиться. Тогда я решил больше не копаться в прошлом, а лучше обдумать возможные способы побега.

Но из этого у меня мало что получалось. Состояние у меня было, как после изрядной дозы гашиша или морфина — слабость, апатия... Я приписывал его дурманящему запаху хищных стебельков, но по мере того, как вдыхал чистый воздух, проникав-

ший через отверстия в стенах, должен был отказаться от своих предположений.

Расхаживая из угла в угол, я прикинул, что площадь камеры составляет примерно четыре на четыре метра. Я простучал ее от пола до потолка, но не обнаружил ни малейшего следа окон, дверей или чего-то похожего на люки. Стены были монолитными, а полупрозрачное стекло исключало возможность потайного выхода.

Но ведь как-то же меня сюда впихнули!

Я продолжал простукивать стены и пол моей кельи, но звук везде был одинаков.

Я чувствовал себя, как жук, посаженный в картонную коробку. Помощи ждать не приходилось, а мощных челюстей, как у ос и термитов, прогрызающих стены домов, у меня не было.

Вдруг мне показалось, что я смогу разбить стены стеклянной чашей, но когда я швырнул ее изо всех сил, она разлетелась вдребезги, не причинив стене никакого вреда. Зато я перепачкался кровью с головы до ног и теперь был сам себе противен.

Я разозлился сверх всякой меры и сго-

рал от стыда. Инженер милостью Божьей не знает, как совладать со стеклянным кубом! Кроме того, я начинал чувствовать голод, и он подстегнул мою сообразительность, однако, как я ни ломал себе голову, ничего конструктивного в нее пока не приходило.

Совсем отчаявшись, я забился в угол и, скорчившись, просидел часа два, не шевелясь, точно дикий зверь в клетке.

И вот, наконец, меня осенило! Мне вдруг вспомнился опыт, которым наш учитель физики развлекал нас в пятом классе, называя сей эксперимент: «Чудесный способ разрезания стекла без помощи алмаза».

Я свернул в плотный ком край полы своей одежды из перьев и принялся сильно тереть стену. Через четверть часа стекло в этом месте так нагрелось, что я стал бояться, как бы перья не загорелись. Тогда я зачерпнул рукой немного разлитой крови и брызнул на раскаленную стену.

Раздался легкий треск, внезапно охлажденные частицы стекла отделились от горячих, и по гладкой стене лучами поползли трещины. Я проделал ту же операцию еще

в нескольких местах с тем же результатом. При одной мысли, что вот-вот окажусь на свободе, я обливался холодным потом. Теперь достаточно одного сильного удара, и целый кусок стекла вылетит наружу!

Однако мгновение спустя я заколебался. Здравый смысл нашептывал, что побег следует отложить до наступления ночи, потому что сейчас звон разбитого стекла и звук от его падения могут привлечь внимание сторожей.

Но с другой стороны, если бы кто-то появился сейчас, разбитая стена послужит обвинением против меня и станет понятно, что я замыслил побег. Поэтому я решил положиться на волю провидения и не откладывая попытать удачи.

Я ударил в стену коленкой что было сил. Из нее вывалился большой кусок стекла и наделал гораздо меньше шума, чем я предполагал. Он был слишком толстым.

Свет и тепло хлынули в келью живительной волной. Осторожно, чтобы не пораниться, я высунулся в пролом, потом выбрался наружу и оказался на ровной площадке, как раз на уровне пола своей тюрь-

мы. Я стоял на вершине исполинской башни огромного, труднопредставимого диаметра, построенной сплошь из полупрозрачного стекла, как и моя камера.

Хоть я и сказал «башня», но на самом деле это было какое-то огромное, невиданное здание. Мне стало интересно, как закрываются эти стеклянные клетки, похожие на пчелиные соты.

Насколько я понял, каждая стена прикрывала металлическое углубление и закрывалась на замок из того же металла, блестящего, похожего на красную медь.

Такие подвижные стены бывают в зверинцах, рядом с клетками, где содержат хищников.

Я развлекался, как ребенок, открывая и закрывая камеры по соседству с собственной. Все они были пусты, но посередине каждой стояла чаша, наполненная кровью.

Во многих ячейках чаши были пусты, кровь в них высохла и почернела, в других, наоборот, полны до половины, словно последний обитатель подкреплялся перед дорогой.

Своим диаметром башня раза в три пре-

восходила римский Колизей, а поскольку по краям ее не было балюстрады, постепенно у меня начала кружиться голова.

Солнце роняло свои знойные лучи в глубину этого своеобразного колодца, откуда доносился неясный шум. Я слегка наклонился вперед и заглянул вниз...

Я насчитал в башне тридцать девять этажей, подпертых стеклянными колоннами, и везде были кельи, отделенные друг от друга глубокими затененными нишами. Все эти камеры или ячейки были строго одинаковых размеров.

Солнечный свет не доходил ниже тридцать девятого этажа, там царил мрак, в котором, возможно, скрывался очередной этаж камер. Я с тревогой вопрошал себя, не уходит ли эта циклопическая башня в самую глубь планеты? И для чего могут служить глубокие огромные ниши, в которых поместятся миллионы статуй?

Все колонны были одинаковой величины и формы — гладкие, круглые, без всяких украшений, они покоились каждая на двух сферах, а две другие служили капителью. Каждая колонна вместе с шарами была

другого цвета, а все вместе они переливались в солнечных лучах всеми цветами радуги, сверкая, точно бриллианты.

Я не мог налюбоваться этим волшебным зрелищем, которое притягивало взгляд мириадами разноцветных бликов. Наконец, сделав над собой значительное усилие, я отодвинулся от края, потому что почувствовал, как меня начинает тянуть в мерцающую бездну...

Пытаясь разгадать тайну башни, я пришел к выводу, что очутился в каких-то воздушных катакомбах или на кладбище. Вероятно, в нишах находятся забальзамированные или сожженные тела умерших марсиан.

Однако кое-какие детали противоречили моим домыслам.

Башня вовсе не выглядела заброшенной. Здесь не было ни единой травинки, а стекло сияло как новенькое.

Мне больше не хотелось размышлять над этой загадкой. Я решил, что после все выяснится само собой, и перевел взгляд с колдовских колонн на ближайшие окрестности. Никогда мне не приходилось наблю-

дать столь великолепной природы, хотя в своей жизни я успел навидаться разных чудес.

Передо мной раскинулось море изумительного чистого фиолетового оттенка. Волны его мягко накатывались на берег, а пена на их гребнях была нежно-розовой, как цветы персика. Сам же берег, изрезанный и холмистый, походил на кучу огромных губок, поросших кустарником с причудливо изогнутыми ветками. Море глубоко врезалось в сушу, создавая множество мелких заливчиков, а полуостровки напоминали фантастических животных или растения, и весь этот необычный пейзаж, купаясь в золотистом свете, гляделся в темно-фиолетовую морскую бездну.

Вдали виднелась широкая приземистая гора; вершина ее курилась бурым дымом; это был первый встреченный мной на Марсе вулкан. На небольшом расстоянии от своей башни я насчитал еще двенадцать точно таких же! Они вздымались из морских вод архипелагом, поражающим игрой красок.

Тогда я убедился, что в них нет никаких

отверстий. Во всех были одинаковые ряды колонн и аркад, но уже без глубоких ниш. По форме они напоминали библейскую вавилонскую башню, изображения которой можно найти в древних рукописях священных книг.

Моя башня тоже со всех сторон была окружена морем, но мой утомленный разум не мог найти ответа на вопрос, как я туда попал.

Я пошел по площадке в другую сторону. И там тоже из лиловых волн моря вырастали сверкающие строения, а самый край горизонта окутывала белесая дымка. Это означало, что поблизости есть суша. Неземной покой, разлитый в этой дивной природе, утолял мою тревогу. Если бы не мучительные голодные спазмы желудка, возможно, я даже раздумал бы бежать. Здесь царила первозданная тишина. Я не видел и не ощущал ни малейшего признака жизни вокруг. Быть может, все это мне только снится? — спрашивал я себя.

Наконец, со вздохом сожаления я оторвал взгляд от сказочных окрестностей,

чтобы снова продолжить борьбу за жизнь во имя науки.

Я еще раз обошел площадку вокруг башни, поскольку элементарная логика подсказывала мне, что на нижние этажи должны вести по меньшей мере ступени, возможно, здесь есть лифт или хотя бы лестница с перекладинами.

Но я жестоко ошибся. Гладкая и узкая площадка была сплошной. Если и существовал некий скрытый спуск, то он оставался невидимым для глаз. Это несколько обескуражило меня, но я не падал духом, понимая, что должен действовать немедленно, пока окончательно не ослаб от голода и усталости.

Вот бы добраться до самого нижнего этажа! Возможно, ниши скрывают какие-нибудь выходы. Лишь бы туда спуститься!

Наконец, в голове у меня сложился определенный план, и я решил попытаться осуществить его. Вынув из металлического гнезда стеклянную пластину, я разбил ее, бросив на площадку, и отломил металлический засов. Длинной он был около фута и оказался настолько прочным, что с его

помощью я вначале сделал в стекле углубление и вставил в него металлическую пластину, засыпав все вокруг стеклянными осколками. Потом я оторвал от своей одежды, искусно сшитой из крепких и мягких птичьих шкурок, две полосы и связал их вместе. У меня получился шнур длиной около метра. Я изо всех сил несколько раз растянул его обеими руками и убедился, что он достаточно прочен. Я привязал его к металлическому карнизу и спустился на следующий этаж.

Это удалось мне без особого труда, поскольку я достаточно занимался гимнастикой в свое время. Но должен признать, что когда я почувствовал себя зависшим над бездной, то закрыл глаза, чтобы не кружилась голова.

Едва я нащупал ногами капитель колонны, страх мой прошел, и минуту спустя я, целый и невредимый, уже стоял между двумя колоннами изумительного сапфирового цвета. Глубоко вздохнув, я подумал, что не хотел бы повторить столь рискованный спуск.

По обе стороны от меня стояли две ча-

ши, наполненные кровью, точно такие же, как в моей келье. Но теперь это мрачное зрелище уже не угнетало меня, ибо каждая ниша, как я и предполагал, была лестничной площадкой, а ступени, помещаясь внутри стен, спиралью спускались вниз.

Не слишком раздумывая о последствиях, я двинулся вперед. В коридоре царил мягкий сумрак, в котором поблескивали колонны. Полупрозрачный кристалл пропускал дневной свет, приглушая его. Я спустился по винтовой лестнице, а в памяти вдруг всплыли бодлеровские строки:

«Спускались узники, соразмеряя шаг,
Туда, где в глубине царит извечный мрак...»

Башня была настолько необычна, что любопытство целиком завладело мной, и я забыл о терзавших меня голоде и усталости.

Наконец, я достиг места, куда сходились несколько галерей, а бесконечные ступени терялись внизу.

Наверно, они кончались в каком-нибудь подземелье, о глубине которого я старался не думать.

А если честно, то я боялся, что эта дья-

вольская лестница никогда не кончится, и я буду бродить по ней, как Вечный Жид. В конце концов мне пришлось остановиться, потому что дальше лестница терялась в непроглядном мраке.

Зато желание заглянуть в вертикальные галереи одолевало меня все сильнее и сильнее, тем более, что в глубине каждой из них мерцал мягкий, приглушенный свет, напоминавший отблеск далекого огня. Однако их было столько, что я не знал, которую выбрать. Нетрудно догадаться, что я быстро заблужусь в этом лабиринте.

Немного поразмыслив, я решил пойти наугад и направился куда ноги понесли. Коридор шел с заметным уклоном вниз, но меньше чем через двадцать шагов я очутился перед стеклянными дверями в металлической окантовке, как это было в моей тюрьме. Я открыл их очень легко, переступил порог и очутился в зале с высокими сводами. Удивлению моему не было предела.

Сквозь исполинские хрустальные окна, которые были неправдоподобно прозрачны, я увидел морское дно! В проемах между

ними стояли металлические колонны. Заросли белых и пурпурных кораллов чередовались с изумрудно-зелеными водорослями, среди которых были удивительные разновидности, поражающие яркостью красок. Ослепительно прекрасные цветы выглядывали из массы листьев и стеблей, напоминая буйную флору Центральной Африки. Кое-где виднелись плоды, похожие на земные бананы и ананасы. Чего там только не было! Цветы, подобные Виктории Регии, чаша которых достигала метра в поперечнике; невероятно воздушные лианы повсюду раскинули свои пурпурные плети.

Но самое большое впечатление на меня произвела некая система, в которой произрастало все это богатство и которая не могла быть делом случая. Шпалеры и аллеи поражали геометрической правильностью форм, некоторые кусты, усыпанные темно-синими ягодами, выглядели так, будто над ними совсем недавно поработали ножницы умелого садовника, а широкие, посыпанные розовым песком дорожки содержались в безукоризненном порядке.

Подводный сад просто кишел жизнью. Рыбы с золотисто-голубой чешуей резвились среди водорослей и мелькали в коралловых зарослях точно серебристые молнии. Устрицы в темно-синих раковинах, которых я видел уже в первые дни своего пребывания на Марсе, степенно ползали по песку, а радужные медузы колыхались в воде живыми опалами. Я видел там черепах, которые мало чем отличались от наших речных и черепах с лапами. И те, и другие безмятежно пощипывали травку, словно овцы на пастбище. Гибкие угри выныривали из-под кустов и мелькали то тут, то там, как ящерицы, скаты гонялись за маленькими разноцветными рыбешками.

Мне казалось, что я вижу перед собой гигантский аквариум, и я сильно разволновался, поняв, что нахожусь в заповеднике некогда могучей цивилизации, которую искал на этой планете.

Я вмиг забыл о всевозможных хищниках и опасностях, с которыми мне до сих пор приходилось бороться. Сердце мое учащенно билось при мысли, что я, наконец, смогу общаться с высокоразвитыми

существами, создавшими все эти чудеса. Обычные люди не способны создать морской парк и строить стеклянные башни.

Теперь я перестал удивляться тому, что мне даровали жизнь.

Я был восхищен всем увиденным и не сомневался, что мне уже ничто не угрожает. Удивление и восторг должны склонить на мою сторону неведомых хозяев.

Наблюдая за жизнью под водой, я заметил, что там совсем нет хищных животных. Я не видел ни полипов, ни зубастых рыб, ни других пиратов океанских глубин.

Я жадно всматривался в раскинувшуюся панораму и чувствовал себя сполна вознагражденным за то, что мне до сих пор пришлось вынести. Вдруг моему изумленному взору предстала почти человеческая фигура, возникшая из-за кустов. Существо было крепкое, мускулистое, небольшого роста. В каждом движении чувствовалась сила, а стремительная походка поражала своей грацией. Тело создания было покрыто темным блестящим ворсом, похожим на мех тюленя или морской выдры. Лицо и руки поросли мелкой прозрачной чешуей,

позволявшей различить черты лица и белизну кожи.

Существуют некоторые болезни, когда тело покрывается подобными роговыми наростами, и я тут же вспомнил нетипичное мнение об этом одного датского врача. «Проказа вовсе не является заболеванием, — писал он. — Это всего лишь один из феноменов природы, и отклонения в его клинике приводят к тому, что при определенных условиях лицо пациента покрывается чешуей». Правда, этот лекарь жил в средние века, когда верили во всякие чудеса, и его наблюдения относятся к рыбакам, которые питались преимущественно свежей и соленой рыбой.

Я довольно долго сидел, задумавшись, ибо придерживаюсь мнения, что любая хворь лишь ступенька в человеческой эволюции, ведущая к большему совершенству по сравнению с настоящим моментом.

Из всех моих невероятных приключений встреча с морским человеком была, пожалуй, самым потрясающим. Я смотрел на него, не отрывая взгляда, и даже сейчас могу описать это создание в мельчайших

подробностях. Длинные пальцы заканчивались голубыми когтями и соединялись между собой перепонками, которые позволяли без труда передвигаться в воде, оставляя кисть гибкой и подвижной. Темные блестящие глаза вовсе не были пустыми и безжизненными, как у рыб. Напротив, они светились умом, как у многих земноводных существ. Еще Мишле заметил, как они похожи на людей и потому легко поддаются приручению. Рот был маленький, на верхней губе торпорщились короткие торчащие усы, а выпуклый лоб и гармоничная линия носа не говорили о животном происхождении.

Я раздумывал, как это удивительное существо может жить под водой, если у него нет жабр. Быть может, оно время от времени всплывает на поверхность по примеру рыб или выбирается на сушу, как земноводные млекопитающие?

Тогда мне вспомнилась очень старая легендарная теория, широко распространенная среди врачей в XVIII веке. Как правило, они занимались и алхимией.

Согласно ей замена артериальной крови

на венозную перед рождением ребенка происходит без участия легких. Она переходит из правого предсердия в левое, а отверстие в перемычке между ними называется по имени открывателя — протоком Боталла. Это отверстие затягивается, когда ребенок начинает дышать легкими. В те времена верили, что если малыша погружать в теплую воду, чередуя процедуру с пребыванием на воздухе, он сможет дышать под водой, потому что Боталлов проток у него останется открытым.

Как ни странно, но история дает нам доказательство в пользу подобной теории. Знаменитый английский зодчий Лайтуотер, создавший план осушения Зедерзее, который осуществили только через сто лет после его смерти, мог очень подолгу находиться под водой, о чем свидетельствуют многие его современники.

Однако научные светила, не давая себе труда проверить эксперименты, описанные в трудах своих предшественников, едко высмеяли эту фантастическую гипотезу. Лишь блистательный Бертелло, в библиотеке которого было собрано более тридцати

тысяч томов по алхимии и древней медицине, пытался разгадать эту загадку, но, к сожалению, смерть помешала ему. Гениальный химик на собственном опыте убедился, что в самых неправдоподобных преданиях зачастую содержится некая доля истины, и ничего не отрицал априори.

Что касается меня самого, то я уверен в правоте лекарей XVIII века и полагаю, что человек без особого труда способен жить в воде. Разве я не убедился в этом собственными глазами?

В то время, как я погрузился в свои размышления, морской человек медленно приближался к стене стеклянного зала, где я сидел. Только теперь я заметил у него в руке брусок красного металла, согнутый полукольцом на конце. Подводный обитатель опирался на него как на трость.

Мягкие движения, темная блестящая шерсть и торчащие усы делали его похожим на кота с человеческим лицом. На ходу он время от времени оглядывался назад, словно ждал кого-то. Вскоре я понял, почему он так себя ведет. К нему, весело подпрыгивая, прибежал удивительный зверь,

представлявший собой помесь моржа и выдры, но с клювом, как у австралийского утконоса. Немного погодя он, крадучись, отошел и начал озиаться по сторонам.

Значит, это был охотник, а диковинное животное заменяло ему собаку.

Вдруг из-за куста спутанных водорослей вынырнула крупная рыба, похожая на ската. Зверь бросился на нее, но гибкая рыба вырвалась от него и кинулась прочь. Тогда охотник швырнул ей вслед свою трость. Его оружие описало дугу, настигло добычу, нанесло ей смертельный удар и вернулось прямо в руки хозяина.

Оглушенная рыба лежала на песке. Зверь подбежал к ней, несколько раз хорошенько стукнул лапами и, схватив клювом, отнес своему господину, положив у его ног, как отлично натасканная легавая.

Человек положил рыбу в сетку, сплетенную, как мне показалось, из прочных блестящих волокон, которые выделяет определенная порода моллюсков. Из этих нитей в древности ткали материал, называемый виссоном. Сеть была перекинута у охотника через плечо.

Я с удивлением наблюдал сцену из подводной жизни, которую мне столь нечаянно удалось подсмотреть. Несомненно было, что оружие, которым пользовался охотник, — это разновидность бумеранга австралийских аборигенов, которым они пользуются для тех же целей.

Человек между тем продолжал идти в мою сторону, и я заметил, что в сетке у него лежат несколько рыб и плоды, по размеру и форме похожие на ананасы. Точно такие же я видел на кусте, который рос у противоположной стены зала. Ветки у растения были твердые, покрытые фиолетовыми листьями и шипами, как у кактуса.

Охотник приближался неторопливо, глядя прямо на меня, и на лице его отражалось живейшее любопытство. Вскоре нас разделяла только хрустальная стена. Мы разглядывали друг друга, и охотник вдруг чего-то испугался. Во взгляде его мелькнула угроза.

Должно быть, он никогда не сталкивался с подобными мне существами. Все тело его сотрясала дрожь, а дружелюбных жестов

и улыбки, обращенной к нему, человек, казалось, совсем не понимал.

Постояв так немного, он повернулся спиной и ринулся прочь, пока, наконец, не скрылся в густых зарослях, должно быть, окружавших какую-то подводную деревушку. А я еще долго стоял на прежнем месте, поглощенный своими мыслями.

Чем больше тайн Марса раскрывалось передо мной, тем сильнее я удивлялся...

Наконец, я решил идти дальше по этой же галерее, в которую свет проникал через круглые хрустальные окна, за которыми виднелось дно океана.

АРСЕНАЛЫ И КАТАКОМБЫ

Галерея была бесконечно длинной, и вскоре я понял, что она служила переходом из одной башни в другую, но тщетно я напрягал все свое воображение, чтобы понять, кто и зачем возвел эти гигантские постройки.

Подводные пейзажи, которые я наблюдал сквозь окна коридора, поражали своим разнообразием. Там высились целые леса

высоких кустарников, усеянных темно-зелеными листьями с золотыми прожилками, а ветки были эластичными и гибкими. Под ними копошились огромные крабы, круша своими мощными клешнями устричные раковины и добывая из них моллюсков.

Потом вновь начинались сады, полные цветов неземных оттенков, а над ними, словно рои бабочек, порхали стайки крохотных пестрых рыбок.

Я видел глубокие гроты, в которых копошились человекоподобные существа.

Я решил, что это, должно быть, какие-то прииски, где ведутся горные работы.

Из другого окна я заметил нечто вроде длинных траншей, перегороженных стеной высотой в рост человека. В каждой такой ячейке сидел большой моллюск, похожий на омара, но только гораздо крупнее. Иные достигали в длину около пяти метров, а их громадные клешни были ужасающим оружием. Внутренние зазубренные края запросто могли перерезать пополам взрослого человека.

Каждое из этих созданий сидело на цепи.

Немного погодя я увидел, как к траншее подошел морской человек, сгибаясь под тяжестью корзины с рыбой. Он останавливался у каждой перегородки и все твари получили по огромной рыбине.

Я с любопытством наблюдал, как твари протягивали вперед клешни и на лету хватали брошенный им корм.

Похоже, омаров вначале хорошенько откармливали, а потом самих съедали.

На красивой зеленой лужайке паслись несколько сотен черепах под присмотром пастуха, вооруженного металлическим бумерангом. Помощниками ему служили две морские выдры с длинными усами, исполнявшие роль овчарок.

Пастух собирал раковины и складывал их в маленькую корзинку и потому совсем не заметил меня, хотя я делал ему знаки, стараясь обратить на себя внимание.

Но меня ожидали вещи еще более удивительные.

В одно из окон я увидел настоящую подводную деревню. В ней было около ста домов с покатыми крышами, живописно раз-

брошенных среди желтых и голубых водорослей.

Зрелище было захватывающее. Домики, построенные из белых или красных кораллов, снаружи украшали блестящие раковины. Я бы назвал это поселение городом из перламутра и кораллов, над которым колыхались морские волны.

Ручные тюлени и выдры лениво дремали на порогах домов. Оконные стекла были овальными и выпуклыми. Полагаю, что для этого использовались отшлифованные до прозрачности панцири черепах.

Растущие там и сям прекрасные коралловые деревья оживляли этот очаровательный уголок. На определенном расстоянии друг от друга там возвышались колонны, увенчанные большими плоскими чашами или мисками, предназначение которых было для меня непонятным, но я решил, что они служат для освещения.

Как неповторимо должна была выглядеть деревенька на дне морском, озаренная мягким светом!

Кроме зверей, дремавших на порогах хижин, я не увидел ни единого живого су-

щества. Вероятно, селяне были заняты охотой или присмотром за стадами.

Однако, как ни удивительны были все эти чудеса, а голод давал о себе знать и притом весьма ощутимо, а как его утолить, я пока не знал.

И почему только я не был создан для жизни под водой! Я бы разбил стекло, отделявшее меня от этих чудесных деревень, и попросил обитателей хижин из раковин и кораллов приютить и накормить меня. Уверен, что они бы не отказали в моей просьбе!

Что предпринять теперь?

Я догадывался, что в конце галереи будет вход в следующую башню, такую же пустынную и молчаливую, как и та, которую я недавно покинул. Неужто никто из обитателей этих зачарованных дворцов так и не покажется мне?

Мне очень хотелось разгадать очередную тайну и раздумья о ней не давали мне покоя, хоть я и старался забыть об этом. Пока загадка оставалась неразрешимой и сверлила мне мозг.

Я сел, чтобы немного отдохнуть и ре-

шить, что делать дальше, как вдруг увидел низкую сводчатую арку, уходящую вниз. Я уже хотел было спуститься в этот непроглядный мрак, как вдруг из бездны донесся взрыв такого безумного смеха, что я окаменел от ужаса. Он был точно такой же, как тот, который я слышал на равнине, когда сражался с летучей травой.

От этого резкого насмешливого хохота, в котором не было ничего человеческого, мне опять стало страшно; душу мою объял смертельный холод, ноги уже подгибались. Я понял, что могу оказаться среди чудовищ, по сравнению с которыми все опасности, какие меня подстерегали на Марсе, покажутся детской сказкой. Однако я овладел собой и, собравшись с духом, вступил под низкие своды.

Это было все-таки лучше, чем по-прежнему оставаться в неопределенности. Впрочем, мне казалось маловероятным, чтобы создатели всей этой красоты и гармонии вдруг оказались дикими и жестокими. Я был уверен, что мне удастся найти с ними общий язык.

Они захватили меня в плен, это верно,

однако, не причинили никакого вреда. Возможно, я был для них каким-то неизвестным существом, за которым решили понаблюдать.

Подбодрив себя таким образом, я начал спускаться по коридору, который под уклоном уходил вниз. В галерее было темно и, возможно, я отказался бы от своего намерения, но вдруг почувствовал под ногами какие-то бугорки величиной с грецкий орех.

В тот же миг коридор осветился неярким мягким светом, и я, наконец, смог разглядеть, где нахожусь.

Мгновение я стоял, не шевелясь, почти уверенный, что попал в какое-то зачарованное царство, где добрая фея зажгла для меня свет, ибо он мне очень понадобился.

Стены были из такого же стекла, как и башня, однако на потолке, с которого лилось таинственное сияние, были изображены причудливые животные и растения. Казалось, под сводами собралось бесчисленное множество светляков, вроде тех, которых мне приходилось видеть в Центральной Америке.

Под тяжестью моего тела кнопки в полу вдавливались, включая свет в подземном ходе.

По мере того, как я продвигался вперед, свет позади меня угасал и зажигался передо мной, так что меня окружало некое подобие сияющего ореола.

Природу освещения я так и не могу объяснить. Это могли быть фосфоресцирующие газы или особое излучение, свойственное только Марсу. Коридор по-прежнему шел под уклоном, и несколько раз я оказывался на пересечении нескольких галерей. Однако я не рискнул свернуть в сторону. Чтобы не заплутать в этом лабиринте, нужно было все время идти по прямой.

Неожиданно я очутился в сводчатом зале, где в бесконечность уходили ряды строгих иератических статуй. Одни из них были изваяны из красного порфира, другие отлиты из металла, по цвету более темного, чем бронза, и покрыты позолотой. Изваяния представляли птиц с человеческими лицами, крылатых крокодилов, драконов, покрытых шипами и существ настолько фантастических, что я невольно спрашивал

себя, существовали ли подобные чудовища еще где-нибудь, кроме воображения художника?

Среди них были скульптуры эрлооров и роомбоо, выполненные очень правдоподобно.

Статуи поражали своими циклопическими размерами. Они дышали такой седой древностью, что меня охватывала робость.

Перед ними я чувствовал себя букашкой, а глаза изваяний, сделанные из самоцветов, неподвижные и холодные, казалось, говорили: «Ты никогда не постигнешь тайну, вечными хранителями которой стали мы, и она навсегда останется с нами!»

Я по-прежнему продолжал идти вперед, но уже не столь уверенно. Мне казалось, что там, за пределами светлого круга, дикий идиоты собирались толпой, чтобы закрыть мне дорогу к выходу...

Я кашлянул, и эхо многократно повторило этот звук под высокими сводами соседних пустынных залов. Мне вдруг показалось, что монстр, дьявольский смех которого я слышал недавно, вот-вот выгля-

нет из-за какой-нибудь статуи и ринется на меня.

Однако в этом исполинском зале никто не появлялся уже многие сотни лет, потому что пыль толстым слоем лежала повсюду.

К чувству удивления всеми этими диковинами примешивалась какая-то подавленность, словно на плечи мне лег груз истории древней марсианской цивилизации, которой я так никогда и не узнаю.

Я уже начинал жалеть, что углубился так далеко, но какая-то неведомая сила толкала меня вперед. Я бессознательно ускорял шаг и через какое-то время уже мчался бегом, как сумасшедший. Наверное, в мерцающем облаке света, который включался от моих шагов, со стороны я выглядел как раскаленный летящий метеор.

Меня охватило какое-то неистовство: вереница сводчатых залов казалась бесконечной. Это был целый город в глубинах планеты. Думаю, что по площади он не уступал некоторым древним развалинам Индии

или Египта. Наверняка на постройку этого великолепия ушло не одно столетие.

Наконец, я остановился, подумав, что так можно бежать до полного изнеможения. Я до такой степени устал и был голоден, что мне не хотелось ни продолжать дальнейший путь, ни возвращаться обратно.

Тут я увидел еще один спуск и решил сойти вниз, на следующий этаж, не откладывая.

В залах, расположенных на самом нижнем уровне, статуй не было. По виду они очень напоминали склады. В первом помещении я обнаружил множество герметически закрытых, стоящих один на другом стеклянных кубов. Следующее было заполнено тюками, завернутыми в выделанную рыбью кожу и перевязанными веревками.

Я не удержался и вскрикнул от радости, поскольку был уверен, что обнаружил запасы еды, сделанные неведомыми морскими обитателями, и несколько воспрянул духом.

С трудом сняв один из прозрачных кубов, я не смог открыть плотно пригнанную крышку, которая к тому же была замазана

чем-то вроде смолы. Тогда я швырнул куб на пол. Из упаковки посыпались продолговатые зерна, похожие на кукурузу.

Я пожевал их. Зерна оказались мучнистыми, сладковатыми и очень приятными на вкус. Я как следует наелся этой манны, посланной самим провидением, и понял, что теперь голодная смерть мне не грозит!

Запасов зерна, которые хранились в этом зале, мне хватило бы на целый год, но ведь кроме этого помещения были и другие, где тоже лежала какая-то пища.

Хорошенько подкрепившись, я принялся исследовать перевязанные веревками тюки. Там лежала вяленая рыба. За долгие годы она затвердела настолько, что ее нужно было рубить топором. Удовлетворив свое любопытство, я направился в соседний зал.

Там лежали целые горы круглых бревен. Вначале я решил, что наткнулся на запасы топлива, своего рода огромный дровяной сарай, потом, повнимательней приглядевшись к бревнам, понял, что передо мной исполинская разновидность бамбука, который я принял за стволы деревьев. Изрядно

намучившись, я отковырял с одного конца цилиндра слой горного воска. На ладонь мне вылилось несколько капель жидкости. Я осторожно понюхал ее. В нос мне ударил приятный аромат спелых фруктов, где смешались запахи ананаса, лимона, малины и гуавы.

Маловероятно, чтобы жидкость с таким букетом оказалась вредной для живого существа. Иначе зачем было запасать ее в таких огромных количествах?

Этот аргумент оказался для меня решающим. Я рискнул попробовать свою находку. По вкусу она походила на итальянские и испанские вина, настоянные на душистых ягодах и лепестках цветов. Однако я уловил и некий резковатый оттенок, сходный с запахом эфира. При чрезмерном употреблении напиток мог оказаться опасным.

Я сделал несколько глотков и сразу же почувствовал прилив сил. Усталость и подавленность улетучились, и теперь я стал видеть все совершенно другими глазами.

Ни один земной напиток не мог произвести столь благотворного действия, тем более, что алкоголь обычно вызывает излиш-

нее нервное возбуждение. Лицо у меня не горело, мысль работала четко и ясно. Словом, это совсем не походило на крепкое вино.

Я совершенно успокоился, а голова оставалась такой свежей, что я принялся перебирать в памяти события последних дней, чтобы лучше их запомнить. Однако атмосфера подземелья начинала тяготить меня, я заметил, что там очень душно.

Я решил вернуться туда, где лежали припасы, после я пошел в зал со статуями, а затем — в подводную галерею.

Там было уже темно, а свет, как в предыдущем подземном переходе, не включался.

Теперь у меня появилась новая забота — где и как переночевать.

На галерее было слишком холодно, а в подземелье сыро, поэтому я направился в башню, решив провести ночь в одной из ниш.

Вскоре я достиг своей цели. Из глубин спящего моря струился мягкий свет, в котором отчетливо вырисовывалась коралловая деревушка. Водоросли и мягкие лу-

жайки тоже светились голубоватым сиянием, которое излучали растения и животные. Морское дно казалось озаренным призрачным светом луны. Там царил первозданный покой: рыбы спали в зарослях водорослей, моллюски — в расщелинах скал... Вдруг какое-то существо с горящими глазами черным облаком промчалось по окрестностям. Я так и не успел понять, что это было такое.

Я начал подниматься по винтовой лестнице на верхнюю площадку башни. Можно было устроиться на ночлег где-нибудь на нижних этажах, но мальчишеское любопытство гнало меня на самую вершину. Мне хотелось проверить, на месте ли еще веревка, по которой я спустился из своей темницы. Наконец, я достиг первого яруса ниш, но нужную обнаружить не мог и потому решил устроиться в первой попавшейся, поскольку все они были одинаковы, и в каждой стояла чаша, наполненная кровью.

Обосновавшись у своего рода балюстрады между двумя колоннами, я обнаружил там кучу чего-то мягкого, что вначале

принял за шерсть, но это, похоже, оказался асбест.

Устроив себе изголовье повыше, я улегся, но сон не приходил. Впечатлений за день накопилось столько, что они мешали уснуть. Я стал любоваться Фобосом и Деймосом, струившими свое сияние на разноцветные колонны. На чистом небе сверкали звезды и, глядя на них, я спрашивал себя, жив ли я или только душа моя блуждает здесь, тогда как тело лежит в летаргическом сне в одной из келий индийского монастыря.

Но присмотревшись внимательней, я увидел среди мерцающей россыпи крохотную голубую точку. Это была Земля. Там осталось все, что было так дорого моему сердцу в этой жизни...

Здесь голос Роберта сорвался от волнения и он умолк. Когда чувства его немного улеглись, молодой человек заговорил снова:

— Погрузившись в невеселые мысли, я не сразу услышал над собой шелест легких крыльев и не успел подумать об опасности, как меня схватили скользкие и мяг-

кие щупальца, напоминавшие змей. Кошмар болотистой равнины снова повторялся. Я опять не мог пошевелиться...

От ужаса кровь заледенела у меня в жилах. Я не сомневался, что пробил мой последний час. Но мой противник, которого я не мог разглядеть во мраке, удовлетворился тем, что поднял меня вверх и швырнул на ступени лестницы, где я долго пролежал почти без чувств. Сердце вырывалось у меня из груди.

Потом я опять услышал шум крыльев и какое-то хлюпанье. Очевидно, существо утоляло жажду из чаши с кровью. Потом оно стало укладываться для отдыха на мягкой подстилке.

Я потихоньку пришел в себя и побыстрее спустился на два этажа. Испуганный, едва дыша, я больше не решался возвращаться в ниши, дабы не встречаться с их обитателями.

Я лег на галерее и опять попытался уснуть, но когда это мне, наконец, удалось, сон мой был тревожен и я часто просыпался от кошмаров. Я вскакивал раз пятнадцать, обливаясь холодным потом. В шо-

рохе морских волн мне все мерещился шум крыльев и дикий хохот, которого я никак не мог забыть. К сожалению, прежде я придавал ему слишком мало значения...

Наконец, начало рассветать. Как только стало достаточно светло, я поднялся на вершину башни, с мужеством отчаяния решив лицом к лицу встретиться со своим ночным врагом. Я обошел множество ниш, но все они были пусты, только на мягких подстилках виднелись углубления от тел, а крови во многих стеклянных чашах почти не осталось. Мало того, что я ничего не понимал, но еще и совершенно глупо чувствовал себя в роли принца, очутившегося в зачарованном замке, где исполняется каждое желание, но не видать ни единой живой души.

Почти весь этот день я провел в подводной галерее, любясь необычными пейзажами.

В стеклянную башню возвращаться я уже не осмеливался. При одном воспоминании о длинных скользких щупальцах, которые, словно гибкие, сильные змеи, обви-

лись вокруг моего тела в нише, меня принимала дрожь. Я помнил и удар о ступеньки... Обошлись со мной весьма бесцеремонно...

Так в постоянных опасениях я прожил целую неделю, но скучать мне не приходилось.

Я решил исследовать весь подземный дворец, и на каждом шагу меня поджидали потрясающие открытия. Какая-то могучая раса целые века собирала в бесчисленных кладовых свои сокровища. Я видел арсеналы, где хранилось различное оружие из неведомых мне металлов. Мне очень запомнились боевые топоры с грозными остриями, сверкавшие, как изумруды. Казалось, что их выковали из зеленого золота.

Медь, железо и золото попадались изредка, зато редчайший на Земле металл иридий я видел в изобилии, любуясь его радужными красками.

Из него были сделаны огромные шары, усаженные острыми шипами и состоявшие из двух половин. Эти полусферы, предназначения которых я не понимал, соединялись между собой особыми пластинами.

Там лежали зубчатые ножницы самых разных размеров, вплоть до совершенно гигантских, сети из какой-то бирюзовой проволоки. В каждой их ячейке имелся крючок наподобие рыболовного.

Для чего служили все эти орудия? Для работы, для войны или для пыток? Этой загадки я не мог разгадать и порой целыми часами раздумывал над тем, какими же были существа, создавшие все это и сложившие свои сокровища в подземелье, которое равнялось по размерам большому городу.

Однажды я нашел большой серебряный диск с отверстиями сантиметров десять и неосторожно сунул в одно из них руку. В тот же миг сработала внутренняя пружина и наружу выскочило стальное острие, которое едва не прошило мне ладонь. С тех пор я стал осмотрителен и старался зря не рисковать.

Для самообороны я выбрал золотой топорик, который носил у пояса, и длинную, окованную серебром пику из иридия. Она была увесистой и хорошо отточенной.

Чтобы рассказать, что я видел в под-

земных складах, мне понадобился бы, наверно, целый день. По всему было видно, что там уже давно никто не бывает. Возможно, какое-то племя истребили нынешние обитатели стеклянных башен, которыми были мои невидимые и неведомые тюремщики?

Одной из находок я особенно обрадовался. Целый зал был заполнен сундуками из марсианского красного кедра, в которых лежали аккуратно свернутые тюки всяческих тканей. Хотя многие из них были непонятного происхождения, но встречались напоминавшие шелк или мягкую шерсть.

Когда я принялся их разворачивать, многие полотна тут же рассыпались в прах, подобно тканям, обнаруженным в Геркулануме, Помпее или древних захоронениях.

Однако те, что находились между полотнами из ярких перьев, сохранились очень неплохо, а потому я решил обновить свое одеяние, которое к тому времени было в самом плачевном виде.

Вначале я подумал, что это хранилище или музей одежды, но скоро понял свою

ошибку. Все куски материи имели форму четырехгранника или треугольника, и на каждом были вышиты или нарисованы какие-нибудь сцены.

Это оказалась библиотека, а вернее архив, который привел бы в восторг многих ученых мужей. Вероятно, в рисунках была отображена изрядная часть марсианской истории.

Я разворачивал и снова складывал драгоценные полотна. Все они были голубого и темно-зеленого цвета, а рисунки сделаны ярко-желтой или красной краской.

Это было так называемое рисуночное письмо, близкое египетским и древнекитайским иероглифам.

Чтобы расшифровать его, мне понадобились бы целые годы, да я и не помышлял о таком безумстве!

Однако кое-что я все-таки понял и у меня появилась новая пища для размышлений.

На одной из картин был примитивно, но тщательно изображен эрлоор, нападавший на обитателя болот, сородичи которого еще совсем недавно были моими подданными; на

другой самого эрлоора пожирало некое существо, состоявшее, казалось, из одной только головы и пары крыльев. Такого за все время моей жизни на Марсе я не встречал ни разу.

На следующем рисунке на крылатого зверя ринулась какая-то исполинская бесформенная масса.

Значит, и тут, как на Земле, одни существа жили за счет гибели других.

В таких размышлениях проходило время, но для меня не предвиделось никаких перемен. Однажды я долго шел по подводной галерее, пока не наткнулся на другую стеклянную башню. Она была настолько похожа на предыдущую, что осматривать третью у меня не было ни малейшей охоты. Повсюду царила все та же мертвая тишина, изредка нарушаемая хлопаньем крыльев и нечеловеческим смехом, от которого мороз пробегал по коже.

Надежда когда-нибудь вновь увидеть Землю или хотя бы подать о себе весточку становилась все более призрачной. Я уже свыкался с тем, что умру здесь в полном одиночестве, вдали от тех, кого любил, и

они никогда не узнают, что со мною случилось.

И тут произошло событие, которое стало решающим в моей судьбе. В своих отшельнических путешествиях я набрел на подземелья, которые счел основанием башен. Стекланных стен и светящихся потолков там не было, они тонули в темноте. Залы были выбиты в красноватом мелкозернистом граните, а массивные металлические двери я с трудом открыл лишь с помощью копья и топорика, взятых в арсенале.

Любопытство мое вспыхнуло с новой силой, но не бродить же в этих катакомбах наощупь! Надо было соорудить лампу, факел или что-то в этом роде. Я скрутил фитиль из хлопчатобумажной ткани и облепил его озокеритом, соскобленным с бочек.

Теперь главная трудность состояла в том, чтобы зажечь мою неуклюжую свечу. Ничего дельного в голову не приходило. Я попытался добыть огонь трением двух кусочков дерева, но для этого одна дощечка должна быть из твердой породы, а другая из мягкой. Таковых у меня под рукой

не имелось, и потому опыт не удавался; окончательно измучившись, я оставил свои попытки.

Я отколол топориком кусок толстого прозрачного стекла и шлифовал его до тех пор, пока не получилась линза. Тогда я встал к окну и, собрав пучок солнечных лучей, направил его на фитиль свечи. Какова была моя радость, когда он, наконец, вспыхнул!

Теперь я мог смело спускаться в подвалы и с замиранием сердца думал о том, какие чудеса могут ожидать меня там.

Представьте себе мое удивление, когда оказалось, что катакомбы заполнены исполинскими каменными шарами, сложенными в призмы, как в крепостях или войсках артиллерии! Разглядывая их, я обнаружил, что они покрыты зеленоватыми вкраплениями, как некоторые породы гранита...

В этом месте интерес слушателей достиг апогея. Все молчали, затаив дыхание, только перо в руке лорда Фраймкока быстро бегало по бумаге, легко шурша.

— Несколькими ударами топорика я расколол одну сферу. Внутри она оказа-

лась белой, прошитой трубочками из красного стекла, наполненными густой, резко пахнущей жидкостью...

Все каменные шары были одинаковы и походили на тот, из которого вы меня достали.

— Но что же находилось внутри? — не выдержал Ральф.

— Не угадаете! Там сидел скорченный, похожий на мумию эрлоор. Он настолько окостенел, что вначале я принял его за мертвеца. Передо мной было что-то вроде кладбища этих тварей!

Я подумал, что, должно быть, древние марсианские племена бальзамировали эрлооров, как египтяне делали мумии ибисов, кошек и крокодилов.

Я двинулся дальше по коридорам этого города мертвых, теряясь в догадках, для чего служат стеклянные трубочки с неизвестным составом. Возможно, они заполнены неким антисептиком, консервирующим тело. Но, как вы уже убедились на мне самом, я ошибся в который уже раз.

Эта жидкость, насыщенная кислородом, содержит в себе азот, углеводороды и дру-

гие составляющие, и если бы я мог сделать ее подробный анализ, человеческая жизнь длилась бы бесконечно.

Состав через поры кожи проникает внутрь и питает организм всем для него необходимым, а индивидуум погружен в состояние, приближенное к каталептическому. Сердце при этом не бьется совершенно.

Пилюли, которые Фара-Шиб проглотил перед тем, как его живьем закопали в землю, наверняка чем-то напоминали раствор, изготовленный марсианами...

Но сейчас мы не будем говорить об этом. У нас еще представится случай вернуться к теме.

Подкожное питание хорошо тем, что не требует работы желудка.

Эрлоор, которого я извлек из каменного шара, наверняка еще жил, но я не понимал, зачем его понадобилось вот так баллизмировать. В качестве запасов на случай голода или осады? А может, он представлял собой своеобразное свидетельство давно минувших веков?

Для меня это была тайна, покрытая мраком.

Войдя в следующее подземелье, я увидел в нем такие же пирамиды, только шары были зеленого цвета и поменьше размером.

Я расколол один для пробы. Он тоже оказался испещрен красными трубочками, но был пуст. Тогда я расколол еще несколько, но везде видел только трубочки и ничего больше! В тот же миг холодящий душу жуткий смех зарокотал над самой моей головой. Я быстро оглянулся, но не увидел никого. Я был один в мрачном подвале.

ОПАЛОВЫЙ ШЛЕМ

Роберт Дарвел умолк, словно борясь с собой. Он о чем-то задумался. Вероятно, среди его приключений случались и такие, о которых он предпочел бы забыть.

— Быть может, ты устал и хочешь отдохнуть? — спросила Альберта.

— Ну уж нет! — решительно запротестовал Ральф. — Неужели ты прервешь рассказ в самом интересном месте и оставишь нас мучиться от любопытства?

— Не беспокойтесь, я вовсе не устал и

не собираюсь испытывать ваше терпение,— улыбнулся Роберт,— но то, что я намерен рассказать, до такой степени ставит с ног на голову все наши представления, что я невольно начинаю колебаться...

Все писатели, которые пытались изобразить обитателей других планет, отталкивались от земных представлений о жизни, в которые привносили долю своей фантазии, а порой и иронии. Однако то, что видел я, превосходит самые смелые домыслы и самый буйный полет фантазии. Это было настолько грандиозно, что граничит с уродством и похоже на сцены из «Апокалипсиса», изображенные Эдгаром По...

— Рассказывай, мы слушаем тебя... — почти умоляюще произнесла Альберта.

Роберт немного помолчал, собираясь с мыслями, а потом, прикрыв глаза, будто затем, чтобы лучше видеть внутренним взором нечеловеческую цивилизацию багровой планеты, начал:

— Я уже говорил, как невыразимо жутко становилось мне от этого дьявольского смеха, который раздавался словно с того света, хотя лично я не верю в сверхъестест-

венное. Так мы обычно называем разные явления, коих по невежеству не можем понять и объяснить. Все, что наш рассудок и чувства способны воспринять, должно получить свое объяснение, иначе нам незачем было появляться на свет.

Однако понемногу я преодолел страх, которым меня переполнял этот сатанинский хохот, и пошел дальше. В запасе оставалось еще три свечи, поэтому темнота мне пока не угрожала. В самом конце галереи были сложены шары меньшего размера, зеленые. Но путь мне преградили колонны. Они стояли так близко одна к другой, что, несмотря на свою худобу, я не мог протиснуться между ними. Столбы были сделаны из металла и покрыты патиной. Я соскоблил ее острием топорика и увидел великолепный ярко-красный цвет.

Я несколько раз машинально взмахнул топором. За многие века коррозия так сильно изъела колонны, что они начали гнуться под моими ударами и наконец две из них сломались. Путь был свободен.

Я пригляделся повнимательней и увидел, что внутри столбы полые. От них осталась

одна ржавая оболочка. Несокрушимыми они казались только на первый взгляд, а стоило стукнуть посильнее, и колонны разваливались на куски.

За колоннадой открылось большое подземелье, дышавшее отвратительным смрадом.

Я поднял свечу над головой и увидел большие металлические обручи, вбитые в стену и служившие своеобразными перилами. Не долго думая, я оторвал от своих шелковых одежд длинную полосу ткани, привязал ею свечу надо лбом и, проверив, крепко ли держатся в камне металлические кольца, начал спускаться вниз.

От ужасной духоты меня мутило, но я решил идти вперед, не сворачивая.

Я спускался уже минут двадцать, а кругом по-прежнему царили мрак и зловоние. Постепенно я начал уставать и уже спрашивал себя, хватит ли у меня сил подняться обратно наверх и не погаснет ли свеча раньше времени?

Через полчаса таких физических упражнений я совсем выбился из сил, упал духом и, проклиная все на свете, уже собирался

идти обратно, когда нога моя зависла в пустоте, а металлические кольца кончились. Внизу поблескивала жидкая грязь. Возможно, здесь некогда было русло подземной реки или канала, теперь высохшее. В иле торчали исполинские скелеты.

Я сразу же распознал в них близких со-родичей плезиозавров, своеобразную помесь жабы и змеи. Хребет ящера был длиной около двадцати метров и выгибался дугой над мощными бедрами. Передние коротенькие лапы больше походили на плавники.

Охваченный лихорадочной жаждой поиска, я перебрался через бывший канал, предчувствуя, что вот-вот обнаружу какое-то бесценное сокровище.

Об этом можно было судить по многочисленным препятствиям: решетка, подземелье, наконец, этот глубокий канал, где безрассудных, позволивших себе лезть куда не следует, пожирали страшные голодные пресмыкающиеся.

Но прошли века, ржавчина источила решетку, канал высох, а ящеры погибли от голода или от старости, и вот теперь мне,

пришельцу из далекого мира, возможно, суждено завладеть тем, что они стерегли не одну сотню лет!

Я стоял на площадке, вымощенной гранитом, а передо мной высился портик, покрытый пятнами древней плесени.

На другой стороне в коленопреклоненных позах застыли четыре черных неподвижных фигуры, склонившись над большой широкой чашей, в которой что-то блестело. Поначалу я решил, что это крупный драгоценный камень невероятных размеров.

Выбитые в граните барельефы были выполнены в манере раннего примитива и изображали эрлоора, подводного человека и обитателя болот, а четвертым было некое странное существо — наполовину моллюск, наполовину летучая мышь, каких я много видел вышитыми на тканях.

Мне стало ясно, что камень для всех этих созданий служил священной реликвией. Дрожа от нетерпения, я уже хотел приблизиться к нему, но вдруг с потолка сорвалась огромная глыба и рухнула вниз с оглушительным грохотом, едва не задев

меня на лету. Не услышь я легкого треска, предупреждавшего об опасности, от меня осталось бы мокрое место. Но я инстинктивно успел отпрыгнуть назад, и это меня спасло. Эта страшная ловушка поджидала смельчаков, дерзнувших посягнуть на святую.

Фетиш стерегли неусыпно!

Я с отвращением обошел вокруг каменную глыбу, которая меня едва не раздавила, и, наконец, схватил сокровище, прежде никому не доступное. Это оказался не то шлем, не то маска из камня, напоминавшего опал. Предмет весь переливался радужными бликами.

Свеча моя сгорела уже на три четверти, и потому я заторопился наверх, однако поднимался с невероятным трудом. Как ни тяжел был спуск, но обратная дорога оказалась сущей мукой. Путешествие под землей заняло у меня целых полдня. Когда я вновь очутился в подводной галерее, уже наступила ночь.

Отдохнув и подкрепившись, я занялся изучением своей находки, ради которой мне пришлось столько рисковать.

Я надел шлем на голову, и когда взглянул в прорези для глаз, куда были вставлены прозрачные камни, начались чудеса.

Мрак, царивший в галерее, сменился сиянием. Я вдруг начал видеть неизвестные мне темно-зеленые и темно-фиолетовые лучи.

Стало быть, не зря прежние хозяева шлема берегли его как зеницу ока! Он делал сетчатку глаза чувствительной не только к ультрафиолетовому излучению солнечного спектра, но и к другим лучам, недоступным обычному зрению!

Возможно, с его помощью можно было наблюдать смертельное излучение радия, лучи X и вибрации высокой частоты, которые человек воспринимать не способен!

Едва я немного опомнился от изумления, как вдруг увидел рядом с собой некий странный силуэт. Существо на лету слегка задело меня крылом и умчалось к стеклянной башне.

Охваченный странным волнением, я последовал за ним, предчувствуя, что скоро проникну в окружающую меня тайну.

По пути рядом со мной проносились дру-

гие тени, но так быстро, что я едва успевал их заметить.

Взбежав по винтовой лестнице, я очутился в одной из ниш.

Мне не хватает слов, чтобы рассказать вам об ужасном зрелище, которое я там увидел! Ни один из языков Земли не способен передать охватившие меня страх и изумление.

В каждой из ниш этого стеклянного Колизея, озаренного лучами Фобоса и Деймоса, сидело чудовище, светившееся тусклым фосфорическим светом...

Между двух грязно-белых крыльев торчала отвратительная огромная голова. Вместо туловища вниз свисал пучок длинных щупалец с присосками, извивающихся по земле, как клубок змей. Глаза без век смотрели немигающим взглядом, картину дополняли широкий нос и тонкие, едва заметные кроваво-красные губы...

При этих словах Роберта слушатели встревоженно переглянулись между собой. Лорд Фраймкок перестал стенографировать, лицо Заруха посерело от ужаса, и даже Керифа, дрожа от страха, прижалась

к ногам Альберты. Захваченный воспоминаниями о своих необычайных приключениях, Роберт не заметил, как испугали друзей его слова, и продолжал:

— Вся стая вперилась в меня своими мертвыми очами, а немного погодя из глубин подземелья раздался взрыв демонического хохота и, казалось, взмыл к самому небу...

Тело мое сковал ледяной ужас, какая-то неведомая сила не давала сдвинуться с места, а издевательский смех все звучал надо мной раскатами грома.

Наконец, я ринулся прочь, словно затравленный зверь... Перескакивая через две ступеньки, я мчался без оглядки.

Остановился только в галерее с мумиями, но и тут не чувствовал себя как следует защищенным от Невидимок, по сравнению с которыми эрлооры казались безобидными перепончатокрылыми.

Наверно, будь у меня больше сил, я спрятался бы от этого смеха в то самое подземелье, откуда принес опаловый шлем.

Только теперь я понял, зачем так тщательно скрывали талисман, позволявший

узреть невидимое! И как мудро поступили те, кто столькими способами старался преградить доступ к нему с помощью ловушек и препятствий!

Значит, я уже не первый день жил рядом с этими страшными существами. А они устроили себе развлечение, следя и подглядывая за мной на каждом шагу. Они сторожили меня как пленника, который не может убежать далеко и которого можно прикончить в любую минуту.

Теперь все загадочные случайности прошедших дней очень легко объяснились. Это Невидимки, притаившись в летучей траве, убили моих бедных марсиан, а меня взяли в плен. Я вдруг вспомнил прикосновение их щупальцев и невольно вздрогнул, сообразив, какой опасности подвергался, заняв в нише место одной из тварей!

Чаши с кровью красноречиво говорили о том, чем питаются чудовища...

Я вдруг возмутился, поняв, что на планете, кроме безобидных дикарей и тупых эрлооров, живут такие злобные создания.

И напрасно я пытался найти этому какое-то научное объяснение. Сама мысль, что

я нахожусь во власти этих омерзительных существ, была для меня невыносима.

Так прошло часа два, а я по-прежнему сидел в своем убежище, обливаясь холодным потом и не смея пошевелиться, как волк в логове, которого обложили охотники.

Я был уверен, что вот-вот услышу мягкий шелест крыльев Невидимок, которые со своим диким хохотом прилетят и вытащат меня из тайника.

Этот смех, от которого я почти терял сознание, все еще звучал у меня в ушах, однако я постарался взять себя в руки.

Время между тем шло, и ничто не нарушало тишины подземной галереи. Размышляя над своим положением, я понял, что теперь, став хозяином опалового шлема, смогу легко избегать любой западни Невидимок, и обрадовался. Хотя шлем весил изрядно, но я не снял его и всю ночь не смыкал глаз...

Тут Роберт устало провел рукой по лбу. По нему было видно, что и сейчас его угнетает прошлое. Он как бы переживал все случившееся заново. Ральф сильно раз-

волновался. Ему хотелось рассказать Роберту, что Невидимки вторглись на Землю, кричать, что они кружат около виллы, грозя ее обитателям новой неминуемой бедой. Но Альберта повелительным жестом незаметно приказала ему молчать, а Джордж и Фраймкок взглядами поддерживали ее. Пусть Роберт кончит свое повествование. С плохими новостями всегда успеется, к тому же Роберт наверняка должен знать какой-то способ защиты против этих чудовищ. Ральф недовольно покачал головой, но промолчал. Роберт же, приписав тревогу друзей впечатлению от своего рассказа, продолжал:

— Возможно, вы удивитесь, если я скажу, что с того дня недели две прошло без всяких скверных приключений. Более того, я сжился с моими сторожами и, если можно так выразиться, поддерживал с ними добрые отношения. Я убедился, что они вовсе не питали ко мне зла. Совсем наоборот, эти существа возлагали на меня большие надежды, а их резкие крики означали всего лишь безмерное удивление, когда они увидели опаловый шлем на моей голове.

Когда я добыл талисман, мой авторитет в их глазах резко вырос.

Днем я видел их изредка. В отличие от эрлооров Невидимки улетали на рассвете и возвращались только вечером, каждый в свое персональное обиталище.

Каким образом они наполняли чаши свежей кровью, сам я догадаться не мог, а существа держали это от меня в секрете. То, что они были невидимы, делало их охоту всегда удачной, однако я догадывался, увы, не без оснований, что главной их добычей были эрлооры и марсиане с болотистой части планеты.

Речи у Невидимок не было и объяснялись они пронзительными возгласами, чаще всего означавшими гнев или удивление. Когда им хотелось пообщаться между собой, они пристально смотрели друг другу в глаза и обменивались **мыслями**.

Вскоре я узнал и понял не только это, но и многое другое.

Поначалу они робко кружили возле меня, и один из Невидимок в знак своих добрых намерений привел меня в подземный зал, которого я раньше не видел. Там

было множество всяких съестных припасов, которыми существо хотело меня порадовать.

Невидимка оказался так любезен, что даже открыл крышку одного из ящиков своими длинными щупальцами с присосками. Я до сих пор помню, какие они были влажные и холодные... От их прикосновения к горлу подкатывала тошнота.

Щупальцев было по пять с каждой стороны. Они поражали своей силой и гибкостью. Невидимки пользовались ими необычайно ловко — поднимали с земли самые разные предметы, завязывали узлы, пользовались различными орудиями, и оружием в том числе.

Иногда они ходили на щупальцах, как на ногах, широко раскинув крылья, и тогда походили на огромных бабочек, иногда висели на потолке, зацепившись присосками, которых на каждом щупальце было по три.

(Услышав про присоски, Фраймкок невольно взглянул на свою руку и скорчил выразительную мину, однако никто, кроме Ральфа, этого не заметил).

— Случалось, что Невидимки поднимали щупальцами огромные тяжести. Их крылья не были обтянуты перепонками и столь четко очерчены, как у эрлооров, а состояли из прозрачного рогового вещества, как у стрекозы, к примеру.

Однако мне понадобились немалые усилия, чтобы привыкнуть к жутким полупрозрачным студенистым головам, ко всему виду Невидимок, в которых словно совместились человек и осьминог.

В поисках способа найти с ними общий язык я однажды нарисовал углем на доске плод водяного каштана, потом показал рисунок Невидимке, который привел меня в кладовую с провизией, и жестами объяснил, что прошу мне это принести. Невидимка меня понял.

Потом я часто пользовался этим способом, чтобы раздобыть нужные мне вещи, а однажды привел Невидимку в архив и попросил его объяснить значение непонятных для меня рисунков на ткани.

Он приказал мне сесть напротив и смотреть прямо ему в глаза. Тогда я впервые почувствовал, что он воспринимает мои

понятия и чувства, а возможно, читает и мысли.

Но такой способ общения всегда причинял мне сильные страдания, тем более, что чудовище часто навязывало мне свою волю, которой я не мог сопротивляться и вынужден был исполнять его приказы. Он таким образом вызывал меня, когда было нужно, или уводил в какую-нибудь отдаленную галерею, когда хотел показать что-нибудь интересное.

Однако надо признать, что Невидимка никогда не помышлял навредить мне и делал все, что мог, чтобы лучше меня понять. Но несмотря на взаимные усилия, между нами постоянно зияла какая-то пропасть, которую никак не удавалось преодолеть.

О Невидимках я, к сожалению, узнал немного. Мой знакомый мастерски рисовал углем, его щупальца оказались сильнее и ловчее человеческих рук. И из этих рисунков я понял, что о моих приключениях на Марсе они знают всё.

Невидимка нарисовал мне первое поражение эрлооров, отступивших перед огнем, гибель роомбоо, изобразил портреты моих

марсиан. Получилось очень даже похоже.

Он объяснил мне, что Невидимки, когда захотят, могут быть искусны в любом ремесле. Это их предки возвели стеклянные башни, соединенные подводными галереями, и собрали в них огромные запасы пищи. Их потомки уже не совершали столь грандиозных дел, и единственным занятием их стало прокормить себя.

Я хотел узнать, сколько они живут, но когда, наконец, с превеликим трудом объяснил, чего хочу, физиономия моего собеседника исказилась от невыразимой муки, а по крыльям пробежала дрожь.

— Я скоро должен умереть! — с грустью телепатировал мне вампир, а чтобы я лучше все уяснил, он восемь раз поднял и опустил щупальца. Столько ему оставалось жить на этом свете.

Но я не понял, что это означало: недели, годы или месяцы. Дней через десять я узнал правду.

Невидимки жили под властью какого-то ужасного существа, которое даже называть не смели и которое знало все их мысли и поступки.

По примеру древнего Минотавра этот Молох, изображенный в виде лучащегося полукруга, каждый месяц собирал кровавую дань с Невидимок и пожирал их. Никому из них, кроме тех, кто был предназначен в жертву, не позволялось вторгаться в пустынную местность, лежащую у вечно бурливого моря. Здесь, в самой бесплодной части планеты и обитало это создание.

Однажды Невидимки попытались взбунтоваться против жестокой тирании и улетели в холодные края у самых полюсов Марса. Но кровавая месть ужасного божества немедля настигла их. Строптивцев догнали и уничтожили.

Молнии разбили много стеклянных башен, а неодолимая сила нашла несчастных беглецов в пещерах и непроходимых лесных чащобах, а потом заставила их вернуться.

Столь беспощадно подавленный бунт больше не повторился и с тех пор покорные жертвы, не в силах противиться властному зову, летели в невозвратный

путь, чтобы погибнуть в проклятых землях юга.

Мой доброжелатель, вероятно, давал мне понять, что жить ему осталось всего восемь месяцев.

Мне подумалось, что Невидимки, возможно, поклоняются вулкану или еще какому-нибудь феномену природы, от которого их когда-то очень много погибло.

Однако во всем этом наверняка была какая-то доля истины, поскольку в назначенный день я сам видел, что стая обреченных улетела на юг.

Я никогда не забуду того, что наблюдал!

С тех пор, как я понял чудесные свойства опалового шлема, я снимал его лишь ненадолго, когда ложился спать.

Как-то раз я отдыхал после долгого путешествия по галереям и вдруг услышал резкие отчаянные крики. Невидимки почему-то сильно взволновались.

Я торопливо надел шлем и вышел на площадку. Теперь я не боялся заглядывать и входить в ниши.

Взглянув вниз, я увидел, что там собра-

лось множество Невидимок. Они беспорядочно и тревожно кружились в воздухе, как пчелы, потерявшие свою матку, и жалобно стонали. Я никогда бы не подумал, что столь безобразные с виду создания могут так страдать.

А когда они, наконец, разбрелись по своим кельям, я заметил, что те, которые жили на самой вершине башни, жадно прильнули к чашам, до краев наполненным кровью...

В этот миг Фобос и Деймос засияли на безоблачном ночном небосклоне. Тоскливые стенания стали невыносимыми.

Потом Невидимки с вершины башни взмыли в небо и выстроились клином, как дикие гуси перед отлетом в теплые страны. Затем они стремительно помчались вперед, а сородичи провожали их горестными возгласами...

Я был потрясен до глубины души этим прощанием.

Тогда я впервые почувствовал, что под жуткими масками таятся высокий интеллект и страдающая душа. Неожиданное открытие глубоко взволновало меня, я

скорбел вместе с этими созданиями и жалел, что не могу защитить их от гибели. А стая была уже далеко и казалась густым облаком на южной стороне горизонта, которое делалось все меньше и, наконец, растаяло во тьме.

Из башни больше не доносилось ни звука, потом я услышал мягкий шелест крыльев. Рой Невидимок поднялся на самый верхний этаж и молча занял опустевшие ниши. Это были очередные жертвы, ждавшие своего часа...

ОСТРОВ СМЕРТИ

Ральф поворчал, сетуя на невыносимую жару, но на это никто не обратил внимания, а Роберт, наконец, заговорил снова.

— С этого дня желание увидеть тирана, который имел такую необыкновенную власть над Невидимками, не давало мне покоя. И потому я решил, прежде чем настанет срок очередных жертв, разыскать логово того, кому они поклоняются, и увидеть, как он расправляется с беднягами.

Я был уверен, что в рассказах о боже-

стве немало выдумки, ибо твари, описанной Невидимками, просто не могло существовать в природе.

Я поделился своими планами с приятелем, и тот поразился моей дерзости, но пообещал, что раздобудет все необходимое для задуманного предприятия и даст приметы, по которым можно найти «Остров Смерти». Об этом месте Невидимка говорил, дрожа от страха.

Он разыскал мне в закутках подземного арсенала легкую и прочную лодку из панциря морской черепахи. Роговые пластины были скреплены так плотно, что лодка казалась сделанной из сплошного куска.

Узкое изящное судно было рассчитано на двоих. Оставалось там место для припасов и необходимых вещей.

Я приладил к лодке кедровый руль, смастерил из досок весла, и вскоре невидимые существа помогли мне спустить мой корабль на воду, оставив его на якоре у подножия башни. Я взял вдосталь еды, но решил обойтись без парусов, поскольку заметил два морских течения, отличавшиеся по цвету вод. Одно было направлено с юга,

другое — на юг, и я решил воспользоваться естественными силами природы.

За три дня до отлета стаи, сильно волнуясь, я спустился в лодку по прочному канату.

Несколько взмахов веслами, и течение стремительно понесло меня к югу.

С собой у меня была карта, нарисованная углем на кедровой дощечке, а, кроме того, мне так подробно объяснили дорогу, что заблудиться я просто не мог.

Погода стояла великолепная. Морские воды напоминали скорее спокойную озерную гладь и посреди нее в великом множестве искрились алмазным блеском стеклянные башни. Благодаря опаловому шлему, на вершине каждой из них я видел стаи Невидимок, наблюдавших за мной со страхом и любопытством.

К концу дня я высадился на песчаном острове, где было множество птиц и моллюсков, и, переночевав там, на рассвете поплыл дальше.

Теперь море выглядело совсем по-другому. Башни исчезли, а из глубины темных вод, в которых отражались мрачные гро-

зовые тучи, вздымались угрюмые красноватые скалы.

Духота была невыносимая. Вокруг моего суденышка резвились огромные рыбы, похожие на акул. Каждая из них могла своими чудовищными зубами запросто раскусить лодку и меня вместе с ней, но, похоже, я казался хищникам слишком ничтожной добычей.

Около полудня на горизонте замаячила сероватая скала, и течение несло меня так стремительно, что к вечеру я достиг цели. Вершина горы почти касалась облаков.

Я догадался, что это и есть логово жестокого владыки Невидимок, и понял, что рассказы их были правдивы.

Мне казалось, что скала притягивает мою лодку, как магнитные горы в восточных сказках.

Мною вдруг овладело странное чувство. Я спрашивал себя, зачем мне понадобилось покидать безопасное убежище в башне, где я мог беззаботно изучать историю планеты. Какого черта меня понесло на верную смерть?!

Мне пришлось собрать всю силу воли,

чтобы не поддаться искушению и не вернуться обратно к Невидимкам, о которых я теперь думал почти с нежностью. Но я сдержался и преодолел слабость духа.

В тот вечер я высадился на скалистом берегу, о который сердито бились морские волны, и меня охватила беспричинная тревога. А сразу после захода солнца разразилась буря. Ослепительные молнии разрывали небо, разбушевавшиеся волны то и дело осыпали меня брызгами, а ливень мочил до костей под мощные раскаты грома. Я знал, что во многих горных регионах вроде Антильских островов грозы случаются каждый день, с вечера освежая воздух озоном и увлажняя иссушенную дневным зноем землю. Вспомнив об этом, я успокоился. Ведь и сами Невидимки предупреждали меня, что на юге каждый день бывают ливни и гремит гром.

Утром я нашел свою лодку там, где оставил ее с вечера, выплыл из безопасной бухты и снова вышел в открытое море.

Дождь, наконец, перестал, но зной был невыносимым. Тучи по-прежнему закрывали небо. Теперь я убедился, что исполинская

гора, вздымавшаяся из морских глубин, и впрямь имеет форму правильной полусферы, совсем как на вышивках из подземного зала. По высоте она, пожалуй, равнялась Монблану, но у подножия была шире на-верно раза в три.

Еще я заметил, что с обеих сторон от нее местность постепенно понижалась, а покрывавший ее лес простирался до самого горизонта. Но издалека деревья отливали блеском светлого металла.

Однако сейчас я над этим не задумывался. Больше всего теперь меня занимала проклятая гора; казалось, что она совсем рядом, а на самом деле путь мне предстоял еще неблизкий.

Из моря поднимались песчаные наносы и скалы, так что я с трудом лавировал между ними. Бесчисленное множество мертвых рыб и птиц покачивалось на воде, будто само соседство ужасной горы было губительно для всякого живого существа.

В воздухе стоял сильный смрад гниения и затхлости.

Ни один земной пейзаж не похож на то

мрачное и впечатляющее зрелище, которое предстало моим глазам.

Около полудня я заметил маленький, поросший зеленью островок, где намеревался отдохнуть и отсюда же понаблюдать, что будет с Невидимками, когда они прилетят, но вскоре увидел, что пестрые деревья были растущими на нем олеандрами, а запах горького миндаля, который источали их прекрасные цветы, говорил о присутствии синильной кислоты. Останки насекомых, мелких зверьков и рыб красноречиво говорили о том, что меня здесь ожидает.

Я поспешил побыстрее убраться прочь и с грустью подумал, что стал забавой сверхъестественной разрушительной силы. Невидимки не солгали — смерть таилась здесь на каждом шагу.

Я бы немедленно поплыл в обратный путь, но до захода солнца оставалось всего часа два, а в моем нынешнем состоянии мне вряд ли удалось бы найти второе течение. Я был слишком выбит из колеи. Приближается ночь, а с ней и новая гроза, значит в море оставаться тоже нельзя. Да и как уйти, так ничего и не узнав?

Поэтому с трепетом душевным я принялся осторожно кружить возле загадочной горы, ища место, где лучше высадиться на берег.

Приглядевшись, я обнаружил, что это гигантская монолитная глыба белого кварца, ее гладкие, почти вертикальные склоны казались недоступными. Проплывая мимо, я видел на песке кучи крыльев и щупальцев Невидимок, издававшие зловоние. Вдруг я сообразил, что вижу их останки без помощи шлема. Значит, эти существа незримы только при жизни и, погибая, теряют это свое свойство.

Так я плавал вокруг горы, пока, наконец, с одной стороны не заметил темнеющий вход в пещеру.

Я направил свое суденышко туда и вскоре уже стоял у подножия кварцевой громады. Однако большой охоты углубляться в ее недра у меня не было, особенно когда я увидел, что остатки трупов Невидимок образовали здесь целое гнилое болото.

Я выбрал себе такое место, откуда хорошо просматривался вход в пещеру, лодку на ночь спрятал в расщелину между ска-

лами, расположился на каменистом острове и собирался подкрепиться. Но несмотря на то, что с утра у меня ни крошки во рту не было, есть я не мог. Подавленность и ужасный запах отбивали всякий аппетит.

Я хлебнул немного укрепляющего напитка, найденного в подвалах башен.

По мере наступления сумерек тревога моя усиливалась. На сей раз гроза началась еще до заката.

Все, что я увидел, было жутковато: чем чаще сверкали молнии, чем сильнее становились грозовые разряды, тем ярче пылало голубоватое сияние вокруг причудливых деревьев, а на вершинах их начали появляться огоньки, похожие на огни святого Эльма, о которых рассказывают моряки.

Казалось, лес пьет грозу, вбирает ее в себя.

Я смотрел во все глаза, ничего не понимая. Ни на Земле, ни на Марсе я не видел, чтоб дерево было таким проводником электричества.

Из глубокой задумчивости меня вывели

непривычные звуки. Уже совсем стемнело, дул сильный ветер, а к небу вздымался жалобный стон. Казалось, он исходил со дна морского. Плач этот доносился с севера и с каждой минутой делался все громче.

Как и месяц назад, обреченные покинули свои башни и теперь целая их стая с воплями и стенаниями, несомая вихрем, летела к месту своей казни...

На фоне неба, ежесекундно озаряемого молниями, они казались серым облаком, а их пронзительные крики терзали мне душу. Я не мог отделаться от мысли, что Невидимки летят и молят меня о помощи...

Это было ужасно. Я упал на песок, тяжело дыша, но не мог отвести глаз от этого адского зрелища.

Несчастные создания пролетели всего в нескольких метрах над моей головой, и я увидел, как передние Невидимки исчезли в пещере, словно в хищной пасти, окруженной тусклым сиянием...

Они толпились там, подгоняемые какой-то всевластной силой, будто овцы у дверей бойни, и все это сборище, крича и воя

ужасными голосами, медленно исчезало в зеве мрачной горы...

Резкие возгласы перемежались хрустом ломаемых костей и чавканьем, время от времени слышался какой-то омерзительный треск, а затем этот чудовищный рот изрыгал кровавую пену вместе с остатками раздробленных крыльев и изжеванных щупальцев, нагромождая их возле входа полукруглым валом.

А черные тучи то и дело метали ослепительные молнии, вырывая на мгновение из темноты бушующее море и мрачные вершины скал.

Это было выше моих сил... Голова у меня закружилась, и я потерял сознание.

Когда я очнулся, никого из Невидимок не осталось в живых. Их всех поглотило ненасытное чудовище.

Гроза еще продолжалась, а с горой произошла странная перемена. Вся она теперь лучилась мягким матовым светом. Передо мной высилась сплошная мерцающая стена... Смотреть на нее было настолько жутко, что я не берусь это выразить словами.

Наверно, ужасная гора отдыхала, переваривая съеденное...

Потрясение и усталость мои были столь сильны, что в голове не осталось ни единой мысли. Даже любопытство улетучилось бесследно. Я хотел только одного — бежать, бежать отсюда без оглядки, любой ценой! Не обращая внимания на шторм, я отвязал лодку и принялся бешено работать веслами, но едва успел отойти от берега, как огромная волна подхватила хрупкое суденышко и принялась швырять его, как соломинку. Я ухватился за борт лодки, ставшей игрушкой стихии.

Она стрелой мчалась вперед и не тонула лишь потому, что была необычайно легкой. Меня дважды выбрасывало на берег и смывало обратно в воду. Наконец, руки у меня занемели, и я упал в кипящие волны...

Как мне удалось уцелеть — сам не знаю. Я очнулся от ощущения тепла и покоя, открыл глаза и понял, что лежу на камнях, а когда попробовал пошевелиться, боль в избитом и израненном теле сразу дала о себе знать. Я весь был покрыт ссадинами и синяками, а желудок мой бурно протесто-

вал против морской воды, которой я нагло-тался.

Я уже подумал, что вот-вот прощусь с жизнью, однако у меня еще хватило сил отползти подальше от края берега, чтобы снова не очутиться в воде. Неподдалеку валялась пробитая лодка и несколько уцелевших орудий из моего скарба. Я попытался ползти дальше, но обессилел до такой степени, что за полчаса продвинулся шагов на десять. При каждом движении я не мог сдержать стоны, язык распух от жажды, в горле жгло.

Ах, как я обрадовался, увидев на камнях маленький бамбуковый бочонок с чудесным ликером, взятым с собой в дорогу!

С большим трудом я откупорил его, вытащив деревянную пробку, и жадно сделал несколько глотков. И сразу же почувствовал себя намного легче. Немного погодя я встал, потом, хоть и с усилием, но оттащил от воды лодку, решив со временем починить ее.

Совсем недалеко поблескивал металлический лес, который так искрил и светился прошлой ночью. За деревьями виднелась

вершина вулкана, над ней поднимался к небу столб дыма, а справа горизонт заслоняла окающая гора.

Леденящие кровь видения минувшей ночи всплыли в моей памяти...

Честно говоря, я предпочел бы очутиться в лапах у льва, чем пребывать в столь жутком соседстве. Ведь жизнь моя зависела от незримого чудовища, которое в любой момент могло поглотить меня, как кит мелкую рыбешку. Я и без того не понимал, почему оно меня пока не тронуло. Должно быть, после такой обильной трапезы им овладела вселенская лень.

Спасаться бегством?.. Да, наверно надо было, но я пока не спешил, да и куда побежишь, когда ноги изранены, а плыть не на чем?

Такие невеселые размышления навели меня на мысль: а не попробовать ли промыть раны волшебным напитком из подземелья. Результаты не замедлили сказаться. Жгучая боль не только утихла, я смог свободно ходить, хоть еще и прихрамывал.

Вскоре я поймал большую черепаху, убил ее камнем, но печь мясо было не на чем и

пришлось отведать его сырым, нарезая на кусочки острым кремнем, но оно мне не понравилось.

Среди прочих вещей у меня уцелел топор, крепко привязанный к борту лодки. Я схватил его с собой и направился в глубь острова, по направлению к лесу, блестящему, точно полированная сталь. По дороге мне попадалось много обломков черепаших панцирей, так нужных мне для починки лодки. Я знал, что для изготовления гребней роговые пластины размягчают в кипятке. Вот если бы еще найти горячий источник!

Я решил поискать его поблизости от вулкана. Вы можете представить мою радость, когда я увидел на берегу свой опаловый шлем, полузасыпанный песком. Я спрятал его в безопасном месте под скалой и зашагал дальше. Между вулканом и берегом было открытое пространство, но удивление мое не имело границ, когда я понял, что передо мной вовсе не лес, а металлические мачты! На них оказались поперечные перекладыны, от которых отходили другие ответвления, тонкие, как иголки.

Каждая мачта крепилась к большой и толстой стеклянной плите, а с виду напоминала елку с тонкой и острой макушкой. Это была настоящая чаша громоотводов!..

Теперь я понял, почему они так светились во время грозы. Но куда уходил тот исполнительский электрический заряд, который накапливался каждый вечер во время разгула стихии? Я терялся в догадках.

Блуждая между металлических столбов, я набрел на просторную площадку, вымощенную прозрачными стеклянными плитами. Под ногами слышалось журчание воды. Я опустился на колени и увидел в глубине множество кабелей; похоже, это было дно подземного озера или канала. Все кабели тянулись в сторону кварцевой горы.

Наконец, меня осенило: громоотводы в виде деревьев собирали энергию, и она по проводам поступала к чудовищу. А то использовало эту страшную силу для неизвестных целей. Безжалостное могущественное существо было чем-то вроде древнего Левиафана.

Я брел наугад, поглощенный сделанным открытием, и не заметил, как стеклянная

полянка кончилась. Теперь вокруг остались только металлические ели и ветер тихонько позванивал стальными иглами.

— На кой дьявол может понадобиться такое мощное напряжение? — громко произнес я вслух.

Потом зашагал дальше, продолжая рассуждать сам с собой, как бывает с людьми, увлеченными какой-то идеей, и вдруг путь мне преградил небольшой ручеек.

Я вышел из электрического леса. На горизонте четко вырисовывался контур вулкана. Земля вокруг была покрыта пемзой, шлаком и пеплом. Я уже собирался перескочить через ручей, когда вдруг заметил, что над ним клубится густой пар. Вода оказалась настолько горячей, что жгла руку. Значит, мои предположения были верны. Я нашел горячий источник, и притом без всякого труда.

Вот теперь можно будет починить лодку!

Открытие это настолько меня обрадовало, что я собирался пойти за ней немедленно, однако мне вдруг пришло в голову отправиться по берегу ручья, который тя-

нулся до самой кварцевой горы и частично огибал ее.

Я увидел, что в него впадает небольшой ключ. Судя по грязно-желтой воде и резкому запаху, это был кислый источник, какие возле вулканов встречаются столь же часто, как и горячие.

Ведь находил же Гумбольдт у подножия Анд сернокислые источники!

Но в этой воде должно было содержаться что-то еще, потому что она изъела и выщербилла берега ручья, состоящие из стекловидной лавы. Если уж даже она растворялась, значит в источнике был какой-то чрезвычайно едкий элемент.

Вероятно, это была плавиковая кислота, которая проедает даже стеклянные флаконы, где ее хранят.

Смешиваясь с водой горячего ручья, ключ сообщал ему свои свойства, потому что даже в кварцевой горе образовалось углубление высотой около метра.

За этой впадиной виднелось болото с сильным запахом серы. Точно такое же я встречал у подножия Этны.

Я принялся внимательно изучать камень,

принятый мною вначале за кварц. Там, где он реагировал с кислотой, поверхность его переливалась розовыми и зелеными бликами, как мой шлем, как великолепнейший опал.

Это было еще по меньшей мере одной загадкой, но пока что я не собирался ломать над ней голову. Меня больше привлекал небольшой грот, тем более, что проникнуть туда по выступавшим из воды камням не составляло труда.

В тот миг я позабыл обо всех опасностях. Пригнувшись, я вступил под темные своды пещеры и прошел несколько шагов. Темнота сменилась серебристым светом, похожим на бледное сияние луны.

Грот составлял около десяти шагов в длину и заканчивался округлым углублением, откуда исходил свет.

Я приблизился и заглянул туда. Вначале все виднелось как сквозь запотевшее стекло: неясные очертания, клубки проводов, чередуемые правильными нишами. Но свет постепенно становился все ярче... и вдруг я четко разглядел...

Передо мной был чудовищно огромный

мозг, черепом которому служила исполинская гора. Я отчетливо видел выпуклости, изборозжденные извилинами, глубокими, словно овраги.

Всю эту массу омывала фосфоресцирующая жидкость. Гигантские извилины пульсировали с ритмичностью хорошо отлаженного механизма. Мне чудилось, что даже сквозь прозрачное стекло я чувствую это мощное движение и живую теплоту.

Поистине, никто из людей не наблюдал столь удивительной картины, и я стал задаваться вопросом: а не сделала ли из меня подопытного кролика некая мощная цивилизация? А может, мне все это мерещится в безумном сне?

Честно говоря, смотреть на все это мне было жутко, хотя я стоял, как замороженный.

Наконец, я стремглав выбежал из пещеры и спрятался за металлическими деревьями. Кровь бешено стучала в висках, мне казалось, что я схожу с ума. Наверно, такие видения были у Данте, когда он описывал круги ада. Думаю, что человек, попавший на дно морское, а потом выброшен-

ный Мальстремом обратно на свет Божий, вряд ли чувствовал бы себя лучше.

Несколько опомнившись, я попробовал собраться с мыслями. Вероятно, громоотводы неизвестным способом передавали электрический ток, а тот, в свою очередь, питал мозговые клетки, а кровь Невидимок восполняла содержание фосфора в циклопическом мозге. Я представил себе ту исполняющую силу, которой он должен был обладать. Никто не смог бы противиться столь могущественной воле, направленной на один объект, сконцентрированной в одной точке.

Больше меня не удивляло слепое послушание Невидимок, прилетавших сюда на смерть из глубины своих стеклянных башен. Бедняги обязаны были это делать!

Здесь Роберт умолк. Им овладело сильное волнение, зрачки возбужденно расширились. Друзья, потрясенные услышанным, сгорали от нетерпения узнать, что происходило дальше.

— По вашим лицам я вижу, что вам хочется о многом расспросить. Вы хотите знать, как я, ученый, в известной мере уз-

навший Марс, объясняю этот феномен взаимоотношений разных существ? Не дерзну строить какие-либо теории на сей счет, но мне представляются вполне правдоподобными вот какие предположения...

Здесь напряженное ожидание слушателей достигло своего апогея, а Роберт продолжал:

— Мне кажется, что Невидимки — неудачное творение или звено в цепи экспериментов — так, пожалуй, будет вернее — этого исполинского мозга.

Вероятно, вы помните, что я вам рассказывал об их незаурядной способности к суггестии и концентрации воли. У Невидимок уже теперь нет ни когтей, ни клыков. А спустя многие сотни лет их дар должен развиваться неизмеримо по сравнению с настоящим.

Вы можете возразить, что это не объясняет чудовищных размеров мозга на Острове Смерти. Так вот, я предполагаю, что он образовывался постепенно из миллиардов поглощаемых им Невидимок, это их мыслительная энергия в итоге создала колоссальное средоточие силы и мозгового

вещества, хотя путь подобной эволюции остается для нас загадкой.

Если мы без предубеждения воспримем данную гипотезу, то увидим, что она не столь уж неправдоподобна, как могло бы показаться. Представим себе человека, который в результате естественного развития и научных знаний освободился от всех органов, которыми одарило его животное происхождение, и тогда от него останется один мозг. Он лишился пищеварительной системы, опорно-двигательного аппарата, питается концентрированной пищей, которой для насыщения нужно совсем немного, а ткани его тела теперь изнашиваются очень медленно, и потому такой человек может жить бесконечно долго.

Теперь предположим, что каждый работник умственного труда сравнительно мало двигается. Чтение, письмо, речь и слушание почти исключают движение, не требуя его. Если социум состоит из большого количества людей с одинаково высоко развитым интеллектом, не исключено, что у них будет сходный тип мышления и почти одинаковое направление мыслей. Иными словами,

они будут мыслить коллективно, сообща.

Всю остальную часть дня, который, возможно, станет памятной вехой в истории науки, я посвятил размышлениям. Я представлял себе, как дремлет этот гигант, не переставая внимательно следить за жизнью на планете, подчиняя ее своей воле...

Возможно, когда-нибудь он вновь преобразует себя, стремясь создать лучшее, более прекрасное будущее...

Разве не о том же размышлял Будда, сидя в цветке лотоса?

Страх мой прошел, и теперь я чувствовал лишь безмерное удивление. Интересно, заметило ли меня это жуткое создание? — спрашивал я себя, и пришел к выводу, что коли моя ничтожная особа уцелела во всех передрягах, то происходило это с ведома огромного мозга.

Отпустив на волю свое воображение, я вдруг представил, как сила мозга внезапно ослабела или вообще иссякла. Потом этот процесс станет необратимым, как у стариков, впадающих в детство. А вдруг именно этому я обязан жизнью?

Размечтавшись, я совсем позабыл, что

мне надо починить лодку. Я и не заметил, как вокруг начало смеркаться, и лишь сверкание молний начинавшейся грозы вернуло меня к действительности. Я вернулся на берег и поел взятых в дорогу мучнистых зерен. Вдруг в первых рядах металлических деревьев засияли султаны электрических разрядов.

Увидев их, я вскочил на ноги, словно подброшенный мощной пружиной, и чуть было не завопил во все горло, подобно Архимеду:

— Эврика!

Тут меня осенило. Я вдруг понял, как можно попытаться наладить коммуникацию с Землей и... кто знает... не удастся ли мне покорить Марс и захватить власть над всей планетой?!. Подчинить себе Великий Мозг...

Увлеченный этими планами, я улегся на песке рядом с негодной лодкой, но спать не мог. Всю ночь мысль моя работала. Я прикидывал, как можно реализовать свою идею, обдумывал детали и старался избежать возможных ошибок.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Лодку я починил очень быстро и в тот же день поплыл обратно на север, держась течения.

Не стану вас утомлять подробностями своего проекта, скажу только, что за ночь, когда меня посетило творческое вдохновение, я разработал его окончательно. План мой заключался в том, чтобы отключить электричество, питавшее Великий Мозг, от милости или немилости которого я зависеть не хотел. Огромный запас энергии, вбираемой каждый вечер металлическими деревьями, должен был послужить для передачи сигналов на Землю. Электротехнику я знаю хорошо, а если мне еще помогут Невидимки, то замысел наверняка увенчается успехом.

На обратном пути никаких особых приключений со мной не произошло, и я благополучно достиг стеклянных башен, обитатели которых уже не чаяли снова меня увидеть.

Они принялись по-своему расспрашивать меня, но я, не сообщая им о своих намере-

ниях, принялся, не откладывая, готовиться ко второй экспедиции. Первым делом я построил лодку прочнее и больше, а все необходимое для нее нашлось без труда в подземных складах. Потом запасся металлическими трубками, проволокой и едой.

Через восемь дней я уже плыл на Остров Смерти и опасался только одного: как бы Великий Мозг не разгадал моих замыслов.

Однако ничто не предвещало опасности, и я беспрепятственно достиг цели своего путешествия. К ночи добрался до громоотводов и спокойно проспал до рассвета, устроившись в расщелине скал, а утром начал работать. Из найденной в подвалах селитры приготовил двадцать килограммов пороха для мины, чтобы подорвать провода, соединявшие металлический лес с горой — обиталищем Великого Мозга.

Не стану скрывать, что сердце у меня бешено колотилось, когда я поджигал фитиль и на пальцах считал минуты, оставшиеся до взрыва.

Наконец, раздался ужасный грохот. Мне

почудилось, что гора вздрогнула, а земля заколыхалась под ногами.

Но это было все. Тишина, которая затем воцарилась, удивляла меня самого, ибо я был уверен, что Великий Мозг, разгневавшись, уничтожит меня на месте.

А когда облако дыма и пыли рассеялось, я приблизился к месту катастрофы. Все получилось как нельзя лучше! Целая сеть проводов была разорвана в двух местах, а через пролом в стеклянных плитах вытекала вода из подземного канала.

Взрыв повредил всего несколько металлических деревьев, обломав на них ветки. Ничего более существенного я не обнаружил, обводя окрестности взором победителя. Неожиданно все вокруг окутал такой густой туман, что стало совсем темно. Я принял это за агонию Великого Мозга, который после столь жестокого удара хотел защитить себя завесой, чтобы оценить тяжесть полученных повреждений.

Я с тревогой дожидался ночи, поскольку пока еще мне могло угрожать все, что угодно. Вот когда мой могучий противник не

будет получать столь нужную ему энергию, игру можно считать выигранной.

Поэтому, увидев первые искры на верхушках громоотводов, я с радостью понял, что спасен.

Сомнительно было, чтобы этот колоссальный организм сразу же перестал существовать только из-за недостатка питавшего его тока. Он наверняка способен сопротивляться смерти еще долгие месяцы, постепенно угасая, но должен сдаться рано или поздно, и тогда я разгадаю его секрет!

Однако то, что мне удалось пока осуществить, было лишь частью плана, хотя, возможно, не менее трудной, чем та, в которой мне понадобится помощь Невидимок, и я должен буду их убедить.

Вначале они не верили тому, что я им говорил, и лишь несколько самых храбрых из них согласились сопровождать меня на проклятый остров.

А когда они убедились, что я их не обманул, потянулись к горе огромными стаями, которые заслоняли небо, а Невидимки все прилетали и прилетали...

Я объяснил им, что если они хотят осво-

бодиться от кровавой дани, которую им до сих пор приходилось платить, они должны беспрекословно повиноваться мне.

И лишь после этого я приступил к осуществлению грандиозного плана. На огромном пустынном пространстве, по размерам почти равном Сахаре, я установил сотню мачт, на каждой из которых крепились мощная дуговая лампа. Все необходимое для этого мне принесли из подземных складов, а на месте я нашел отличный антрацит.

От металлического леса к мачтам тянулся провод. Закончив приготовления, я с радостью увидел, что лампы засветились, и теперь так повторялось каждую ночь.

Невидимки усердно помогали мне в работе, и клянусь, когда стоя поднимала какую-нибудь тяжесть, а потом с невероятной точностью укладывала ее в нужном месте, зрелище было неповторимое! Однако я не мог спокойно думать о сроке очередного жертвоприношения. Хотя с виду Великий Мозг бездействовал, меня это отнюдь не успокаивало.

Однажды я проскользнул в маленькую

пещеру, выведенную плавиковой кислотой, и снова увидел огромные извилины, окруженные фосфорическим светом. Я убедился, что гигантские кровеносные сосуды работают по-прежнему, хоть и гораздо слабее.

Я боялся, что пробуждение Левиафана будет неожиданным и страшным, а потому постарался принять все возможные меры предосторожности, чтобы эта сила, справиться с которой оказалось на удивление легко, не ожила снова.

Когда настал черед отправиться на расправу следующей стае, я велел обреченным укрыться в самых глубоких подземных галереях, а входы тщательно заблокировать.

Во мне жила надежда, что так Невидимкам легче будет противиться сатанинской воле, обрекавшей их на смерть.

На закате солнца раздались их крики и стоны. Несчастные рвались, пытаясь выломать забаррикадированные двери, чтобы улететь к месту казни. Однако это им не удалось, и немного погодя все Невидимки утихли.

Теперь Великий Мозг, лишенный фосфо-

ра, как прежде электрической энергии, должен истощиться, утратив мощь и силу.

Так прошло три месяца. Невидимки слушались меня слепо и относились с величайшим уважением. Они читали все мои желания прежде, чем я успевал их выразить. Выполняли абсолютно любую работу, приносили мне самых редких животных и растения, а на их незримых крыльях я мог переноситься куда только пожелаю.

Эти несколько месяцев я прожил невероятной и восхитительной жизнью чародея, которому служат покорные духи. Я мог бы чувствовать себя совершенно счастливым, но меня терзала тоска о Земле.

Сколько бессонных ночей я провел на террасах стеклянных башен, вглядываясь в родную планету, которая среди мириад мерцающих звезд казалась крохотной светящейся точкой!

Однако я не терял надежды когда-нибудь снова вернуться домой. После всех тех почти невероятных предприятий, которые мне уже удались, я не видел для себя ничего невозможного. Система рефлекторов работала превосходно. Нажимая на три кнопки,

я включал или гасил три группы электрических ламп, которые с Земли воспринимались как точки и тире азбуки Морзе. Вначале делал это сам, а потом научил Невидимок помогать себе. Надо сказать, что они все выполняли безупречно, передавая световыми знаками историю моих приключений, которую я написал черной краской на светлой доске, чтоб им было легко, и сигнализировал беспрестанно, надеясь, что земные астрономы все-таки зафиксируют мое послание.

На четвертый месяц появились частые перерывы в подаче электричества. Грозы в тех местах значительно ослабели, кроме того, металлические иглы аккумуляторов покрылись тонким слоем пыли, который служил изолятором и мешал накапливать ток. Вначале я приписывал это естественному течению событий, но вскоре убедился в своем заблуждении.

Приближалась последняя катастрофа.

Она грянула в конце пятого месяца. Сидя на площадке одной из башен, я наблюдал за вспышками сигналов в вечернем небе. Собирался дождь, и Невидимки спря-

тались поглубже в своих убежищах.

Вдруг тишину разорвал отчаянный, столь хорошо знакомый мне скорбный крик. Он раздался из центра башни и вслед за этим целая стая несчастных созданий с плачем и стонами, в которых мне слышалась угроза и горькие упреки, на бешеной скорости помчалась к окаянному острову.

Это ошарашило меня. Я был настолько оглушен и прибит случившимся, что не мог собраться с мыслями. Я еще не понял, что все потеряно, что Великий Мозг, который я считал умирающим, вновь обрел прежнюю власть и силу...

Затуманенным взором я наблюдал, как из самых дальних башен с душераздирающими воплями вылетали все новые и новые стаи, заслоняя звездное небо непроницаемой воющей пеленой. Сознание собственного бессилия наполняло меня яростью.

Вдруг окрестности содрогнулись от оглушительного взрыва. Море всколыхнулось, гребни волн достигли верхушек стеклянных башен, а над моими рефлекторами показался сноп огня. Светящиеся цепочки ламп погасли.

Великий Мозг неведомым способом отряхнулся от своей спячки и отомстил, уничтожив дело рук моих!

Прежде чем я успел опомниться от изумления, множество Невидимок исступленно набросилось на меня. Быть может, они думали, что я их предал, а может, лишь исполняли приказ моего ужасного противника. Они ринулись на меня, как ястребы на свою добычу. В мгновение ока целая стая их окружила меня, оглушая пронзительными криками, опрокинула на землю и принялась бить щупальцами.

Когда они на меня напали, я был в опаловом шлеме. Его сорвали с меня, и я не знаю, куда он потом делся, но с этой минуты мне стало еще хуже. Я чувствовал боль ударов и не видел тех, кто меня мучил. Это было страшно! Я не сомневался, что пришел мой конец, но пробуждение Великого Мозга и разрушение сигнальной системы, с таким трудом созданной, настолько потрясло меня, что перед этим бледнело все, и даже смерть меня не пугала.

Вдруг я почувствовал, как скользкие щу-

пальца чудовищ обвили меня, потом захлопали крылья и меня подняли в воздух...

Затем меня швырнули в центр башни, и я начал стремительно падать в какую-то глубокую пропасть, пока не потерял сознание...

Больше я ничего не помню...

Очнувшись, я увидел вас и понял, что вы вернули меня к жизни.

Услышав столь необычное окончание рассказа, все дружно удивились. Заметив это, Роберт улыбнулся.

— Мне кажется, что все происшедшее со мной потом очень легко воссоздать. В самый последний момент Невидимки не смогли убить меня. Быть может, они были благодарны мне за все, чему я их научил, а возможно, они боялись, что им отомстят за мою гибель. Кто может постичь логику этих странных существ, таких примитивных и сложных одновременно!

Я предполагаю, что некая их часть защищала меня, и потом они пришли к компромиссу. Меня погрузили в летаргический сон, а как я прилетел, могу лишь догадываться.

Самым правдоподобным мне представляется следующее.

Великий Мозг, избежав гибели, на которую я его обрек, не пожелал больше терпеть моего присутствия на планете даже в виде мумии и, вероятно, повелел Невидимкам отправить меня обратно, туда, откуда я прибыл...

Для разгона летательного снаряда они вполне могли использовать энергию вулкана, которая вывела меня за пределы притяжения Марса.

Вулканическая сила поистине огромна. Согласно трудам отца Мартинеса, Этна выбрасывает раскаленные камни со скоростью восьмисот метров в секунду, а у Везувия, Геклы и Стромболи она достигает 1200—1500 метров.

Копотакси, Пичучи и другие вулканы Южной Америки извергают лаву и камни из своих недр со скоростью четырех километров в секунду.

На Марсе есть кратеры подобных размеров, а извержения их должны быть намного мощнее, если учесть меньшую силу гравитации и тонкие атмосферные слои.

Я уже говорил, что каменный шар, в который меня заключили, наверняка бросили в жерло вулкана. К тому же не исключено, что Невидимки без труда умеют управлять его активностью.

Следовательно, обратный путь с Марса на Землю я мог проделать по примеру всех болидов, все время попадающих в сферу притяжения Земли...

— Загадкой для меня остается только одно, — задумчиво проговорил Роберт, — как я попал именно сюда?.. Это нельзя считать простой случайностью, оно останется тайной Великого Мозга...

После окончания этой сказочной эпопеи в комнате воцарилась тишина. Никому не приходило в голову задавать ненужные вопросы или докучать банальными поздравлениями.

Наконец, по знаку девушки натуралист, глядя прямо в глаза Роберту, отчетливо проговорил:

— Я должен сообщить тебе важное известие. Невидимки вместе с тобой явились на

Землю. Выслушав твой рассказ, я больше в этом не сомневаюсь!

— Это невозможно! — в сильном волнении возразил Роберт. — Ты абсолютно в этом уверен?

— Совершенно! Они здесь и кружат возле виллы! Их видел Зарух. И твой брат Джордж тоже.

Тут Ральф, не переводя дыхания, рассказал обо всем, что за последние дни произошло на Пальмовой Вилле.

Роберта это ошеломило.

— Почему же вы не сообщили мне о них раньше? — тихо спросил он. — Вы даже не представляете, насколько Невидимки опасны...

— У нас просто не было времени. Несколько дней ты находился между жизнью и смертью, да и, честно говоря, мы еще не были уверены. Только после твоего рассказа мы поняли, какая опасность нам грозит...

— Ничего не бойтесь. Ведь вы меня предупредили. Я покорил Невидимок на их планете, в условиях для них привычных, и нужно какое-то очень неблагоприятное стечение обстоятельств, которое помешает по-

ставить их на место здесь, где все работает против них... То, что они сюда явились, я считаю даже большой удачей для науки. Теперь их можно поймать и изучить как следует... Мы с Ральфом должны сделать их зримыми, хоть у меня и нет больше опалового шлема...

Но несмотря на все заверения Роберта и его стремление успокоить друзей, он помрачнел, задумался, лоб его покрылся морщинками.

— Чем ты так озабочен? — спросила его Альберта.

— Хочу понять, зачем они сюда прилетели. И каким образом достигли Земли. Тем же способом, что и я? Много ли их? На все эти вопросы непременно нужно найти ответ! Не думаю, чтобы они явились затем, чтобы вредить мне. Ведь я был в их власти, и они могли сделать со мной, что им вздумается, однако оставили меня в живых. А быть может Великий Мозг отправил их в изгнание, наказав за непокорство? Или наоборот, они явились сюда потому, что я был единственным, кто осмелился бороться с их тираном? А может, я вернулся благодаря какому-то

катаклизму, независимо от их воли? Я все должен узнать!

НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ

Роберт остался один в своей комнате. Долгое повествование утомило его. Посоветовавшись с друзьями, он решил утром сделать все возможное, чтобы защитить дом от Невидимок.

Размышляя над услышанным, он не переставал удивляться тому, что произошло, и не мог прийти в себя от изумления, хотя прежде удивить его чем-то было трудно.

Он-то надеялся, что, наконец, вернулся к спокойной жизни, а оказалось, что фантастическая одиссея продолжается вопреки его воле, и даже на родной планете нечего пока думать об отдыхе!

Теперь он сможет показать марсианских Невидимок земным академикам и сказать:

— Смотрите! Они действительно существуют!

Занятый такими мыслями, он лег, стараясь понять, из какого материала был сделан опаловый шлем. Теперь это оружие

было необходимо для предстоящей схватки.

— Это ведь я называл его опаловым, — вслух пробормотал Роберт, — а это наверняка конгломерат... Нужно будет исследовать разные вещества на чувствительность к инфракрасным лучам... Ведь опалы не бывают прозрачными...

Тут его сморил крепкий сон, столь полезный для выздоравливающих, и сновидения окружили Роберта.

Ему снилось, что комната полна тихим шелестом крыльев, а в ночном мраке маячат смутные силуэты странных существ.

Это были Невидимки. Он видел, как целый рой их кружил вокруг него, подобно ночным мотылькам, а некоторые стояли возле кровати на выпрямленных щупальцах и походили на прирученных птиц. Они говорили, хотя наяву не умели разговаривать. Невидимки рассказывали о страшной мести Великого Мозга, который молниями разрушил стеклянные башни, всколыхнул землю и снова потребовал кровавой жертвы. Они взбунтовались еще раз и жестоко поплатились за это. Тогда они решили извлечь его, Роберта, из подземелья, где он

сидел, посаженный Невидимками, и они пожалели о своей черной, по мнению Мозга, неблагодарности, но тогда загремел гром, волны морские поднялись к самому небу, и владыка отдал несчастным жестокий бессловесный приказ бросить в кратер вулкана каменный шар с заточенным в нем подстрекателем.

С ожесточенными сердцами подданные повиновались, и в тот же миг вулкан ожил, выбросив в снопе огня раскаленный снаряд далеко за пределы красной планеты.

Тогда-то десятка полтора Невидимок решились для всеобщего блага отправиться вслед за своим опекуном и избавителем, отыскать его и доставить обратно на Марс даже вопреки его воле.

Он должен туда вернуться, чтобы освободить Невидимок и, победив Великий Мозг, стать их вождем, чтобы править ими!..

Как это часто случается во сне, Роберт обрадовался, что Невидимок так мало.

— Тогда почему вы появились здесь раньше меня, если все так, как вы говорите? Ведь я же первым отправился в путь!

На это они ответили, как профессиональные астрономы, что тела, находящиеся в межпланетном пространстве, подвержены разным случайностям. К примеру болид, в котором летел Роберт, мог временно попасть в сферу влияния другой планеты и потому позже оказался на Земле.

Наконец, Невидимки принялись умолять Дарвела, чтобы он полетел с ними, перемещая свои просьбы короткими резкими криками, с которыми не сравнится никакой человеческий голос.

Роберт ответил решительным отказом, упрекая Невидимок за глупость и неблагодарность, пригрозил, что разгневается, если они немедленно не улетят обратно домой.

Взбешенные марсиане перешли от просьб к угрозам и попытались дать понять, что сумеют заставить Роберта быть покорным. Они пообещали, что схватят всех, кто ему так дорог, — брата, друзей, невесту, и тогда он сам начнет упрашивать, чтобы его забрали к ним на Марс.

В те мгновения, когда Невидимки исчезали, Роберт видел себя в одиночестве бре-

душим по лесу с багровой листвой, которых столько повидал на чужой планете.

Вдруг картинка леса пропала, и Роберт увидел комнату Альберты, озаренную мягким светом ночника. Девушка безмятежно спала, но Дарвел с ужасом слышал легкий шорох крыльев за окном, и горящие в темноте глаза казались желтыми огоньками...

Вот одно из чудовищ проникло в спальню и неотрывно уставилось на спящую девушку. Потом щупальцем прикоснулось к ее плечу. Лицо Альберты исказилось от страха и боли, но она продолжала спать.

Роберту казалось, что он наблюдает все это издалека. Не в силах пошевелиться, Дарвел с отчаянием смотрел, как стая Невидимок заполняет комнату Альберты.

Они окружили девушку и своими мягкими щупальцами начали осторожно поднимать ее над постелью, но несмотря на все их старания, Альберта все-таки открыла глаза. В страшном ужасе она вскрикнула и принялась звать на помощь.

Роберт проснулся. Сердце его бешено колотилось, на лбу выступил холодный пот.

Все еще будучи под влиянием кошмара, он не понимал, спит или уже проснулся, как вдруг тревожный крик, услышанный им во сне, опять разорвал ночную тишину и смолк, заглушенный странными резкими голосами.

Роберт вскочил с постели, охваченный жуткой догадкой, и выбежал из комнаты. В коридоре он увидел Ральфа и Джорджа, бегущих с горящими свечами в руках. Они еще работали, когда раздался призыв о помощи, и поняли, что случилось что-то неладное.

— Что это было? — спросил Ральф. — Мне показалось, будто...

— Неужто вы не поняли? — вскричал Роберт. — Невидимки... Они там... в спальне Альберты... Может, они ее унесли, а может... убили!..

Все трое ринулись к спальне девушки, а вскоре к ним присоединились Керифа, Зарух и лорд Фраймкок. Когда они подбежали к двери, Роберт сильным ударом выбил ее.

Комната была пуста...

На подушке еще остался след головы не-

давно спавшей девушки, постель была при-
мята.

Роберт в отчаянии показал на открытое
окно.

— Они утащили ее туда... — произнес он,
рыдая, как ребенок. — Почему я не поберег
ее?!

— Мы должны теперь ее найти, — сказал
Джордж. — Успокойся, Роберт.

— Ты говоришь так, потому что не зна-
ешь этих чудовищ! — глухим, хриплым го-
лосом отозвался Роберт. — Они уже далеко
со своей добычей. Найти ее! Да разве это
возможно?! Кто знает, куда ее понесли и
где она сейчас... Мы ничего не можем сде-
лать для Альберты... Ее ничто не спасет!

Роберт с трудом рассказал о своих ноч-
ных видениях и разговоре с марсианами,
после которого исчезла Альберта.

— Теперь мне все ясно... — прошептал
он. — Мне не привиделось... Невидимки
просто вторглись в мое сознание, а возмож-
но, я и впрямь видел их не во сне, а наяву...
Я так устал... Нервы мои на пределе...
Я больше ничего не понимаю... Что это —
наплыв воспоминаний от сегодняшнего рас-

сказа или проблеск ясновидения? Но зачем они похитили Альберту? Разве не проще было сделать то же самое со мной?.. Я теряюсь в догадках... Одно мне не дает покоя: а вдруг Невидимки были очарованы красотой Альберты, как злые духи красотой ангелов в первые дни творенья?

Он стиснул голову руками, пытаясь справиться с мыслями. Бесстрашный покоритель звездных миров, ученый-первооткрыватель в этот миг был бесконечно несчастным и беспомощным, словно дитя. На него было жалко смотреть.

— Не отчаивайся так, дорогой мой, — сказал Ральф. — Я думаю, еще не все потеряно. Ну, послушай меня внимательно! Ты ведь сам говорил, что Невидимок всего около пятнадцати, как ты видел в своем сне или озарении. Так вот, даже если бы у них были на редкость мощные крылья, и то они не смогли бы слишком далеко улететь со своей пленницей. Помнится, ты рассказывал, что по ночам они спят?

— Да, и этим в основном отличаются от эрлооров.

— Значит, теперь они наверняка отдыха-

ют, устроив Альберту в каком-нибудь тайнике поблизости от дома. Не может такого быть, чтобы мы не смогли ее найти и захватить похитителей во сне.

Простые и четкие рассуждения друга несколько успокоили Роберта, возродив в нем надежду.

Тем временем на востоке забрезжила светлая полоска, ночь быстро уступала место рассвету.

— Отправляемся на поиски немедленно! — скомандовал Ральф.

— Позвольте мне поехать с вами! — умоляюще шепнула Керифа с глазами, полными слез.

— Это невозможно, — как можно мягче отозвался Ральф. — Ты можешь нам помешать, а вот Заруха мы прихватим непременно, потому что только он может вывести нас на след Невидимок. Ведь он первый почувствовал их присутствие!

Негр взглянул на Питчера своими невидящими зеницами, а лицо его выражало страх и удовлетворение.

— А сам ты не догадываешься, где эти

твари могли спрятать твою госпожу? — спросил Ральф.

Зарух указал рукой на восток и серьезно ответил:

— Она там, она не быть больше нигде!

— Не совсем понимаю, — честно признался Ральф.

— В развалинах Кехайи! Она быть там! Там прятаться джинны! И вчера, и этой ночью Зарух их слышать в порывах ветра!

Ральф и Джордж переглянулись, а потом Джордж воскликнул:

— Едем скорей! Промедление смерти подобно! Мужайся, Роберт! Если Зарух так уверен, то не зря! Я же говорил тебе, что он у нас ясновидец! Альберта не однажды сбивалась с дороги в лесу, а он всегда приводил ее прямо домой. Я не сомневаюсь, что мы победим!

ПОИСКИ

Продолжая разговаривать, Роберт с друзьями покинул виллу, где остался только Фраймкок, который должен был позвонить в Бизерту и на всякий случай вызвать

оттуда врача. Зарух быстро вывел всех на тропинку, петлявшую в густых зарослях.

Вскоре стало жарко и душно. Роса быстро высохла, и наши путешественники решили немного отдохнуть на берегу ручья.

Когда они снова пустились в путь, Зарух, казалось, был спокоен и более решителен. Ноздри его трепетали. Высоко вскинув голову, он большими шагами, не сворачивая, шел вперед. Так миновало часа три, но впереди не было видно никаких развалин. Роберт поспевал за друзьями из последних сил.

Вокруг не было ни души. Суеверные обитатели ближних домов покинули свои жилища, напуганные последними вестями. По окрестностям прошел слух, что огненный шар рухнул на виллу, а виной всему чары чужеземцев. Пастухи поспешили увести подалее свои стада, и монотонные арабские песнопения больше не звучали на лугах и среди зарослей. Ничто не нарушало торжественной тишины. Природа казалась хмурой и неприветливой. Даже Ральф, который до сих пор как-то бодрился, и тот помрачнел.

Но вот Зарух поднялся на вершину небольшого холма и возвестил:

— Мы прийти на место!

И, вытянув вперед руку, добавил:

— Это быть там!

Роберт увидел полуразрушенные арки, потрескавшиеся огромные колонны, заросшие кустами и увитые плющом. Перед ними были грандиозные развалины.

— Римские руины, — пояснил Ральф. — Несомненно, Альберта где-то здесь! Это единственное место, где могут прятаться Невидимки. Я уверен, что они очень устали от своей ночной вылазки и более плотной, чем на Марсе, атмосферы, и теперь крепко спят, поэтому мы захватим их врасплох.

Горло у Роберта перехватило от волнения, он не мог произнести ни слова и только умоляюще смотрел на приятеля, словно жизнь Альберты была теперь в руках Ральфа.

— Да не кисни ты! — накинулся на него Питчер, стараясь за деланой резкостью скрыть свои чувства. — Ведь я же тебе сказал, что мы ее спасем, значит так и будет!

Джордж, осмотрев развалины, подошел к остальным и сказал:

— Как там все внутри устроено?

— Тише! — цыкнул на него Ральф и шепотом продолжал:—Римляне строили такие здания по единому плану, а служили они продовольственными складами для легионов в колониях. Это были анфилады сводчатых помещений, расположенных в два этажа — один под землей, а другой — прямо над ним. Внизу хранилось зерно, оливковое масло и вино в каменных амфорах, которыми до сих пор пользуются арабы. Зарух не раз приходил сюда в поисках закопанных кладов, как это делают его соплеменники.

— Тогда пусть он нас ведет, — тихо произнес Джордж, — и если Невидимки действительно тут, посмотрим, уйдут ли они невинными от моих пуль!

У него при себе был великолепный кольт, и юноше не терпелось испытать его в деле.

Зарух, который внимательно прислушивался к беседе, молча потянул Ральфа за рукав и многозначительно покрутил голо-

вой. Небо было покрыто легкими сероватыми облаками, чуть затмевавшими солнечный свет.

— Ты хочешь сказать, что приближается гроза? Ну и что? Я сам вижу. Ты только проводи нас в подземелье, а об остальном не беспокойся. Или боишься? Тогда мы пойдем сами!

Негр пошел вперед, не вымолвив ни слова. Джордж, который следовал сразу за ним, вдруг метнулся куда-то, просяив от радости. В руке он сжимал лоскуток светло-зеленой легкой ткани, который снял с колючего куста.

Роберт заволновался еще сильнее.

— Это обрывок ленты, которой Альберта обычно перевязывает волосы... — произнес он изменившимся голосом. — Зарух сказал правду: она здесь!

Джордж изумленно смотрел на брата. До сих пор он не слишком доверял словам Заруха, но теперь держал в руках неоспоримое доказательство его интуиции. Роберт стиснул в ладони драгоценную находку.

Негр достал из-под бурнуса фонарь, зажег его и все двинулись дальше. Роберт

вышел вперед, чтобы Невидимки сразу заметили его, а Зарух побледнел и дрожал, не переставая.

Вдруг он остановился. Зубы его громко стучали, а фонарь в руке трясся, точно лист на ветру. Ральф отобрал у него светильник со словами:

— Дай-ка сюда, не то разобьешь...

Он не закончил фразы. Огромная расплывчатая тень проскользнула между ним и стеной, а Джордж ощутил на лице прикосновение мягкого невидимого крыла. Волосы зашевелились у него на макушке, он вздрогнул от невольного ужаса.

«Невидимки!» — молнией пронеслось в голове.

В тот же миг он прицелился в сторону тени и выстрелил. Послышался резкий приглушенный смех, и пуля упала прямо к ногам Джорджа. Думая, что она отрикошетила от скалы, юноша поднял ее и осмотрел. Она была совершенно целой.

Все изумленно молчали, Зарух больше походил на мертвеца, нежели на живого человека.

— Так мне показалось... — пробормотал

молодой человек, показывая неповрежденную пулю.

— Да, — буркнул Ральф. — Вот он, этот феномен... В Индии я видел йогов, в которых стреляли, а пули, отраженные силой их взгляда, возвращались обратно. Насколько же мощнее должна быть сила воли у существ с таким огромным мозгом! Боюсь, что твой брат был прав, Джордж... Это действительно страшно, и я должен признать, что против марсиан мы бессильны...

Но эти слова не обескуражили Джорджа, а лишь придали ему отваги.

— Посмотрим! — воскликнул он, сжав кулаки. — Лично я уступать не намерен!

И прежде чем ему успели помешать, еще трижды выстрелил в Невидимку.

Все три пули так же, как и первая, отлетели к его ногам, но вместе с последним выстрелом раздался громкий отчаянный крик.

— Альберта... Это голос Альберты! — прошептал Роберт. — Она услышала нас и дает о себе знать!

Он ринулся вперед, но в тот же миг приглушенно вскрикнул и начал пятиться.

К превеликому изумлению своих друзей Дарвел двигался ко входу в пещеру.

— Что с тобой, Роберт? — спросил Ральф. — Куда ты?

Вдруг он испуганно умолк, заметив, что ноги Дарвела не касаются земли.

Прежде чем он опомнился, его самого кто-то схватил за волосы и с нечеловеческой силой потащил прочь. Придя в себя, Ральф обнаружил, что находится среди своих приятелей, которые были напуганы не меньше его самого.

Прошло немало времени, прежде чем они оправились от первого потрясения, и Роберт с трудом проговорил:

— Ну как, убедились? Они даже не снизили до того, чтобы нас прикончить, а брезгливо вышвырнули из своего логова. Альберта в их власти... Что делать, Господи, что нам делать?..

— Теперь они нас предупредить, а если мы еще раз к ним пойдем, они нас убьют... О, Аллах, как я страшно испугаться... Моя бедная госпожа!..

— Ну, я с ними еще повоюю, иначе не сочту себя достойным называться англича-

нином! — отозвался Ральф. — Мы так просто поле боя не уступим!

Он сел и, обхватив голову руками, задумался. А потом воскликнул:

— Мужайтесь, друзья! Еще не все потеряно!

— Ну, чем порадуешь? — спросил его Джордж.

Ральф взял из рук негра тонкий металлический прут, который тот использовал вместо трости, и показал на изломы гранита у входа в подземелье:

— Я собираюсь завалить вход в пещеру, чтобы они не могли утащить Альберту. Мы останемся на страже, а Джордж немедленно отправится в Аим-Драхам и вызовет сильный вооруженный отряд. Думаю, комендант нам не откажет. Когда развалины будут оцеплены, мы сможем разбаррикадировать подземелье, но вначале натянем такую густую сетку из проволоки, что через нее никакая тварь не проберется!

— Отлично, — кивнул Джордж. — Но где мы ее возьмем? Пока мы развернемся, Альберта может сто раз погибнуть!

— Слушай внимательно. В гавани на

якоре стоит крейсер. Там наверняка есть изрядный запас троса для контрмин. Это как раз то, что нам нужно. Мы заплатим, сколько они запросят!

Про себя Джордж и Роберт восхищались находчивостью Ральфа.

— Но если мы заложим вход, не трудно ли будет дышать Альберте?

— Нет, — отозвался Ральф. — Между валунами множество щелей.

С этими словами он приблизился к пещере. За ним последовали и остальные. Но как только Питчер попробовал взяться за работу, из подземелья посыпался град камней.

Невидимки перешли к обороне.

Роберт, бросившись на землю, увернулся от удара, Заруху слегка ранило ногу, а Джордж, сраженный в висок, рухнул как подкошенный.

В тот же миг неустрашимый Ральф сдвинул с места наклонную каменную плиту, которая потянула за собой другие с сильным грохотом. Поднялось облако пыли, а когда рассеялось, пещера была наглухо завалена.

Роберт кинулся к неподвижно лежавшему брату.

— Джордж! Джордж! Мой славный, милый Джордж! — словно безумный, повторял он.

Ральф с Зарухом перенесли раненого, не подававшего признаков жизни, под дерево. Напрасно Роберт плакал и осыпал юношу самыми нежными словами. Этот последний удар судьбы сломил его. Ральф начал опасаться, как бы Дарвел не повредился рассудком.

— Ну, успокойся, дорогой мой, — мягко уговаривал он друга. — Вот увидишь, мы спасем его. Держись, не падай духом! Надо перенести Джорджа к ручью, он там, на лево. Кажется, рана не глубокая, но с этими тварями придется держать ухо востро! Зарух немного посторожит, а мы унесем раненого.

Но не успели они пройти и сорока шагов, как разразилась гроза. Дождь лил как из ведра, в небе полыхали молнии. Все в одно мгновение промокли до нитки. Холодная вода и раскаты грома привели Джорджа в

чувство. Он приподнял голову и попытался встать.

Поняв, что это был лишь глубокий обморок, Ральф с Робертом облегченно вздохнули, но тут к ним примчался Зарух. Он был насмерть перепуган, с него ручьями стекала вода.

— Скорей! — кричал негр. — Там огоны! Много огня!

— Ты что, с ума сошел? — не выдержал Ральф. — Какой огонь в такой ливень?!

— Бежим скорей! — вмешался Роберт. — Я понял! Дай Бог ошибиться...

Друзья во весь дух понеслись к пещере и минуто спустя были на месте.

Зарух не обманывал. Из всех щелей валил густой дым с тошнотворным запахом.

— Альберта... Она там... в огне! — метался Роберт.

— Ах, я идиот! — в отчаяньи ругал себя Питчер.

Все трое молча принялись отваливать камни от входа в пещеру, до крови обдирая руки.

— Что ты натворил, Ральф! — упрекал его Роберт.

Тот не ответил и продолжал работать с удвоенной силой. Питчер сворачивал камни чуть ли не в человеческий рост, руки его были в жидкой грязи и крови.

Когда отверстие стало достаточно большим, из него вырвался столб дыма.

Ральф уже начал протискиваться вперед, когда Роберт резко оттолкнул его.

— Я сам должен ее спасти! — решительно заявил он и исчез в темноте.

— Он идет на верную гибель! — пробормотал Ральф. Убрав еще несколько камней, Питчер последовал за другом. Зарух не осмелился сопровождать их, но принялся лихорадочно разбрасывать камни, чтобы освободить вход.

Прошло несколько долгих томительных минут... Из пещеры по-прежнему валил дым, а двое смельчаков не подавали признаков жизни...

Зарух переживал настоящую пытку, напряженно ловя каждый звук, и вот, наконец, кто-то позвал его по имени. Преданность оказалась сильнее страха, и негр нырнул в зияющую черноту пещеры. Не успел

он пройти и нескольких шагов, как наткнулся на Роберта.

— Быстрей... — раздался прерывающийся голос. — Я несу Альберту... Возьми... спаси ее...

Негр подхватил на руки безжизненное тело девушки и вынес ее наружу.

Потом, положив Альберту на траве, вернулся в подземелье.

Роберта Заруху удалось найти не сразу, поскольку юноша потерял сознание и упал. Его слуга тоже вынес на свежий воздух.

Вскоре Роберт очнулся и первым делом спросил:

— Альберта жива?

И, не увидев друга, добавил:

— А Ральф? Где Ральф?

— Здесь я! — ответил ему хриплый, но веселый голос.

Потный, черный от копоты Питчер выбрался из пещеры, чихая и кашляя.

— Она жива? — встревоженно спросил натуралист, взглянув на Альберту.

— Да, но дыхание очень слабое, — шепнул Роберт.

— Надо ее побыстрее отнести к ручью и

умыть холодной водой, — сказал Ральф. — А кому-то из нас придется вернуться на виллу за помощью.

Он наклонился, взял девушку на руки и двинулся вперед так легко, словно у него не было никакой ноши.

Затем он кликнул Заруха и сказал ему со своим обычным спокойствием:

— Милейший, сделай мне такое удовольствие! Прежде чем уйти отсюда, снова хорошенько завали пещеру камнями! Не то нам еще когда-нибудь придется столкнуться с Невидимками!

Зарух не заставил упрашивать себя дважды и с жаром принялся за работу. Ему тоже хотелось освободиться от чудовищ раз и навсегда.

Роберт и Ральф застали у ручья Джорджа, который уже окончательно пришел в себя и даже перевязал рану платком. Он встал и шагнул навстречу друзьям, но в этот миг раздался сигнал автомобиля.

— Это лорд Фраймкок! — обрадовался Джордж. — Молодец, что додумался! Побегу ему навстречу, а то проедет мимо...

Ральф и Роберт тем временем пытались привести в чувство Альберту, и были счастливы, когда их старания, наконец, увенчались успехом.

Вначале она заметила Роберта и слабо улыбнулась, но тут же снова закрыла глаза. Однако на щеках ее выступил румянец, сердце билось ровно — Альберта была вне опасности!

Вскоре ее усадили в машину, которую мастерски вел лорд-кулинар, сгоравший от любопытства. Ему не терпелось узнать о приключении во всех подробностях.

Однако ему пришлось набраться терпения, поскольку Альберта настолько устала и ослабела, что когда автомобиль затормозил перед входом в дом, она опять лишилась чувств.

Роберт подхватил ее, как ребенка, и понес по лестнице.

ОБЪЯСНЕНИЯ

Здоровье Альберты не пострадало, она просто надышалась дымом. Заботами друзей, и Роберта прежде всего, девушка вско-

ре совсем оправилась от потрясений, и о случившемся напоминали лишь несколько легких повязок. К вечеру Альберта уже могла спуститься в столовую.

После ужина все собрались в салоне, как тогда, когда Роберт рассказывал о своих путешествиях.

— Нынче буду я рассказывать о своей встрече с Невидимками, — смеясь, заявила Альберта. — Правда, до невероятных приключений Роберта мне далеко, но я все же надеюсь вас немного позабавить!

Ее слова были встречены всеобщим одобрением.

— Вчера, когда мы разошлись по своим комнатам, я вскоре уснула, и мое воображение начало рисовать продолжение услышанного. Я увидела Невидимок. Они ринулись на меня, как в свое время на Роберта, решив, что он их предал.

Я почувствовала на себе их скользкие упругие щупальца и, увы, быстро убедилась, что все происходит наяву! Открыв глаза, я поняла, что меня куда-то несут по воздуху. Тогда я принялась кричать и звать на помощь.

Не знаю, как я не лишилась рассудка от страха.

Возможно, так бы и случилось, если бы не рассказ Роберта накануне.

Я сразу поняла, какие опасности мне грозят, ведь меня похитили Невидимки!

До конца осознав это, я закричала так отчаянно, что наверно было слышно во всем доме.

Все произошло мгновенно. Больше я не могла звать на помощь. Меня несли так быстро, что трудно стало дышать.

Такого кошмара я не испытывала еще никогда в жизни! От прикосновения холодных мерзких щупальцев меня мутило. Я вдруг зависла в воздухе, и это страшное ощущение наверно не забуду до самой смерти.

Внизу пронеслась вила, потом я видела верхушки деревьев, поляны...

Все это мелькало у меня перед глазами с головокружительной быстротой, и я дрожала при мысли, что меня утащили, чтобы бросить в море или в какую-нибудь пропасть... Потом я потеряла сознание, а когда очнулась, поняла, что мы летим медленней.

Должно быть, Невидимки, которые меня несли, уже устали.

Еще немного погодя я почувствовала под ногами землю, но меня продолжали крепко держать и подталкивали к входу в подземелье.

Уже рассветало, а я, бредя среди развалин, с отчаяньем спрашивала себя: неужели мне довелось видеть зарю в последний раз? Я опять начала громко звать на помощь, но все было напрасно, а мои похитители, вероятно разозленные моей непокорностью, поспешно втолкнули меня в темноту. Одно хорошо — теперь я могла двигаться свободно.

Я уселась на большом камне и удивлялась, что пока осталась жива, но каждую минуту ждала неизбежной смерти.

Мне показалось странным, что я осталась совсем одна, но чувствовала, что за мной непрерывно следят. Кругом было очень тихо. Я немного приободрилась и потихоньку направилась к выходу, но меня так крепко схватили за руку, что у меня от боли слезы брызнули из глаз.

Невидимки по-своему предупреждали, что

не хотят, по крайней мере пока, причинять мне никакого зла, но давали понять, что если я попытаюсь бежать, меня жестоко накажут.

Не знаю, сколько времени так прошло. Глаза у меня слипались от усталости и бессонной ночи. Прислонившись к замшелой стене, я попробовала заснуть...

Меня разбудил звук выстрела. Я поняла, что это где-то совсем рядом. На мгновение я испугалась, а потом страшно обрадовалась, поняв, что вы близко. Я даже не сомневалась, что вы постараетесь спасти меня во что бы то ни стало. На мгновение мне удалось разглядеть ваши лица при слабом свете фонаря, расслышать голоса.

Тогда я снова закричала, чтобы вы поняли, где они меня спрятали. Мой голос и звуки выстрелов испугали Невидимок. Они издавали резкие гортанные вопли, я чувствовала, как от взмахов их крыльев колыхается воздух.

Мне казалось, что теперь самое подходящее время для побега. Я рванулась к выходу — меня с силой оттолкнули назад, но я успела почувствовать под ногой ма-

ленький угловатый предмет. Наклонившись и подняв его, я поняла, что это металлическая коробочка, полная восковых спичек.

Наверно, их обронил Зарух, когда зажигал фонарь... Я вернулась на свое место, раздумывая, не станут ли для меня спички орудием спасения...

Вдруг меня осенило зажечь сухой мох и листья, лежавшие на полу пещеры. Их там было множество. Я помнила, что Невидимки боятся огня и дыма, а потому наверняка побегут прочь без оглядки. Быть может, тогда мне удастся вырваться на волю...

Я сгребла листья в кучу и бросила на нее горящую спичку. Огонь вспыхнул мгновенно, пещера начала заполняться дымом, дышать делалось все труднее. Я побежала к выходу. Меня отделяло от него всего несколько шагов, когда снаружи посыпались камни, заваливая отверстие. Ральф, сам того не ведая, лишал меня свободы!

— Я вовсе не собираюсь тебя упрекать, — с улыбкой продолжала Альберта. — Ты действовал с самыми благими намерениями и не мог знать, что я разведу в пещере костер, но тогда я чуть не упала в обморок...

Остаться наглухо запертой в пещи огненной вместе с Невидимками! Сознаюсь, я пережила страшные мгновения. Чудовища, задыхаясь, кружили в воздухе с пронзительными криками. Я думала, что они растерзают меня, чтобы отомстить за то, что я сделала, но дым убивал и меня. Глаза щипало, грудь разрывал кашель. Я упала на пол. Мне показалось, что я умираю...

Очнулась от того, что кто-то брызгал мне в лицо холодной водой. Открыв глаза, я увидела, что лежу на берегу ручья...

Таково правдивое описание моих приключений с Невидимками. Однако мне хотелось бы знать, что ни одно из этих страшилищ не спаслось и все они погибли в пламени.

— Не бойся, — успокаивал Альберту Ральф. — Я был там вечером. Разобрал камни у входа и вошел в подземелье. Оно было полно полуобгоревших трупов марсиан, так что мы можем спать спокойно. Невидимок больше нет!

Вот уже целый месяц, как Альберта стала счастливой супругой Роберта Дарвела.

Свадьба была отпразднована весьма торжественно, благодаря чему лорд Фраймкок снискал себе европейскую славу. Разные монархи приглашали его к своему двору, но он всем неизменно отвечал решительным отказом, храня верность своим друзьям. Роберт готовит к печати свою книгу о путешествии на Марс, а его теория о происхождении Великого Мозга породила ожесточенные дискуссии в научных кругах. Ральф работает по-прежнему и заново отстроил лабораторию. При помощи Джорджа и Заруха он пытается решить проблему перехода в невидимое состояние. Похоже, в этом он уже достиг заметных успехов.

Арабы сочинили фантастические легенды о происшествиях на вилле и в развалинах; кроме того, они утверждают, что один Невидимка все-таки спасся от огня и теперь скитается в окрестных лесах. Считается, что из-за него болеют дети, гибнут потерявшиеся ягнята, а многие поговаривают, что перед большим несчастьем люди слышат в зарослях резкий, дикий и глумливый хохот...

Литературно-художественное издание

Гюстав Леруж

НЕВИДИМКИ

Фантастический роман

Художники *М. Жданова и Б. Мокрополов*
Художественный редактор *О. Владиславов*
Технический редактор *Т. Сайтарова*
Корректор *Е. Евсеева*

Сдано в набор 23.04.93. Подписано в печать 30.08.93.
Формат 84×108^{1/64}. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-
изд. л. 8,52. Тираж 50 000 экз. Заказ № 581. Цена свободная.

Леруж Г.

Л 49 Невидимки. Фантастический роман. Перевод с французского. — Пермь: «Янус». 1993. — 335 с.

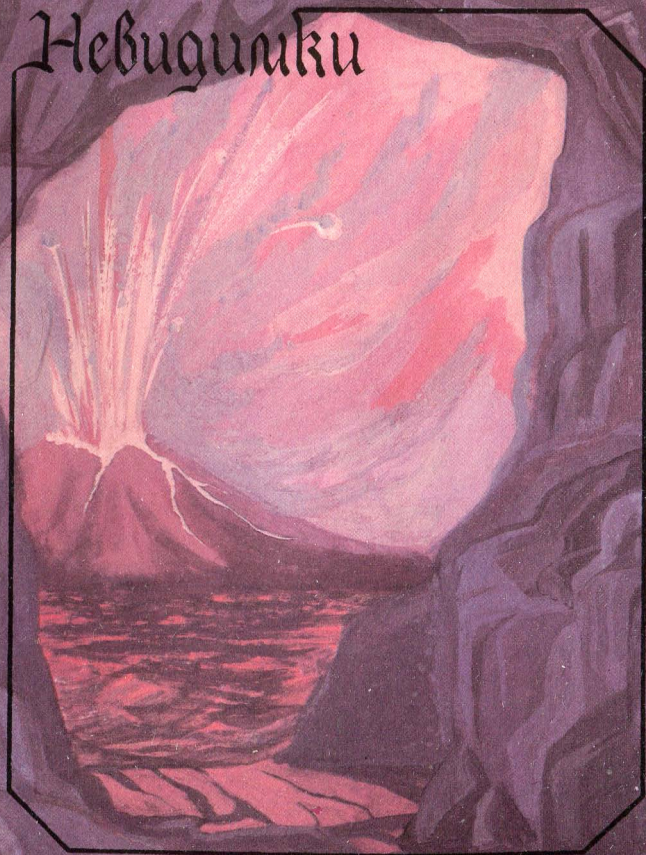
Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

ПЕРМЬ
ЯНУС
1993

Hebuguniku

Тюсмаб Непых

2